

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Н. Н. ЛЫКОВА

СИНТАКСИС  
СТАРОФРАНЦУЗСКОГО  
ПРАВОВОГО ДИСКУРСА

*Монография*

Тюмень  
Издательство  
Тюменского государственного университета  
2018

УДК 81'42  
ББК Ш105.51  
Л883

**Автор:**

*Н. Н. Лыкова* — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета

**Рецензенты:**

*Э. М. Рянская* — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и перевода Нижневартковского государственного университета

*В. И. Томашпольский* — доктор филологических наук, профессор, г. Екатеринбург

*Р. И. Телешова* — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой французского языка Новосибирского государственного педагогического университета, доктор филологических наук Тулонского университета

**Лыкова, Н. Н.**

Л883 Синтаксис старофранцузского правового дискурса : монография / Н. Н. Лыкова ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт социально-гуманитарных наук. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2018. — 176 с.

ISBN 978-5-400-01523-6

В монографии на материале ранних правовых документов, написанных на старофранцузском языке, рассматриваются особенности правового дискурса в период его становления с учетом культурно-правового и социолингвистического контекста. Раскрывается взаимодействие между устной и письменной речью в раннем профессионально-правовом дискурсе и выявляются виды и способы манифестации такого взаимодействия. Определяются специфика синтаксического оформления статьи закона, преобладающие типы предложений, синтаксическая связь между предложениями и объединение их в смысловое целое.

Фрагменты статей законов, подвергшихся анализу, переведены на русский язык.

Адресуется лингвистам и филологам, историкам и историкам права, студентам, магистрантам и аспирантам, интересующимся проблемами исторической лингвистики и становления языков для профессиональных целей.

УДК 81'42  
ББК Ш105.51

ISBN 978-5-400-01523-6

© Тюменский государственный университет, 2018  
© Лыкова Н. Н., 2018

# ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Предисловие .....	8
Глава 1. Старофранцузский правовой дискурс.....	10
1.1. Языковая ситуация во Франции в XI–XV вв. ....	10
1.2. Правовая ситуация на территории Франции и ее отражение в правовых текстах .....	13
1.3. Структура и композиция старофранцузских текстов законов ...	22
1.4. Композиция статьи закона .....	32
Выводы .....	35
Глава 2. Элементы устной речи в старофранцузских правовых текстах.....	36
2.1. Проблема оральности и письменные тексты.....	36
2.2. Признаки устной речи в древних правовых текстах.....	39
2.3. Побудительность в старофранцузских правовых текстах .....	51
2.3.1. Императивные высказывания в ранних французских правовых документах .....	52
Императив в прямой речи .....	53
Императив в непрямой речи .....	55
2.3.2. Другие средства выражения побудительности .....	61
Перформативы .....	61
Сюбжонктив .....	66
Имплицитное побуждение .....	71
Побуждение/волеизъявление: констативы с глаголом <i>deveir</i> , безличные обороты и другие конструкции.....	76
Выводы .....	93
Глава 3. Типы предложений в старофранцузских правовых текстах ...	97
3.1. Простое и сложносочиненное предложения .....	100

3.2. Сложноподчиненное предложение: фразовые комплексы .....	115
3.2.1. Фразовый комплекс с бессоюзной связью.....	117
3.2.2. Фразовые комплексы с сочинительной и подчинительной связью .....	121
Фразовые комплексы, включающие придаточное дополнительное.....	122
Фразовые комплексы, включающие придаточное относительное .....	124
Фразовые комплексы, включающие придаточное условия.....	128
Фразовые комплексы, включающие придаточное времени .....	134
Фразовые комплексы, включающие придаточные причины и следствия .....	141
Фразовые комплексы, включающие придаточное уступки.....	149
Фразовые комплексы, включающие придаточные сравнения и образа действия .....	152
Выводы .....	156
Заключение .....	158
Список литературы .....	161
Словари и принятые сокращения .....	174
Источники и принятые сокращения .....	175

# ВВЕДЕНИЕ

Когда речь идет о языках профессиональной коммуникации, то внимание исследователей концентрируется в основном на изучении терминологии, составляющей, несомненно, ядро специальных языков<sup>1</sup>.

Многие из языков для специальных целей, как отмечает В. М. Лейчик в своем докладе «Профессиональная и непрофессиональная лексика в профессиональных и непрофессиональных LSP» на пятой международной научной конференции «Языки профессиональной коммуникации», являются многоуровневыми образованиями. У собственно специальных языков есть разговорные варианты, которыми «пользуются профессионалы в коммуникации с малоподготовленными собеседниками, а лексикой этого уровня LSP служат так называемые профессионализмы... представляющие собой стилистические синонимы терминов» [Лейчик, 2011: 30], есть и профессиональные жаргоны. О каком бы ярусе языков для специальных целей не шла речь, единицами фиксации специальных данных или единицами обмена специальной информацией выступают лексические единицы разной природы: термины, предтермины, квазитермины, псевдотермины и другая профессиональная лексика.

Так, в журнале «Вестник Челябинского государственного университета» опубликовано более ста статей участников вышеназванной конференции «Языки профессиональной коммуникации»

---

<sup>1</sup> О понятии «язык профессиональной коммуникации» см., например, [Голованова, 2011: 45-53]; о соотношении и взаимодействии понятий «язык для специальных целей» и «язык профессиональной коммуникации» см. статью В. М. Лейчика [Лейчик, 2011].

[Вестник. 2011. № 24]. Если проанализировать заголовки, аннотации и ключевые слова, то более половины из них (55%) посвящены как раз специальным словам, терминам и терминологиям.

Однако не меньший интерес представляет исследование продуктов профессиональной коммуникации — текстов. Когда речь идет о хронологически удаленном периоде, требуется отметить, что прежде чем сформируется та или иная терминосистема, лексические единицы, фиксирующие профессиональное знание, проявляют себя только через устные/письменные высказывания: они звучат в речи и закрепляются в профессиональном дискурсе (детальный анализ термина *дискурс* и его осмысление через сему говорения, высказывания представлен в [Белозерова, Чуфистова, 2013: 12-18]). Т. А. ван Дейк вообще понимает дискурсы как социальные действия, которые могут вызывать изменения в социальных отношениях и ситуациях или иметь важные социальные последствия, как в случае судебных разбирательств, например [ван Дейк, 1989б: 96].

В современной дискурсивно-когнитивной парадигме<sup>1</sup> термином *дискурс* обозначают целенаправленную речевую деятельность, которая реализуется в тексте или совокупности текстов, созданных в определенных условиях (социальных, культурных и пр.). В. Е. Чернявская, анализируя различные определения этого термина, выделяет два понимания: дискурс как коммуникативное событие, фиксируемое в текстах или устных высказываниях и осуществляемое в определенном коммуникативном пространстве; дискурс как совокупность тематически соотнесенных текстов. При этом она приходит к выводу, что оба понимания являются взаимодополняющими и раскрывающими различные стороны одного и того же явления,

---

<sup>1</sup> О понимании дискурса как языка в языке см. [Степанов, 1995]; краткое, но емкое изложение различных пониманий этого термина и направлений исследования можно найти в [Нерознак, Халеева, 2005: 833-835]; о французской школе анализа дискурса см. [Квадратура смысла, 1999; Рыжова, 1998; Рыжова, 2007; Maingueneau, 2002]; о дискурсе с точки зрения лингвокогнитивной синергетики см. [Алефиренко, 2009: 238-239, 245-247].

и предлагает свое, близкое нам, определение: под дискурсом понимаются тексты в неразрывной связи с ситуативным контекстом, т. е. в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими и другими факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающим особую упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте [Чернявская, 2006: 74-79].

Л. П. Рыжова также подчеркивает, что «дискурс как конкретная манифестация устной или письменной речи, как конкретный сложный и упорядоченный процесс или результат речепроизводства, как индивидуальный речевой акт и объект межличностной коммуникации необходимо включает информацию о ситуации и теме общения, об участниках общения и о процессах интерпретации дискурса» [Рыжова, 2015: 313].

Таким образом, изначально сферой существования специальной лексики является текст/дискурс в его устной или письменной форме. Именно в тексте и благодаря тексту осуществляется функция накопления, хранения и передачи специальных знаний о мире и закладываются начала научной картины мира.

Рассматривая особенности устной и письменной коммуникации, С. И. Гиндин отмечает, что в устной речи высказывание непосредственно в момент своего появления становится коммуникативным событием, а в письменной речи в создании сообщения прослеживаются две стадии: креативная и собственно коммуникативная. На креативной стадии создается речевое произведение, а на собственно коммуникативной оно вводится в коммуникативный фонд и становится потенциальным сообщением, которое можно транслировать [Гиндин, 1994: 62-63]. Введение правового дискурса в коммуникативный оборот как раз и обеспечивают первые правовые документы, написанные на французском языке, которые уже отражают практики языковой деятельности, устоявшиеся на тот период времени в данной культурной и социальной среде.

# ПРЕДИСЛОВИЕ

На наш взгляд, исследований, в которых бы изучались синтаксические особенности специальных текстов на ранних этапах, недостаточно, поэтому цель данной монографии заключается в том, чтобы выявить отличительные признаки французского правового дискурса на ранних этапах его становления, показать взаимодействие устной и письменной форм речи в ранних правовых текстах и определить специфику построения фразы в профессиональном правовом дискурсе этого периода.

В рамках современных направлений исследования языка, таких как лингвосинергетика, например, текст понимается как крупная единица, посредством которой происходит взаимодействие человека и окружения. Отмечается, что содержание и структура текста соотносятся с социальным контекстом, который постоянно меняется [Дрожачих, 2012: 22]. В тексте отражается состояние социокультурной среды в определенный момент времени. Параметр социально-культурного окружения является значимым, когда мы исследуем тексты, фиксирующие профессиональное знание. Этому посвящена первая глава монографии.

Во второй главе рассматриваются вопросы взаимодействия устной и письменной речи в древних правовых текстах, возможность выявления фрагментов устной речи в письменном тексте, признаки устной речи в этих текстах и особенности в выражении субъекта речи и адресата, которому направлено сообщение, способы организации диалога между законодателем и другими субъектами права.

Вопросы строения предложений, способы репрезентации конкретным языком типичных, обобщенных ситуаций интересны сами по себе как возможность понять процессы и закономерности, ле-



жащие в основе оформления мысли в связное высказывание. Кроме того, в работах по психолингвистике отмечается, что изучение синтаксиса, а именно мотивированные предпочтения в выборе грамматических категорий при построении текста, способы синтаксического связывания реплик, линейные параметры письменных конструкций, важно и для характеристики языковой личности [Наумов, 2007: 222]. В фокусе внимания третьей главы находятся, таким образом, особенности выражения разных видов синтаксической связи в ранних правовых текстах, написанных на французском языке.

\*\*\*

Данная монография продолжает исследования автора, посвященные начальному этапу генезиса подязыка права во французском языке. От изучения процессов становления терминологии права в старофранцузском языке [Лыкова, 2005] мы переходим к анализу древних текстов права, написанных на французском языке, и в фокусе нашего внимания оказываются синтаксические явления, факты, связи и отношения.

В основу монографии легли четыре статьи, опубликованные на протяжении 2013-2017 гг. [Лыкова, 2013; Лыкова, 2015; Лыкова, 2017; Лыкова, 2017а]. Кроме того, при описании материала исследования и характеристике правовой ситуации на территории Франции в изучаемую эпоху частично использованы данные, содержащиеся в монографии, посвященной терминологии языка права [Лыкова, 2005].

# ГЛАВА 1

## Старофранцузский правовой дискурс

### 1.1. Языковая ситуация во Франции в XI–XV вв.

Лингвистическое состояние в средневековой Франции характеризовалось диглоссией<sup>1</sup>. В данный период наблюдается функциональное сосуществование латинского и французского языков [Челышева, 1985: 214-215], при этом использование старофранцузского языка было функционально ограниченным. История становления французского языка с социолингвистических позиций представлена в содержательной и детальной монографии Р. Э. Лоджа с красноречивым названием «Французский язык. История диалекта, ставшего языком» [Lodge, 1997].

Характеризуя интересующий нас период, автор отмечает, что с функциональной точки зрения латинский язык был языком письменного общения, использовался во всех важных областях общественной жизни, таких как религия, право, управление городом. Это был язык образованной элиты Европы, который пользовался престижем, тогда как французский язык, использующийся как язык устного общения, рассматривался как местное наречие, говор. Латинский язык обладал литературной традицией, а устное творчество на местных языках не могло иметь того же веса, что и культурное наследие римских авторов. Латинский язык преподавался в школах,

---

<sup>1</sup> Под *диглоссией* понимается одновременное существование в обществе двух языков или двух форм одного языка, применяемых в различных функциональных сферах. При этом обязательной является сознательная оценка говорящими своих идиомов по шкале «высокий — низкий», «торжественный — обыденный» [ЛЭС, 1990: 136].

а родной язык усваивался «на коленях матери». Латинский язык обладал кодифицированной грамматикой, тогда как местные языки были подвержены вариативности, постоянно изменялись. Социолингвистическая история Франции в период между IX и XVI вв., делает вывод автор, состоит в поступательном размывании (*dilution*) ситуации диглоссии и в переходе к состоянию языка, обладающему всеми функциями, в ходе которого местные языки превращаются в письменные и начинают восприниматься как престижные [Lodge, 1997: 131-132].

Во второй половине XII в. самым престижным из местных языков севера Франции становится язык королевского двора в Париже, формирующий языковую норму высших классов общества. Этот процесс отмечен в произведениях писателей XII-XIII вв. Выражением «материнский язык» обозначают теперь свой родной диалект, отграничивая его таким образом от речи Парижа. Традиционная иерархия между латинским и местным языком постепенно сменяется иерархией между стандартизированной речью и диалектом.

Вместе с географическим расширением королевской власти в XIII в. королевский язык начинает фиксировать языковую норму. И по мере того, как язык королевского двора становится языком королевской администрации, слово «французский» перестает быть только названием диалекта Иль-де Франс [Lodge, 1997: 137-140].

Медленно, но неуклонно латынь уступает большинство своих функций языку королевского двора (франсийскому диалекту, будущему французскому языку), распространившему свое влияние и на юг Франции.

В период с XIII по XVI в. французский язык начинает употребляться в новой для себя роли — роли языка официального общения в королевской канцелярии, в области права и науки. Вытеснение латыни французским, как отмечается в литературе, происходит в два этапа: вначале каждая территория вырабатывает собственную систему письма — региональную письменную традицию (скрипту), которая используется местными канцеляриями для администра-

тивных нужд и местными правоведами; затем система письма, принятая в Париже, постепенно распространяется на все королевство, вытесняя не только латинский язык, но и другие диалекты. Распространение французского языка в сфере делового общения производно от расширения власти французского короля. В XIII в. к королевской короне были присоединены Нормандия, Мен, Анжу, Турень, Пуату, Овернь, графство Тулузское, Шампань, в XIV в. — Лионне и Дофине. В XV в. Париж распространяет свое влияние на Гасконь, Прованс, Франш-Конте и Бретань [Lodge, 1997: 168].

На севере Франции в XIII в. региональные скрипты начинают конкурировать с латинским языком в сфере деловых документов. К концу XIII в., по свидетельству Р. Э. Лоджа, текстов, написанных на местном диалекте, появляется уже больше, чем на латинском языке, а в течение XIV в. употребление латыни для этих целей становится редким явлением [Lodge, 1997: 170]. Язык провинциальных канцелярий основывался на соответствующей региональной скрипте, однако грамоты были инструментом письменной правовой процедуры: условность их построения, влияние латинской канцелярской традиции придавали языку рукописей, независимо от происхождения, определенное единообразие, местные диалектные особенности в них сглаживались. В XV в. процесс распада наддиалектных скрипт коснулся и языка тех областей Северной Франции, где существовала сильная местная письменная традиция (Нормандия, Пикардия, Лотарингия, Валлония), тем не менее, на северо-востоке и востоке диалектные особенности в языке документов встречались вплоть до XVII в. [Чельшева, 1985: 209].

К. Т. Госсен считает, что причины постепенного вытеснения латинского языка и его замена местным говором лежат в социальной области: латынь была языком хартий до тех пор, пока они писались для духовенства и высших слоев общества. Развитие общественных отношений, в частности, коммун, городов, привело к вовлечению в общественную жизнь разных слоев населения, не знающих латыни и все более отстраняющихся от влияния церкви [Gossen, 1962: 290].

Французский язык постепенно начинает отвечать требованиям, которые позволяют признать его высоким: а) это язык правительства и администрации, науки и ремесел; б) обладающий престижем; в) письменностью; г) способный выражать сложные идеи самых разных областей знания; д) отличающийся богатым литературным наследием; е) распространенный на всей территории Франции [Lodge, 1997: 166].

## **1.2. Правовая ситуация на территории Франции и ее отражение в правовых текстах**

Старофранцузский правовой дискурс является результатом когнитивной и социальной деятельности правоведов — специалистов по производству правовых текстов, деятельности, которая опирается на изучение предшествующих правовых актов, написанных на латинском языке. Эти документы по праву могут быть названы прецедентными. Особенностью правовых текстов, в т. ч. древних, является их тесная связь с правоприменительной практикой, поскольку каждый правовой документ подвергается интерпретации при решении конкретной правовой ситуации. Таким образом, корректируя или трансформируя правовые акты, законодатель принимает во внимание изменившиеся условия жизни в обществе, новые общественные потребности, откликаясь на современные ему требования.

В старофранцузский период (IX-XIII вв.) в качестве таких прецедентных текстов для законодателя выступают нормы обычного права<sup>1</sup>, до их кодификации передающиеся устным путем, а затем зафиксированные в сборниках кутюмов. Другой вид прецедентных текстов, лежащих в основе старофранцузского права, — это дигесты

---

<sup>1</sup> О характеристиках обычая см. подробнее [Лыкова, 2005: 88-89].

и кодекс Юстиниана, синтезирующие римские правовые нормы, положившие начало праву письменному, точному, систематизированному, «ученому» [Foyer, 1996: 10-11; Garrisson, 1977: 76-77; Imbert, 1972: 18-19; Peach, 1982; Берман, 1994: 126-127].

Обычное право опиралось лишь на память людей, на повтор стандартного поведения в привычных ситуациях, принимаемого за правило. В основе обычного права лежат ритуал и формула. После распада Римской империи многие римские законы были забыты и заменены обычаями, а вернее сказать, трансформировались в обычаи. По свидетельству Ф. Гарриссона, с конца IX в. во Франции не ведется никакой законотворческой деятельности. С этого времени только обычай царствует повсюду [Garrisson, 1977: 40].

Однако к концу XI в. в области права многое меняется. Эти перемены вызваны тем, что в Италии были найдены юридические тексты, позволяющие изучать *римское право*. Речь идет о юридических компиляциях Юстиниана, выработанных между 527 и 534 гг. н. э. и представляющих собой синтез римских правовых норм, неизвестных средневековому западному миру (дигесты и кодекс Юстиниана). Появляется, таким образом, совершенно другое право — право письменное.

Историки права, анализируя сущность рецепции римского права в Западной Европе в Средние века, говорят о том, что это не было слепое подражание или точное следование римским нормам права.

В данном явлении различают два взаимосвязанных процесса, первый из которых — восприятие, изучение и переработка элементов римской правовой культуры (письменных правовых текстов) в средневековых европейских университетах. При этом правоведы вовсе не стремились восстановить право Древнего Рима в его первоначальном состоянии [Томсинов, 1998: 172-173]. Подчеркнем, что обнаружение письменных правовых источников и придание им значения высшего авторитета вполне отвечает духу, настрою средневекового европейского общества и пониманию права как института, освященного древностью. Второй процесс представляет собой использование на практике переработанного, заново систематизиро-

ванного и поэтому во многом нового правового материала. В данном случае европейское общество воспринимало не чужое право, а свое собственное, т. е. тот набор правовых форм, который был выработан комментаторами на основе текстов римского права и который соответствовал социальным, экономическим и культурным условиям средневекового общества [Томсинов, 1998: 174; Томсинов, 1997: 116-118].

Во Франции римское право продолжало жить и в обычаях, и в законодательстве, особенно в южной части страны, где никогда не прекращалось его действие и изучение, пусть и в ограниченных формах. К XIII в. окончательно определилось разделение всей страны на область обычного права (Север) и на область писаного (римского) права (Юг), о чем свидетельствует создание юридической школы в Монпелье уже в XII в. (1160). В Тулузе и Орлеане подобные школы появляются позднее (XIII в.).

Однако и на Севере, области обычного права, господство обычаев не препятствовало тому, что в случаях их неполноты и противоречивости ссылались на римские постановления, по крайней мере, как на авторитет науки, точно так же как в местностях писаного права римское право не исключало действия обычаев. Отличие состояло лишь в той степени, с которой правосудие определялось каждым из этих двух элементов [Муромцев, 1886: 41-44].

Такое отношение к римскому праву хорошо укладывается в то объяснение проблемы иноязычного влияния на культуру, которое предлагает Ю. М. Лотман. Он считает, что передающая сторона занимает доминирующую позицию в диалоге культур по праву некоторого ценного культурного опыта, исторически ею накопленного или полученного, в свою очередь, от каких-то других партнеров в предшествующих контактах [Лотман, 1992: 125].

Исследователи подчеркивают, что, когда речь идет о рецепции римского права во Франции, нужно учитывать, что страна не получала какую-то новую, неведомую ей ранее правовую систему. Рецепции подвергалось то римское право, которому учились юристы, с помощью которого могли быть истолкованы действовавшие нормы обычного и за-

конодательного права. Однако во многих областях Франции римское право сохранилось в народном сознании еще с домеровингских времен в виде отдельных римских понятий, норм и процедур. По аналогии с термином «вульгарная латынь» и с тем же смыслом Г. Берман называет его «вульгарным римским правом» и отмечает, что оно само стало обычным правом [Берман, 1994: 64-65; 442].

Таким образом, можно сделать вывод, что римское воздействие не было односторонним. Новые нарождающиеся структуры не просто пассивно усваивали доставшееся им культурное наследие. Общества — старое и новое, цивилизованное и варварское — постепенно смешивались одно с другим и вырабатывали **общий язык, общие нравы и право**, которые возникли из смеси элементов разных культур.

В правовых установлениях, которые издавали французские короли, прямо говорится об этой преемственности, и римские дигесты называются в качестве неоспоримого авторитета. Так, например, в «Уложении святого Людовика» (XIII в.), которое включает некоторые законы предшественников Людовика IX, а также опирается на кутюмы Парижа, Орлеана, Анжу и Турени, дается определение правосудия, заимствованное из римского права: *Justice si est une volonté estable qui donne à chascun son droit: et les commandemens de droit si sont tels, honnestement vivre, ne nulle personne ne doit despire, et doit donner à chascun son droit, selonc droit escrit en Institutes, el titre de Justice et de droit, où il est traité el comencement especiaument de cette maniere* (Louis, II, 1: 569). — ‘Правосудие — это устойчивая и постоянная воля, которая каждому воздает по справедливости; а правовые установления таковы: жить честно, никого не оскорблять и возвращать каждому то, что ему принадлежит, согласно праву, записанному в Дигестах, под заголовком «О правосудии и праве», где об этом говорится в начале специально<sup>1</sup> (выделение наше. — Н. Л.).

---

<sup>1</sup> Здесь и далее переводы со старофранцузского выполнены нами. При переводе мы старались не прибегать к стилистической обработке текста и точно передать его языковое выражение. — Н. Л.



Подобные отсылки к авторитету римского права в этом документе встречаются очень часто и касаются не только определения базовых понятий (как в данном случае, когда разъясняется, что понимается под правосудием), но и полномочий, которыми обладают те или иные должностные лица. Так, например, вторая книга «Уложения...» включает 42 статьи, и в половине из них содержатся прямые отсылки к римским законам.

Предметом нашего изучения являются древние письменные правовые акты, которые дошли до сегодняшних дней благодаря труду копиистов, переписчиков. Сам факт того, что они существуют в виде разных вариантов одной и той же рукописи, выполненных в различных скрипториях, говорит о их значимости для социума. Древние правовые документы полностью отвечают пониманию текста В. Г. Адмони, который считает, что «своеобразие текста, в самой общей форме, заключается в том, что текст есть особый вид высказывания; он обладает статусом воспроизводимости, а чаще всего и рассчитан на воспроизведение — вслух или молча (при чтении)» [Адмони, 1988: 206]. И далее, формулируя определение, исследователь снова выделяет названную черту: «Текст — это в высшей степени многообразная, закреплённая в целях своего воспроизведения, исторически и функционально изменчивая единица социальной коммуникативно-когнитивной практики» [Там же: 214]. Древние правовые тексты как раз и отличаются воспроизводимостью, предназначены для неоднократного репродуцирования. Они имеют особую культурную значимость, о чем в одной из статей по типологии культуры «Текст и функция», написанной в соавторстве с А. М. Пятигорским, Ю. М. Лотман говорил так: «Не всякое сообщение достойно быть записанным: одновременно все записанное получает особую культурную значимость, превращается в *текст*» [Лотман, 2000б: 435]. При этом для средневекового сознания неважно было, кто создает произведение, неважно авторство. Гораздо важнее то, что оно было создано и записано.

В той же статье, характеризуя функцию текста, Ю. М. Лотман связывает ее с социальной ролью текста, с его способностью обслу-

живать потребности создающего текст коллектива [Лотман, 2000б: 434]. С этой точки зрения функция текста, в котором формулируются законы, состоит в том, чтобы донести до читателя (в роли которого может выступать как профессионал в данной области знаний, так и рядовой член общества) правовые нормы, отражающие накопленный веками правовой опыт и знания, сохранять и передавать их ныне живущим и новым поколениям, а также воздействовать на сознание и поведение людей, побуждая их к определенному действию или запрещая совершение некоторого(-ых) действия(-й). Указанные тексты очерчивают рамки дозволенного и недозволенного, положенного и неположенного, правильного и неправильного, упорядочивая таким образом все многообразие человеческих взаимоотношений, существующих в конкретном обществе, и устанавливая санкции за нарушение принятых правил.

На это обращают внимание и логики, относя тексты законов к предписаниям, — одной из трех основных групп нормативных документов: правила, предписания и технические нормы. Правовые нормы касаются не любых объектов действительности, а только действий или вещей, тесно связанных с деятельностью человека. Они всегда направлены в будущее, и их основная функция — это предписание. Нормы рассматриваются «как частный случай оценок, а именно как *социально апробированные* и *социально закрепленные оценки*», — пишет А. А. Ивин. Однако не всякая оценка может считаться правовой нормой. По мнению А. А. Ивина, средством, «превращающим позитивную оценку действия в норму, требующую его реализации, является угроза *наказания* или *санкции*» [Ивин, 2007: 62]. Таким образом, норма права опирается, фактически, на одну из базовых, фундаментальных человеческих эмоций, способствующих его выживанию, — страх: боязнь наказания, осуждения, отвержения. Установленные нормы подталкивают человека к рефлексии, к обдумыванию своих поступков, размышлению над их последствиями и, по сути дела, к преодолению мгновенных эмоциональных реакций на то, что происходит в окружающем его мире.

Правовые (законодательные) тексты авторитетны, им приписывается значение позитивной ценности. Они и исходят от лица, обладающего соответствующими полномочиями. Так, например, Кловис, король франков, предпринял первую редакцию закона салических франков в 507 г. Он же объявляет, что на всех подвластных ему галло-римлян распространяется римский закон визиготов, известный под названием свод Алариха. Позднее, по приказу короля Дагобера (629-639), будет записан закон прибрежных (рипуарских) франков. Первоначально эти законы запоминались и передавались устным путем, функционируя в виде обычаев. Такую форму считают промежуточной между правилами и нормами. Затем они были записаны на латинском языке, и в них уже было много заимствований из римского права.

К числу первых правовых памятников, написанных на старофранцузском языке, относятся «Иерусалимские Ассизы» (*Assises de Jérusalem*) (XI-XII в.), «Законник Вильгельма Завоевателя» (*Lois de Guillaume le Conquérant*) (XII в.), «Уложение святого Людовика» (*Les Établissements de saint Louis*) (XIII в.). Сами названия этих правовых документов подчеркивают авторитетность источника, либо указывая, от кого он исходит (короли Вильгельм Завоеватель, Людовик IX), либо представляя его как тот фундамент, на котором стоит все общество: во французском языке слово *assises* имеет значение 'опора, фундамент, основание; устой' [Picoche, 1983; Greimas, 1992; Dubois, 1995; Robert, 2011]. В сборники включались и обычаи (кутюмы), и законы предшественников, поскольку любая правовая система отличается преемственностью и опирается на авторитетные источники, проверенные временем и практикой.

«Иерусалимские Ассизы» представляют собой собрание документов феодального и обычного права, составленных в Иерусалиме и на Кипре. Они считаются самым древним памятником или кодексом французского права, состоят из двух томов, первый из которых посвящен установлениям верховного суда (*Assises de la Haute Cour*), а второй — установлениям городского суда (*Assises de la Cour des Bourgeois*). Текст первого тома датируется 1099 г.,

копии относятся к XIII и XIV вв. [Ass., 1: IX]. Документы, составившие второй том, датируются предположительно 1173-1187 гг. [Ass., 2: XXXVII]. Хотя этот знаменитый свод законов действовал в странах, завоеванных крестоносцами на востоке, исследователи соглашаются с тем, что в нем содержатся обычаи Франции, поскольку он был составлен французами, опирался на действовавшие во Франции законы и написан на французском языке [Recueil, 1: CVI].

Создание «Законника Вильгельма Завоевателя» Ж. Э. Мацке относит к 1150-1170 гг. [Lois: XLI]. В нем на французском языке записаны законы, действовавшие после завоевания Англии французами. Единственная рукопись, дошедшая до нас, представляет собой два параллельных текста: на французском и латинском языках. Исследователи полагают, что французский вариант является оригиналом, а латинский — это перевод французской рукописи, поскольку в нем наблюдаются пропуски фраз или начала параграфа, добавление глоссы, изменение порядка фраз, повтор французского слова в латинском тексте [Lois: XII, XXX-XXXIX].

К 1270 г. относят появление «Уложения святого Людовика», представляющего собой сборник, кодекс, в который по приказу короля были включены обычаи (кутюмы), действовавшие в стране, некоторые законы его предшественников и более ранние законодательные акты Людовика IX [Recueil, 1: CXIII].

К названным уже документам добавим «Книгу Правосудия и Суда» (*Li livres de Justice et de Plet*), рукопись которой хранится в Национальной библиотеке (Париж). Текст ее датируется 1254-1270 гг. Книга состоит из двадцати частей (*livres*), составители также опирались на римское (Пандекты, Декреталии Григория IX) и обычное право.

В качестве предполагаемого источника обычного права называют кутюмы Орлеана. В XIII в. Орлеанский университет отличался духом вольности: здесь преподавали римское право не на латинском, а на родном языке и свободно его комментировали. Этот источник представляет собой прекрасный образец ассими-

ляции кутюмов и римского права, причем историки отмечают, что ни римское, ни каноническое право не представлены в тексте в неизменном виде. Часто то, что заимствовано из римского права, представлено вытекающим из кутюмов, предписания или объекты действия изменены, т. е. римское право при контакте с обычаями серьезно менялось и трансформировалось [Plet: VII-XXXIII].

К XIII в. относятся и «Кутюмы Бовези» (Coutumes de Beauvaisis), собранные Филиппом де Бомануаром. Они принадлежат, по мнению французских историков права, к самым оригинальным, самым замечательным юридическим творениям Средних веков. Кутюмы были созданы в 1280-1283 гг., оригинала не сохранилось, но текст много раз переписывался (до наших дней дошло тринадцать древних рукописей), что свидетельствует об авторитете, которым пользовался представленный документ. Язык Кутюмов — центрально-французский (франсийский), в котором встречаются пикардские формы [Beaum.: I-XLIII].

Древние правовые тексты представляют собой не только факт языка и культуры, но еще и социальное событие, в понимании Т. А. ван Дейка и В. Кинча, поскольку они создаются и воспринимаются в рамках широкого социокультурного контекста [ван Дейк, Кинч, 1988: 159]. В этих текстах отражены определенные роли участников правовой ситуации, их иерархия, статус, типичные ситуации, правила, регулирующие условия взаимодействия, и т. п.

### 1.3. Структура и композиция старофранцузских текстов законов

Текстам древнего французского права присущ культурный полиглотизм (выражение Ю. М. Лотмана [Лотман, 2000а: 513]). Ф. Джусти-Фичи подмечает: «Развивающаяся культура диалогична, а застоявшаяся — монологична» [Джусти-Фичи, 1994: 11]. Этот культурный полиглотизм, диалог культур<sup>1</sup>, проявляется в том, что внутри правового текста регулярно (в большинстве статей) встречаются отсылки к нормам римского права, которые как раз и рассматривались в качестве источников, освященных временем и авторитетом древней цивилизации.

Ссылки на римское право обычно вводятся в статью закона стандартизированным выражением «согласно писаному праву» (*selon droit escrit*), а далее следует уточнение, в каком кодексе и в какой статье говорится о данной норме закона, например: *...et ce qui est accoustumé selon droit escrit el Code el titre de Transsactionibus, en la loy, Si causa cognita, en la fin, et en la digeste el titre qui se commence de re judicata l. A divo pio* (Louis, I: 364) — ‘...то, что принято делать в подобном случае, согласно праву, записанному в Кодексе под заголовком *Transsactionibus* в статье закона *Si causa cognita*, в конце, и в дигестах под заголовком, который начинается *de re judicata l. A divo pio*’.

Такие вертикальные связи освящают текст не только авторитетом короля, но и авторитетом древности, свидетельствуют о незыбле-

---

<sup>1</sup> Ср.: у Б. А. Успенского: «...в процессе историко-культурного дискурса одна сторона получает от другой некоторые тексты, но не получает всего того комплекса ассоциаций, который связан с этими текстами, — иначе говоря, она не получает того контекста, который первоначально определял их понимание. Эти тексты наполняются — в новом культурном контексте — определенным смыслом, который может существенно отличаться от смысла, обусловившего в свое время появление данных текстов» [Успенский, 2007: 109].

мости, устойчивости правовых норм и о важности судебного прецедента. По сути дела, эти отсылки позволяют судить о преемственности культурных традиций, об инокультурном влиянии, осуществляющемся через тексты, о их пересечении, взаимном погружении, об интертекстуальности<sup>1</sup> вновь создаваемых правовых документов, их связи с текстами, созданными ранее. Таким образом, данные тексты отражают сложившуюся коллективную речевую практику, и проводимый анализ позволяет выявить их смысл, специфику через обращение не только к фактам языка, но и к культурному и социально-историческому контексту.

Интертекстуальность правовых актов проявляется также:

а) в ссылках на священные книги:

*Li crimes dou père ne puet de rien grever le fil; car chescuns est corpables de son crime, ne nus n'a aide de son mesfet: et issi l'escritrent li saint frère* (Plet, 18, XXIV: 277). — 'Преступление отца не может вредить сыну, поскольку каждый виновен в своем преступлении, и никто не имеет помощи в своем преступлении: так об этом писали святые братья';

б) в прямых цитатах Библии, как, например, в статье 39 «Закона Вильгельма Завоевателя»:

*Ententivement se purpensent cil qui les jugemenz unt a faire que si jugent cum desirent, quant il dient: Dimitte nobis debita nostra* (Lois, 39: 26). — 'Хорошо пусть подумают те, кому надлежит выносить решения, чтобы так судили, как они желают, когда говорят: «Оставь нам долги (грехи) наши»'.

С другой стороны, с появления правовых документов на французском в XII-XIII вв. начинается процесс приобретения французским языком новых функций: французский язык начинает вытеснять латинский из сферы административной переписки, права, научного знания. Этот длительный период знаменателен еще и тем, что в сознании носителей языка совершается постепенный переворот в отношении к родному языку: он перестает восприниматься как обы-

---

<sup>1</sup> О понятиях «интертекст», «интертекстуальность», о модели функционирования интертекста см. [Белозерова, Чуфистова, 2013: 48-81].

денный, низкий, как язык только повседневного общения. Расширение функций, сфер употребления языка напрямую связано с процессом устранения состояния диглоссии, в которой долгое время жила средневековая Франция.

С данной точки зрения особенно интересны ранние документы, фиксирующие профессиональное знание, поскольку в них можно найти свидетельства того, что уже с момента своего появления специальные тексты отличались от неспециальных (художественных). Можно выделить несколько особенностей средневековых художественных произведений.

Во-первых, в их основе, в частности, в основе эпических поэм, лежит устная поэтическая традиция. Это значит, что при создании названных произведений осознанно использовались приемы, облегчающие запоминание больших массивов текстов, а именно: ассонансы, повторы, клишированные эпитеты, однородные члены предложения, семантические дублеты.

Во-вторых, в эпических произведениях преобладают бессоюзные или сложносочиненные предложения, поскольку, как отмечают Л. М. Скредина и Л. А. Становая, форма стиха должна была быть удобной для пения, его метрика, ассонансы и синтаксис — облегчать импровизации труверу или жонглеру [Скредина, Становая, 2001: 278], тогда как для старофранцузских правовых текстов характерна изначальная письменная фиксация, ориентированность на воспроизводство, восстановление письменной традиции, в связи с чем наблюдается усложненный синтаксис с преобладанием подчинительной связи, сложных предложений с несколькими придаточными, связанных по способу последовательного и параллельного подчинения (см. далее гл. 3).

Правовой текст отличается особой устойчивой организацией, структурой, которая выступает в роли внешнего сигнала, позволяющего идентифицировать его, опознать среди других. Ю. М. Лотман в работе «Тезисы к семиотическому изучению культур», предлагая одно из возможных определений, писал: «Под текстом понимается только такое сообщение, которое внутри данной культуры состав-



лено по определенным порождающим правилам» [Лютман, 2000а: 512]. На наш взгляд, к таким порождающим правилам относятся не только правила сочетаемости слов, синтаксические структурные модели, являющиеся нормативными для данного языка и закреплённые в сознании его носителей, но и правила организации текста. Подобная система внешних сигналов, отличающих правовой текст от других, сложилась рано, и в ранних правовых документах, написанных на французском языке, она зафиксирована совершенно отчетливо.

Рассмотрим структуру королевских законодательных актов на примере «Уложения святого Людовика». Уложение состоит из двух книг. Первая содержит 168 статей, вторая — 42. Первая книга предваряется предисловием, написанным, по всей видимости, уже после смерти святого Людовика и добавленным неким третьим лицом. Затем следует преамбула, обосновывающая необходимость создания данного кодекса, действие которого распространяется на все королевство.

«Уложение...» начинается с начальной формулы, оформленной в виде одной фразы, в которой излагается, от имени кого составлен указанный документ, его титул, кому он адресован, приветствие: *Loeys Roys de France par la grace de Dieu, à tous bons chrestiens habitans el royaume, et en la seignorie de France, et à tous autres qui y sont présens et à venir, salut en nostre Seingnieur* (Louis: 362). — ‘Людовик, король Франции милостью Божьей всем добрым христианам, живущим в королевстве и сеньории Франции, и всем, кто здесь находятся и будут находиться, привет от нашего Господа’. Говоря об адресате, акцентируется, что эти законы распространяются и на тех, кто прибывает во Францию из других мест.

По поводу формулы королевского титула *par la grace de Dieu* А. Жири замечает, что она была заимствована из церковного (духовного) формуляра и выражала смирение и благочестивость, но со временем в нее стали вкладывать иной смысл: король заявлял ею, что он получил свое владение от Бога [Giry, 1894: 319]. Таким образом подчеркивается законность королевской власти, ее божественное происхождение.

Затем следует преамбула, в которой излагаются общие соображения, мотивы, послужившие причиной создания документа, а именно: плохие поступки людей, злые дела и обман, преступления против воли Божьей, отсутствие страха перед Страшным судом: *Pour ce que malice et tricherie est si porcreue entre l'umain lignage, que les uns font souvent aux autres tort... et meffés en maintes manieres, contre la volenté et le commandement de Dieu, et n'ont li plusours poor, ni espouventement du cruel jugement Jésus-Christ*, а также формулируются его цели: во-первых, чтобы подданные жили, опираясь на закон, мирно, опасаясь причинять зло другому из страха телесного наказания и потери имущества: *Et pour ce que nous voulons que le pueple qui est dessous nous, puisse vivre loyaument et en pés, et que li uns se garde de forfere à l'autre, pour la poor de la decepline du cors, et de perdre l'avoir*, и, во-вторых, чтобы наказывать и останавливать преступников путем законности и непреклонности правосудия: *Et pour chastier et refrener les maufêteurs par la voye de droit et de la roideur de justice*.

В конечной части преамбулы указывается, кто должен руководствоваться названными нормами при отправлении правосудия, во всем ли королевстве должны применяться эти нормы, как в случае данного документа: *...nous volons que len use és cours laies, par tout le reaume, et la seigneurie de France* (Louis: 362). В то время существовало два вида законов: законы, применяющиеся только во владениях короля, которые могли не соблюдаться во владениях других баронов, и законы, распространяющие свое действие на всех подданных короля, законы для всеобщей пользы, которые следовало соблюдать во всем королевстве. Именно таким и было «Уложение святого Людовика».

Старофранцузские тексты законов делятся на главы по тематическому принципу. Главы же, в свою очередь, подразделяются на статьи и, таким образом, осуществляется предварительная классификация правового материала. Ранние старофранцузские правовые документы уже достаточно хорошо структурированы: статьи, следующие за преамбулой, имеют заголовок, анонсирующий и одновременно резюмирующий их содержание.

Как правило, заголовок обозначает тему, в нем сжато формулируется, чему посвящена данная статья закона, например: *De deffendre batailles, et d'amener prüeves* — «О запрете судебных поединков и о судебных доказательствах» (кн. 1, ст. 2); *De quas de haute justice de baronnie* — «О случаях, подлежащих высшей юрисдикции баронов» (кн. 1, ст. 4); *De fausser jugement* — «О несправедливом суде» (судебном). Кроме предлога *de*, в качестве слова-интродуктора темы могут использоваться относительные местоимения с предлогами, вопросительные прилагательные и наречия: *qui, quel, comment* (*Devant qui len piuet pledier de son doüere* — «В какой суд нужно обращаться по поводу наследства, оставленного мужем»); *Quel assenement gentilhom doit fere à son fils, quand il le marie* — «Какую часть благородный человек должен выделить своему сыну, когда он его женит»; *Quiex li cas sont de haute justice de baronnie* — «Какие случаи подлежат высшей юрисдикции баронов»; *Comment le prévost se doit contenir en ses plés* — «Как прево должен вести себя в своем суде»).

Заголовки оформляются различными способами: во-первых, в виде номинативного предложения, вводимого предлогом *de*: *De fole gentilfame* (ст. 12) — «Об обесчестившей себя знатной женщине», *D'escheoites entre freres* (ст. 21) — «О наследстве между братьями»; во-вторых, инфинитивным предложением с предлогом *de*: *De pugnr faus tesmoins* (ст. 7) — «О наказании лжесвидетелей», *De requerre larron ou meurtrier* (ст. 41) — «О розыске вора или убийцы»; и, наконец, в виде законченного предложения, носящего вопросительно-относительный характер, например: *Comment gentilfame doit tenir après la mort son saignour le bail de son hoir, et toutes choses en bon estat* (ст. 1) — «Как знатная дама после смерти мужа должна осуществлять опеку над своими детьми и все содержать в хорошем состоянии», *De quel meffet gentishon perd ses müebles et son fié* (ст. 50) — «За какие преступления знатный человек теряет движимое имущество и феод», *Comment l'en doit appeler de meurtre* (ст. 11) — «Как нужно обвинять в убийстве». Номинативные и инфинитивные заголовки могут быть расширены за счет введения относительных придаточных предложений: *D'hons qui occit autre en meslee* (ст. 17) —

«О человеке, который убил другого в схватке», *De requerre hons qui est pris en present fait* (кн. 2, ст. 2) — «О расследовании в отношении человека, застигнутого на месте преступления».

В «Законнике Вильгельма Завоевателя» заголовки оформлены только в латинском переводе. В оригинальном тексте, написанном на старофранцузском языке, статьи законов не имеют оформленных заголовков, за единичными исключениями: *De sarbote, ceo est de la dulur* (Lois, ст. 10); *De murdre* (ст. 22); *De stretwarde* (ст. 28), а ст. 20, посвященная пошлинам, разделена на части, каждую из которых предвзвешивает тема, за которой следует текст статьи: о пошлине, уплачиваемой графом (*De relief a cunte ki al rei afert*); бароном (*De relief a barun*); вассалом (*De relief a vavassur*); крестьянином (*De relief a vilain*).

В «Иерусалимских Ассизах» есть некоторые случаи, когда заголовков излагается сначала на латинском языке, затем на старофранцузском, например: *Hic debemus dicere de maleficos, quos non patieris vivere, jubente decreto [Ci ores la rason des murtres, et des homesides, et des hereges; et de la deserte de chacun devons nos ores dire, par droit et par raisson]* (Ass., 278). На латинском языке заголовков сформулирован более кратко, в общем виде, а на французском в нем перечисляются те виды преступлений, за которые полагается смертная казнь.

«Кутюмы Бовези» разделены на главы, заголовок которых имеет вид краткого содержания, где излагается, чему посвящена данная глава, например: *Ci commence li .XLII. chapitres de cest livre liqueus parole des peines qui sont pramises, en quel cas eles font a paier et en quel non; et de la disference qui est entre peine de cors et peine d'argent* (Beaum., 42: 171). — ‘Здесь начинается 42 глава этой книги, которая рассказывает о наказаниях, которые назначены, в каких случаях их нужно оплатить и в каких нет; и о разнице между телесным наказанием и наказанием деньгами’. Завершается глава стандартной клаузулой: *Ici fine li chapitres des peines* (Beaum., 42: 175). — ‘Здесь заканчивается глава о наказаниях’.

Заголовок позволяет осуществить предварительную классификацию правового материала и его структурирование. Помимо этого

он дает возможность выделить ту часть сведений, которую законодатель считает ключевой для каждой конкретной статьи закона<sup>1</sup>. Такое выдвижение наиболее важной информации на первое место было названо Т. ван Дейком «структурирование по принципу релевантности» [ван Дейк, 1989: 125]. По сути дела, заголовки являются манифестацией когнитивной операции по свертыванию информации. Как пишет Т. ван Дейк, они позволяют свести «сложное, расчлененное значение структуры текста к более простому, обобщенному и отвлеченному (на более высоком уровне) значению текста» [ван Дейк, 1989а: 239]. Однако это выделение важного, фокусирование внимания на определенном фрагменте в заголовке правового текста является субъективным. Значимость данных определяется законодателем, создателем правового акта.

Хорошей иллюстрацией свободы законодателя в определении релевантности информации служит пример статьи *De fole gentilfame* — «О легкомысленной знатной женщине», в которой говорится о том, что знатная женщина, лишившаяся невинности или родившая ребенка до замужества, теряет право на получение своей доли наследства от отца и матери, если ее безнравственное поведение доказано: *Gentisfame, quand elle a e enfans, ains qu'elle soit mariagée, ou quand elle se fait dépuceler, elle perd son heritage par droit, quand elle en est prouvée* (Louis, 12: 379-380). Законодатель в данном случае посчитал ключевым моментом безнравственное поведение женщины, но это решение не очевидно, оно не является единственно воз-

---

<sup>1</sup> Если избрать другой подход — от читателя, то важность заголовка тоже доказана экспериментально: «Аналогично, если испытуемым сообщается предварительно название рассказа, который им предстоит прослушать и затем пересказать, то они справляются с задачей лучше, чем когда название отсутствует... Поскольку название — своего рода вершина семантической иерархии, приведенные данные говорят именно в пользу процесса иерархизирующего структурирования, который осуществляется слушающим (читающим) при восприятии текста, при извлечении его смысла» [Касевич, 1988: 252].

возможным, поскольку речь в указанной статье закона идет об особенностях наследования, об одном из случаев, которые могут повлечь за собой лишение наследства.

Другой существенной характеристикой структуры правовых текстов является наличие дефиниций важных правовых понятий. Так, в ранних старофранцузских правовых документах уже обнаруживаются дефинированные термины, которые принадлежат разным терминологическим группам: «Юрисдикция, округ» — *haute justice, basse justice* (Beaum., 1642-3: 340-341), «Субъекты права» — *baron* (Louis, II, 36: 633), «Лицо, представляющее интересы сторон в суде» — *procurateur, conteor, pledeor, avocat* (Louis, II, 8, 14: 577, 592), «Клятва» — *serement* (Louis, I: 364), «Приговор, решение» — *jugementz communs, jugementz capital* (Plet, XXV: 283). Как правило, подобные «протодефиниции» представляют собой разъяснение понятия, выполненное в форме описания или перечня его сторон, характеристик, составных элементов. Разъяснение вводится конструкцией с глаголом *appeler* ‘называть, называться’ (*Procurateur est appellés cil qui... — ‘Судебным стряпчим называют того, кто...’*); или конструкциями с указательными местоимениями (*Li commun jugement sunt cil... — ‘общие решения — это такие...’*).

Еще одной особенностью старофранцузских правовых текстов является то, что они отличаются ярко выраженной нацеленностью на адресата. Как и в художественных произведениях, в древних правовых документах обращаться к адресату можно эксплицитно через личное местоимение (*tu, te*) или глагольную флексию в императивных предложениях, например: *Et soies bien certain que tu n'auras point de batailles, ains te conviendra jurer par bons tesmoins jurez.* — ‘Знай, что отныне ты не сможешь прибегнуть к судебному поединку, тебе придется дать клятву и представить надежных свидетелей’; *Et bien ameine tant de tesmoins comme il te plaira a prouver et comme tu quideras, que aidier te puissent et doivent* (Louis, I, 3: 369). — ‘И приводи столько свидетелей, сколько захочешь и сколько, ты думаешь, могут и должны тебе помочь’ (подробнее об адресате см. п. 2.2).

В статьях законов часто предлагаются образцы того, как нужно строить высказывание, что требуется говорить, выступая в судебном заседании. В них дается, по сути дела, шаблон, матрица того, как следует вести себя в суде, например: *Quiconques demande sesine d'heritage, il le doit demander en tele maniere, mon pere, ou mon frere, mon cousin, ou mon parent, morut sesis et vestus, tenans et prenans, ploians et desploians tenant de seigneur...* (Louis, II, 4: 572) — ‘Тот, кто обращается с просьбой ввести в наследство, должен так просить: «Мой отец или мой брат, мой кузен или мой родственник умер, владея землей, обладая и пользуясь имуществом, которые он получил от сеньора...».

Это значит, что в старофранцузском правовом дискурсе предлагаются, прописываются стандарты речевого поведения участников типичных правовых ситуаций. В. Е. Чернявская называет подобный случай «властью дискурса», понимая под ней те ограничения, которые накладываются на возможные высказывания, отсекая все то, что не входит в его рамки [Чернявская, 2006: 79-81]. С когнитивной же точки зрения в представленных фрагментах можно видеть элементы процедурного знания, т. е. не знания о чем-либо, а знания о том, как сделать что-либо, знания процедур реального действия (см. о разграничении декларативного и процедурного знания [Залевская, 2009: 52]).

Кроме того, в правовых текстах могут ссылаться на конкретные случаи правоприменительной практики. Так, например, в «Книге Правосудия и Суда» в главе 3 «О завещании» рассматривается случай графа Блуа, который обратился в суд с жалобой на то, что завещание его кузины, графини Шартрской, завещавшей мужу своей дочери пятую часть наследства, движимое имущество и пр., было составлено не по праву, несправедливо. Однако, рассмотрев жалобу, королевский суд установил, что завещание было составлено согласно действующим законам: *Johan, contes de Blois, dit que li testamenz la contesse de Chartres, sa cosine, n'ere pas à droit fez, qui avoit doné à la fille son mari, le contes de Sessons, lou quint de son heritage, et toz ses mobles, et toz ses conquez. Et de ce oïrent droit en l'ostel le roi Loïs, à Meleun, à la septembreche, en l'an mil et deux cent et cinquante-cinq: et fut dit par droit, que li testamenz ere fez à droit* (Plet, III, 4: 224).

В виде отдельных случаев часто анализируются различные правовые ситуации, с которыми обращаются в суд, но при этом называются не реальные участники происшедшего, а люди, фигурирующие под распространенными именами: *Robert, Pierre, Gautier, Gaubert* и т. п. (см. об этом также п. 2.2): *Se Pierres en mene la fame qui soit en la garde de Jehan et il fet fardel de l'avoir Jehan et l'en porte aveques la fame, et il est poursuis de Jehan ou d'autrui de par Jehan, Pierres doit estre arestés en quel que justice qu'il soit trouvés* (Beaum., 927: 468).

## 1.4. Композиция статьи закона

Что касается композиции каждой отдельной статьи, в которой формулируется норма права, то мы считаем возможным рассматривать статью как отдельный завершённый эпизод<sup>1</sup>, описывающий некоторое событие, выделенное из правового континуума. Сходное понимание формулирует и Г. С. Прокофьев, который говорит о том, что правовая норма несет в себе элементы описания и предписания, она представляет собой частный случай традиционного нарратива аукториальной формы, т. е. повествовательного текста, рассказ в котором ведется от третьего лица [Прокофьев, 2005: 824]. В этом случае композицию нормы права можно сопоставить с канонической трехчастной схемой У. Лабова и Д. Валетского, которая представляет инвариантное содержание рассказа в форме инвариантной структуры

---

<sup>1</sup> Ср.: у Т. ван Дейка: «...структура дискурса определенным образом отражает наше понимание эпизодов, то есть последовательностей событий или действий, как это имеет место в отношении предложений, составляющих повествовательный текст. Наиболее общие макроструктуры (тематические единства) и их выражение, например, заголовки, демонстрируют используемые нами способы репрезентации структуры ситуаций, относящиеся к более высокому уровню и более абстрактные» [ван Дейк, 1989б: 83].



события, а именно: ориентация (*Кто? Когда? Где? Что?*) — осложнение (осложняющее событие) — решение (результат)<sup>1</sup>. Эта схема, на наш взгляд, реализуется в композиционных отрезках статьи правового документа: начало, медиальная часть и конец, что соответствует структурным элементам нормы права: гипотеза (условия действия нормы), предписание, или диспозиция (раскрывает содержание поведения субъекта права), и санкция (меры воздействия).

Отметим также, что, с точки зрения логики, любая норма, независимо от ее конкретного содержания, «включает четыре “части”»: *содержание* — действие, являющееся объектом нормативной регуляции; *характер* — норма обязывает, разрешает или запрещает это действие; *условия приложения* — обстоятельства, в которых должно или не должно выполняться действие; *субъект* — лицо или группа лиц, которым адресована норма. Не все эти структурные элементы находят явное выражение в языковой формулировке нормативного высказывания. Но это не означает, что они не обязательны» [Ивин, 2007: 62].

Начальная часть позволяет моделировать исходную правовую ситуацию, которая формулируется в виде гипотезы, предположения и часто оформляется в виде условного предложения с союзами *se* или *quand*, за которым следует предписание. В качестве примера приведем статью 34 «О наказании подозрительных людей» (*De pugnir soupçonneus*): *Se aucuns est qui n'ait riens, et soit en la ville sans riens gaigner, et il hante tavernes* (гипотеза), *la justice le doit prendre, et demander de quoy il vit, et se il entent qu'il mente, et que il soit de mauvaise vie...* (диспозиция) — ‘Если некто не имеет имущества и находится в городе, не зарабатывая себе на жизнь, и посещает таверны, лицо, обладающее правомочием, должно его схватить и спросить, чем он живет, и если будет замечено, что он лжет и что он ведет преступный образ жизни...’ (об условных предложениях см. подробнее п. 3.2.2).

Завершает статью санкция, которая вводит наказание, исправляющее, корректирующее исходную ситуацию: *...il le doit bien jetter*

---

<sup>1</sup> См. подробнее о структуре нарратива [Андреева, 2004: 30-31; Андреева, 2004а: 117-118].

*hors de la ville; car ce appartient à l'office de prevost de netoyer la jurisdiction et sa province de mauvais hons et mauveses fames, selon droit escrit en Digeste De officio praesidis, en la loy qui commence, Congruit* (Louis, I, 34: 401). — ‘...его следует изгнать из города, так как обязанностью прево является очищение своего судебного округа и своей провинции от преступников, мужчин и женщин, согласно праву, записанному в Дигестах De officio praesidis, в законе, который начинается словом Congruit’.

Эта схема служит прототипом, инвариантом, на основе которого создаются другие описания правового события. Данная схема не существует в неизменном виде. Она подвижна, подвержена вариациям. Так, диспозиция может быть весьма краткой и вклиниваться в санкцию: *Se aucuns dit parole à autre sans fet, qui soit vilaine, et sans sanc, le plaintiff en a cinq sols se il est prouvé, que il ait ainsi dit, et cinq sols à la justice; més la femme ne paye que demie amende de trois sols* (Louis, II: 24). — ‘Если кто-либо скажет оскорбительные слова другому без побоев и без крови, то истец получит пять су, если будет доказано, что это было сказано, и пять су суду; но женщина заплатит только половину штрафа в три су’.

Статья может начинаться сразу с санкции, при этом, однако, другие компоненты не игнорируются, а лишь меняют свое расположение, но они обязательны, поскольку в любом случае необходимо указать, какие действия (или бездействие) влекут за собой то или иное наказание: *Li lierres est pendables qui emble cheval, ou jument, et qui art meson de nuiz, et cil pert les iex, qui emble riens en monstier, et qui fait fausse monnoye, et qui emble soc de charrue, et qui emble autres choses, robes ou deniers, ou autres menües choses, il doit perdre l'oreille, du premier meffet, et de l'autre larrecin il perd le pied, et au tiers larrecin il est pendable: car on ne vient pas du gros au petit, més du petit au grand* (Louis, I: 29). — ‘Тот должен быть повешен, кто крадет жеребца или кобылу и кто поджигает дом ночью. Тому выколуют глаза, кто украдет что-либо в соборе и кто делает фальшивые монеты. А кто крадет лемех плуга и кто крадет другие вещи, одежду или деньги, или другие мелкие вещи, тот должен лишиться уха за первое престу-

пленение, а за вторую кражу он лишается ноги (стопы), а за третью кражу его следует повесить: так как идут не от большого к малому, а от малого к большому’.

Чаще всего наибольший объем в древнем тексте, формулирующем норму права, занимают гипотеза и диспозиция, поскольку эта часть обосновывает и тяжесть санкции за совершенное правонарушение. Здесь описываются различные аспекты, связанные с конкретным нарушением, или осложнения, в терминологии У. Лабова.

## **Выводы**

Как языковая ситуация во Франции в изучаемую эпоху характеризовалась двуязычием (французский/латинский языки), так и формирование профессионального правового дискурса опиралось на римские источники (местные кутюмы/римское право). Как латынь считалась престижным языком, так и римское право освящало своим авторитетом нормы и законы, действующие на территории Франции. Однако если французский и латинский языки употреблялись в разных сферах общения, то римское право приспособлялось для обоснования тех решений, которые отвечали новым условиям жизни общества.

Складывающийся французский правовой дискурс базировался на тех традициях законотворчества, которые он получил в наследство и которые творчески перерабатывались усилиями многих поколений. В результате первые тексты законов, написанные на французском языке, имеют достаточно сложную и разработанную структуру, как в плане целостного текста (членение на главы, статьи, заголовки, дефиниции правовых терминов, анализ конкретных правовых ситуаций), так и в отношении отдельно взятой статьи закона, которая строится на основе прототипа, включающего гипотезу, предписание, санкцию.

# ГЛАВА 2

## Элементы устной речи в старофранцузских правовых текстах

### 2.1. Проблема оральности и письменные тексты

Одним из вопросов, вызывающих в последние годы большой интерес лингвистов, является возможность исследования устной речи на материале средневековых текстов. Проблема оральности (*oralité*), которая при изучении языка прошлых, отдаленных эпох понимается как ориентация на традиционные устные образцы, устную основу средневековых художественных текстов (или части их), рассматривалась многими учеными (об этом пишет С. Гийо в [Guillot, 2009]). Еще Л. Фуле отмечал в приложении к своему труду, посвященному синтаксису старофранцузского языка, что мы описываем литературный узус. Вопрос в том, как узнать, насколько этот литературный письменный язык удален от языка, на котором говорили все вокруг и на котором изъяснялись писатели той эпохи. Чтобы составить себе представление об обиходном языке, мы можем опираться только на литературные произведения. Это трудная, но не невозможная задача. Если анализировать тексты с осторожностью, то иногда под исправлением традиционных форм можно обнаружить привычки и неологизмы разговорного языка: “En tout cas, l’usage que nous décrivons ici est un usage littéraire. [...] La question est de savoir de combien cette langue s’éloigne de celle qu’on parlait autour d’eux [des écrivains], de celle qu’ils parlaient eux-mêmes. A cette époque, pas d’humbles textes qui nous renseignent sur les tournures relâchées ou les vulgarismes de la conversation. Pour nous faire une idée de cette langue familière, nous

en sommes réduits à nos seuls textes littéraires. [...] il est clair que, bon gré mal gré, nous devons chercher à nous représenter, même d'une vue incomplète, ce qu'a pu être la langue de la conversation à cette époque. L'entreprise est délicate, mais elle n'est pas impossible. En interrogeant nos textes avec prudence, on peut parfois, sous la correction de leurs formes traditionnelles, retrouver les habitudes et les néologismes de la langue parlée" [Foulet, 1998: 348-349]. В главе, посвященной наклонению, Л. Фуле говорит о вероятности того, что в употреблении сюбжонктива в XII-XIII вв. существовало очень мало отклонений между разговорным и письменным французским языком: "Il est probable qu'en ce qui concerne l'emploi du subjonctif il y a alors fort peu d'écart entre français parlé et français écrit" [Foulet, 1998: 206].

Исследование признаков устной речи в письменных источниках позволяет, с одной стороны, уточнить внешние условия создания, восприятия и распространения письменных текстов, изучить сферы их использования, т. е. анализировать письменную речь в конкретных условиях протекания, в определенной коммуникативной (дискурсивной) ситуации, и, с другой, — «приблизиться к представлению об особенностях устной разговорной речи отдаленных эпох» [Ильина, 2015: 168], обнаружить связи, отношения и взаимовлияния, которые существуют между устной и письменной речью, выявить различные типы устной и письменной форм общения, принципы жанровой организации текстов разных типов и т. д.

В последние годы во французской лингвистике появилась целая серия работ, в которых описывается устная речь, представленная в письменных текстах<sup>1</sup>. Эти исследования ведутся с использованием исторических корпусов французского языка, как, например, работы Лионской школы, выполненные в русле корпусной лингвистики на материале Базы средневекового французского языка (BFM — Base de Français Médiéval [En ligne]. Lyon: ENS de Lyon,

---

<sup>1</sup> См., например, помимо указанных в тексте работ [Barbérís, 2007; Guillot et al., 2012; Guillot et al., 2013; Guillot et al., 2014; Énonciation, 2016].

Laboratoire ICAR) [см.: URL: <http://bfm.ens-lyon.fr/> [...]], включающей 153 текста, относящихся к IX-XV вв.

Для обозначения такого вида речи К. Маркелло-Низья использует термин “*l’oral représenté*”. Данным выражением она обозначает эпизоды устной речи, встречающиеся в письменных текстах, и, в частности, прямую речь, вставленную в повествование и представленную как переданная речь [Marchello-Nizia, 2013: 80]. Считается, что прямая речь персонажей литературных произведений, не будучи прямым отражением устной речи, обладает тем не менее рядом особенностей, существенных с точки зрения лингвистического анализа [Лаврентьев, 2014: 49]. Так, по мнению К. Маркелло-Низья, изменения языковой системы проявляются в прямой речи персонажей раньше, чем в повествовании или речи автора(ов). Исследователь формулирует предположение, важное для диахронической лингвистики: после дискуссий о том, что все инновации в языке возникают в речи, — спрашивает она, — не следует ли рассматривать фрагменты устной речи, представленные в письменных текстах, как привилегированный дискурсивный тип для наблюдений за языковыми изменениями: “...après les discussions sur l’oral lieu privilégié de l’innovation, ne doit-on pas considérer l’*oral représenté*’ comme un type discursif témoin privilégié du changement linguistique?” [Marchello-Nizia, 2013: 85]. Это важно еще и потому, что для исследователя, работающего со средневековыми текстами, данные фрагменты являются единственным доступом к изучению возможной формы древнего устного языка<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Проблема передачи чужой речи не нова в лингвистике, и можно найти богатую литературу по этому вопросу. Здесь важно то, что вопрос поднимается в связи с возможностью изучать проявления устной речи, изучая древние письменные памятники.

## 2.2. Признаки устной речи в древних правовых текстах

Признаки устной речи<sup>1</sup> обнаруживаются не только в древних художественных текстах различных жанров, но и в ранних французских правовых документах. Это обусловлено особыми условиями создания и распространения письменных текстов в изучаемую эпоху. Так, если рассмотреть такой элемент коммуникативного процесса как канал связи, используемый для производства и (или) распространения документов, то обнаруживается, что речевая продукция может быть не только письменной или устной. Это может быть также письменный текст, который читают вслух, громко или вполголоса (его могут декламировать, петь, играть и т. п.), т. е. речь идет об «исполнении» письменного текста, что как раз и является отличительной чертой средневекового периода. В указанном случае уже можно говорить о том, что элементы устной речи будут проникать в письменный текст, находить в нем свое отражение и влиять на него.

Несмотря на то, что ранние французские правовые тексты принадлежат писаному праву (кодируются графически), можно предположить, учитывая устную направленность обучения и то, что обращены они были к публике большей частью неграмотной, что и они могли передаваться таким гибридным способом, используя возможности устной и письменной коммуникации. С точки зрения коммуникативной дистанции, устное взаимодействие относится к полюсу коммуникативной близости, а письменное ассоциируется с коммуникативной отдаленностью. Поскольку в средневековый период письменные тексты часто «исполняются» устно, между этими видами коммуникации возникают отношения транскодирования, и можно говорить о письменных текстах с устной направ-

---

<sup>1</sup> Ю. М. Лотман рассматривает внесение устной речи в письменную как элемент риторической организации текста [Лотман, 2000г: 191].

ленностью (см. подробнее [Koch, Österreicher, 1993, 2001]). По-видимому, в таких текстах переход с одного кода (графического) на другой (звуковой) может влиять на способ восприятия текста и на устанавливаемую коммуникативную дистанцию (см. об этом [Guillot, 2009]). Ранние французские правовые документы как раз относятся к подобным транскодированным текстам: с одной стороны, в них записаны нормы права и правоприменения, сложившиеся на протяжении веков, часто встречаются отсылки к римскому праву, а, с другой, — в них можно обнаружить и признаки устной речи, свидетельствующие о том, что фактически эти тексты занимают промежуточное положение между письменной и устной коммуникацией.

В результате проведенного анализа ранних правовых документов, написанных на французском языке, нами были обнаружены дискурсивные фрагменты разной природы, характерные для устной речи.

1. Прежде всего, **фрагменты прямой речи**, воспроизводящие в письменном тексте слова, произнесенные устно. Данные фрагменты могут включать одну или несколько реплик, соединяющихся друг с другом и образующих внутренние единицы эпизода. В работах Лионской школы дается следующее определение этому виду речи: “L’épisode de l’oral représenté (OR) est une séquence discursive se donnant comme restitution à l’écrit de paroles prononcées oralement. Elle se compose d’une ou de plusieurs prises de parole (PP) qui s’enchaînent et qui constituent les unités internes de l’épisode” [Guillot et al., 2016].

Такие эпизоды включают элементы, уточняющие их внешние границы и связывающие с текстом, в который помещается передаваемая устная речь. В нашем случае знаки препинания — двоеточие, кавычки и т. п. — могут рассматриваться только как вспомогательное средство, поскольку не во всех текстах они присутствуют и, кроме того, как правило, они были вставлены издателями в более позднее время.



Начальная граница эпизода маркируется глаголом говорения, обозначающим речевые действия: *dire, répondre, demander, crier*, etc. (примеры 1-3; знаком / отмечены границы прямой речи):

- 1) ...*et il vait après **criant***: / “*Prenés le larron! prenés le larron!*” / *et il avient que celui larron seit pris à celui cri...* (Ass., 246, p. 185) — ‘...и он кричит: «Хватайте вора! Хватайте вора!» и случается, что тот вор схвачен по этому крику’;
- 2) ...*et le vesconte ou les jurés li **demandent***: / “*Où sont tes autres compaignons de ce mau faire*”; / *et celui noume aucuns persounes...* (Ass., 253: 190) — ‘...и виконт или судьи его спрашивают: «Где твои другие сообщники по этому преступлению?»; и тот называет неких людей’.

Конечная граница — это возврат к повествованию. Она не выражена так явно. В данной роли могут выступать предложения, вводимые союзом *et* и обозначающие результат, следствие того, о чем говорилось в прямой речи, как в примерах 1-2. Кроме того, о финальной границе эпизода передаваемой устной речи может свидетельствовать переход к тому, что говорится в законе о той или иной ситуации, ссылка на закон, как в примере 3:

- 3) *Uns si **dit** issi*: / *Cel home ocist Robert, son frère, et dona cos et colées, don il prist mort; et an tel tens, n’a pas quatre mois; et ce je vi; s’il le conoist, biau m’en est; s’il le nie, je sui prez dou montrer et de l’avérer en chanp et par bataille, si comme je devrai, et cil qui vit ce. / Et li autres **respont***: / *Je faz encontre tel ni et tel deffanse comme je doi. / **Droit dit que** li copables est loisanz de prendre la prueve de lui, et de quenoistre que c’est voirs, ou d’escondire par gage de bataille* (Plet: 288). — ‘Один говорит так: «Этот человек убил Робера, своего брата, нанес удары, от которых он умер, четыре месяца назад; и я это видел; если он это признает, то хорошо; если он это отрицает, я готов об этом свидетельствовать и доказать это судебным поединком, как должен я и тот, кто это видел». А другой отвечает: «Я возражаю против этого и защищаюсь, как я должен». Закон говорит, что виновный может представлять свои доказательства,

признать, что это правда, или оправдаться судебным поединком<sup>1</sup>.

В третьем примере структура эпизода более сложная, чем в двух предыдущих, он включает два фрагмента прямой речи: глагол говорения *dire* вводит реплику первого говорящего, далее происходит смена говорящего<sup>1</sup>, что отмечено глаголом *respondre*, и конечная граница эпизода маркируется выражением *droit dit que*.

Н. Д. Арутюнова во введении к сборнику материалов конференции «Язык речевых действий», рассматривая специфику речевых действий, говорит о том, что их важнейшей прагматической чертой является адресованность. Речевое действие всегда обращено к Другому — личному или социальному адресату [Логический анализ языка, 1994: 4] (ср. примеры выше, где наличие Другого имплицитруется формами императива, выражается местоименными формами второго лица или прямым указанием на него).

Особенностью ранних правовых текстов является то, что личность субъектов речи не уточняется: это, как правило, анонимные субъекты, для их номинации используются слова неопределенной семантики (*li uns, li autres, aucuns, aucune personne, uns hons, une feme, quiconques*) или терминологические наименования субъектов права или людей, преступивших закон (*li demenderres, li copables, li cuens, li encusierres*). В единичных случаях можно встретить имя собственное, называющее субъекта речи, как в примере 4:

- 4) *Marie dit issi devant le juige: Je me plain de G..., qui vint à moi en une meson où je estoie...* (Plet: 291) — ‘Мари говорит так перед судьей: «Я обращаюсь с жалобой на Г..., который пришел ко мне в дом, где я была»’.

---

<sup>1</sup> Ср.: у В. Б. Касевича о роли смены говорящего в определении высказывания: «...высказывание... — это любой обращенный к собеседнику отрезок речи (текста), отделенный с двух сторон молчанием или сменой собеседников» [Касевич, 1988: 95].

Но и в этом случае имя собственное теряет свою конкретность<sup>1</sup>: не индивидуализирует, а лишь идентифицирует субъект речи как лицо говорящее женского пола, одну из женщин, именуемую Мари.

Маркером субъекта речи, человека говорящего, служат субъектные и объектные личные местоимения<sup>2</sup> и притяжательные детерминативы первого лица. Говоря о человеке в языке, Э. Бенвенист отмечает, что *я* обозначает того, кто говорит, и одновременно подразумевает высказывание о *я*: говоря «я» нельзя не говорить о себе. Местоимение *я* является исходной точкой категории субъективности [Бенвенист, 1974: 262-264; 286-288; 292-297]<sup>3</sup>.

В древних правовых текстах используются не только формы первого лица единственного числа (*je, me, mei, mon, ma, mes*), которые преимущественно встречаются во фрагментах прямой речи (см. примеры выше), но и местоимение множественного числа (*nous*), которое часто встречается в перформативных побудительных высказываниях или при глаголах волеизъявления в «Уложении святого Людовика», например: *nous deffendon que... si vous commandons que... nous voulons que...* (о перформативных побудительных выска-

---

<sup>1</sup> Ср.: у Ю. М. Лотмана о имени собственном: «Один из исходных семиотических механизмов, присущих человеку, начинается с возможности быть “только собой”, вещью (собственным именем) и одновременно выступать в качестве “представителя” группы, одного из многих (нарицательное имя)» [Лотман, 2000в: 38].

<sup>2</sup> О семантической дифференцированности автономных и неавтономных личных местоимений см. [Серебренникова, 2003: 62-67].

<sup>3</sup> Сходное понимание находим и у Б. А. Успенского: «Субъект есть тот, кто определяет себя как *я*; в то же время это тот, кто существует — *hic et nunc*, здесь и сейчас, — отдавая себе отчет в своем существовании [...]. И в то же время субъект есть тот, кто отличается от другого субъекта» [Успенский, 2007: 41-42].

Отметим, однако, что есть и другое понимание проблемы субъективности в языке. Так, А. В. Кравченко считает, что в системе языка закреплена его ориентированность не столько на говорящего, сколько на человека вообще. «...под ЭГО, — пишет он, — следует понимать не говорящего, а познающего мир человеческого индивида...» [Кравченко, 2004: 22].

званиях см. ниже). Данное местоимение только формально обозначает здесь множественность, на самом же деле выражается воля короля или другого человека, облеченного властью и полномочиями для создания подобного рода документов (встречается также в хартиях). Это так называемое *nous de majesté*, которое служит для выражения ритуальной адресантности (определение В. В. Химика [Химик, 1990: 108-109]), и о котором Д. Мэнгено пишет, что в официальных декретах *nous* заменяет *je*, поскольку, во-первых, монарх представляет всю страну, он — не один из многих, а во-вторых, употребление этого местоимения позволяет включить в сферу говорящего и того, кому адресовано послание, разделить с ним высказывание [Maingueneau, 1999: 31]. Э. Бенвенист, характеризуя названное местоимение, подчеркивает, что оно состоит из «я» и «не-я», образуя новую общность, в которой «я» подчиняет себе элемент «не-я» в силу своего свойства трансцендентности. Наличие «я» определяет существование «мы». Если «я» преобладает, то оно теряет четкие контуры и расширяется до «мы», делая выражение лица более торжественным (королевское «мы»), присоединяя к «я» нечетко определенное множество других лиц [Бенвенист, 1974: 267-269]. Б. А. Успенский также говорит о том, что местоимение *мы* может включать слушающего в личную сферу говорящего, однако он считает, что королевское *мы* подчеркивает дистанцию между говорящим и слушающим [Успенский, 2007: 26-27].

Очень ярко значение местоимения *nous*, объединяющего субъекта речи и адресата, проявляется в примере 5:

- 5) *Comment que nous soions en doute du cas dessus dit pour ce qu'il n'est pas avenus en nostre tans, nous sommes certains d'autres cas qui sont avenu en no tans pour teus mesfès* (Beaum., 933: 472). — 'Хотя мы сомневаемся по поводу вышеизложенного случая, потому что он произошел не в наше время, мы уверены в других случаях, которые произошли в наше время за такие преступления'.

Здесь в качестве субъекта речи выступает уже не монарх, а своего рода эксперт, Филипп де Бомануар, написавший самый оригинальный

нальный и выдающийся правовой документ эпохи. Он не просто собрал воедино существующие кутюмы, но и изложил практику их применения. В данном случае *pois* — это «я и те, кто меня слушает, я и те, кто должен принимать решение, касающееся подобных преступлений».

С другой стороны, в произведении Ф. де Бомануара встречаются специфичные контексты, которые показывают, что и местоимение *je*, оказывается, может служить выразителем не только единичного субъекта речи. Оно может вовлекать в сферу говорящего и других: *я* — это и ты, и любой из нас, на кого распространяются принятые правила, как в примере б):

- б) *Aucune fois avient il qu'aucuns prent la chose de son parent ou de son voisin ou de son ami, sans son seu et en derriere de lui, — si comme il avenroit que j'iroie en la meson d'un mien ami pour emprunter son cheval et je trouveroie le cheval en l'estable et non pas le seigneur, et je, par la fiance que j'avroie en li, en menroie le cheval et cil qui le cheval seroit s'en courouceroit quant il le savroit et me vourroit suir de larrecin, si comme il avient que l'en cuide tel son ami qui ne l'est pas, — se teus cas avient, l'en doit mout regarder...* (Beaum., 949: 481) — ‘Иногда случается, что некто берет вещь своего родственника или соседа или друга без его ведома — как если бы случилось, что я пошел в дом моего друга, чтобы позаимствовать его коня и нашел коня в стойле, но нет хозяина, и я, доверившись ему, увел бы коня, а тот, чей конь был, разгневался бы, когда это узнал, и захотел бы преследовать меня по суду, как вора, как случается, когда так думают о своем друге, который таковым не является, — если такой случай происходит, нужно посмотреть...’.

Этот авторский комментарий, на наш взгляд, также является примером того, как устная речь вклинивается в письменный текст, когда автор ставит себя на место человека, совершающего правонарушение, и объясняет, что могло бы произойти в данном случае, и как ситуация будет расцениваться с точки зрения закона. Указанный прием помогает объяснить абстрактную правовую норму через ее

возможную конкретную реализацию. Гипотеза, когда говорящий ставит себя в центр возможных событий, обладает большей воздействующей силой на адресата, личный пример дает возможность убедительно показать, что каждый может оказаться в подобной ситуации и создает иллюзию непосредственного общения.

Представляется, что наше объяснение согласуется с точкой зрения Б. А. Успенского, который говорит о том, что *я* обозначает актуального говорящего в актуальном дискурсе; *ты* обозначает потенциального говорящего в актуальном дискурсе; *он*, если это слово относится к лицу, обозначает потенциального говорящего в потенциальном дискурсе (это тот, кто в данный момент находится вне коммуникативной ситуации, но в принципе может стать ее участником). Таким образом, *я* и *ты* взаимозаменяемы в разговоре, они непосредственно соотносятся друг с другом; *ты* и *он* также взаимозаменяемы, следовательно *я* и *он* соотносятся (опосредованы) через *ты*: *ты* и *он* выступают как потенциальные говорящие [Успенский, 2007: 17-22].

Кроме того, субъект речи может прямо отождествлять себя с субъектом права и тогда норма права формулируется от первого лица. В фокусе внимания оказывается говорящий, но он одновременно выступает и в качестве лица, которому адресована та или иная статья закона (см. пример 7). В. В. Химик называет такое употребление местоимения *я* наглядно-субъективированным [Химик, 1990: 162].

- 7) § 1. *Quel chose l'en puet prandre sanz justice, et quel non. — Je puis prandre de mon plège sanz jotice, segont le droit que l'en use en mainz poïs.* § 2. *Se beste à quatre piez me damage, ou oisiel privé, et je le trueve présentement, je puis prandre la beste et l'oïssel por mon damage...* § 7. *Je puis prandre larron, omecide, murtrier, robeor, raviseor de fames, pécheor de chemins, forbeniz; mès quant les aurai pris, je les doi mener à lor jostice* (Plet, XLVII: 320). — ‘§ 1. Какую вещь можно брать без наказания и какую нет. — Я могу взять из моего обеспечения без наказания по праву, которым пользуются во многих местностях. § 2. Если животное причиняет мне ущерб или птица, и я его

найду, я могу взять животное или птицу в счет причиненного ущерба... § 7. Я могу схватить вора, человекоубийцу, убийцу, грабителя, похитителя женщин, разрушителя дорог, изгнанника; но когда я их схвачу, я должен предать их правосудию по их юрисдикции’.

Анализ этих ситуаций подтверждает справедливость идей Э. Бенвениста, который отмечает, что «я не может быть идентифицировано иначе как посредством речевого акта, который его содержит, и только посредством него. Оно действительно только в том единовременном речевом акте, в котором оно производится» [Бенвенист, 1974: 286]. Этот акт речи имеет только текущую референтную соотнесенность.

Кроме того, подобное понимание местоимения я в правовых текстах возможно потому, что, как подчеркивает Е. Ф. Серебренникова, употребление *je* предполагает, что «любой другой индивид, выделенный как предмет речи, поставленный в идентичные условия существования, проявил бы себя таким же образом» [Серебренникова, 2003: 67].

2. Показателем устной речи и коммуникативного взаимодействия говорящего и адресата речи, а также свидетельством транскодирования текста является и **обращение к адресату**<sup>1</sup>: прямое (через личное местоимение, титул, имя) или посредством императива<sup>2</sup> (о выражении побуждения в правовых текстах см. п. 2.3).

В первом случае к адресату обращаются (на «ты» или на «вы») во фрагментах прямой речи, воспроизводящих слова, произнесенные в определенной правовой ситуации (примеры 8-11):

- 8) *Et nous qui tenions la court, quant nous oïsmes qu’il disoit paroles qui touchoient a la court et a la partie, nous li deïsmes: / “Gardès que vous dites!”* (Beaum., 915: 462). — ‘И мы, кто от-

---

<sup>1</sup> О роли обращения в побудительных высказываниях и его отсутствия см., например, [Collin, 2015].

<sup>2</sup> Ср.: «**Вопросы, императивы** и другие речевые действия включены в деятельность человека изначально: они выражают говорящего и воздействуют на слушающего» [Янко, 1994: 105] (выделение наше. — Н. Л.). О вопросно-ответном единстве в правовых текстах см. ниже.

правляли правосудие, когда мы услышали, что он произносит слова, которые затрагивают суд и сторону в процессе, мы ему сказали: «Остерегайтесь того, что вы говорите!»;

- 9) *Et quant il vodra faire sa clameur que len li die. / Se tu veus icelui appeler de murtre, tu seras ois, mais il convient que tu te lies à souffrir tele peine, comme tes adversaires soufferoit...* (Louis, 3: 369) — ‘И когда (если) он захочет подать свою жалобу, пусть ему скажут: «Если ты хочешь обвинить того в убийстве, ты будешь выслушан, но следует, чтобы ты обязался вынести ту же пытку, которую применяют к твоему противнику...»’;
- 10) *Li hons doit respondre et dire, / sire, je vous demant enqueste telle comme je dois avoir...* (Louis, 46: 413) — ‘Человек должен ответить и сказать: «Господин, я прошу провести расследование так, как должно...»’;
- 11) *Plévine si est quant aucuns dit tex paroles: / Je doi à P. vingt livres, à paier à tel jor; si vos pri, G., que vos me plévissiez. / P. dit: / G., plévissiez-vos ceste home de vingt livres qu’il me doit? / Et G. dit: / Oil, s’il m’i met. / — Et je vos i met. / — Et ge i antre. / — Et ge reçoif. / (Plet, XXXVIII: 313). — ‘Обязательство — это когда кто-либо говорит такие слова: «Я должен П. 20 ливров заплатить в такой-то день; и я вас прошу, Г., чтобы вы за меня поручились». П. говорит: «Г., ручаетесь ли вы, что этот человек должен мне 20 ливров?» И Г. говорит: «Да, если он меня в это вводит». — «А я вас ввожу». — «И я в это вступаю». — «А я получаю»’.*

Особенностью второго лица является то, что оно, как пишет Э. Бенвенист, по необходимости обозначается через «я» и не мыслится вне ситуации, предложенной от «я». С местоимением первого лица его объединяют следующие признаки: второе лицо так же уникально, как первое; местоимения первого и второго лица взаимнообратимы; они оба обладают признаками лица (персональности). Однако второе лицо отличается от первого. Э. Бенвенист определяет суть местоимения «ты (вы)» как всякое «лицо не-я». Это единственное мыслимое «лицо» вне меня, т. е. «ты» — это лицо несубъективное по от-



ношению к лицу субъективному, представленному в «я» [Бенвенист, 1974: 262, 264-266]. Б. А. Успенский добавляет еще, что экзистенциальный статус лиц, обозначаемых как *я* и *ты*, является одинаковым, т. е. они принадлежат к одной и той же ситуации, к одной и той же действительности [Успенский, 2007: 32-35].

В примере 9 обращение к адресату на «ты» формально придает высказыванию индивидуализированный характер, однако это обращение безадресно, что дает возможность воспринимать его как обобщенно-личное, как сообщение, которое относится потенциально к любому лицу, и любое лицо может занять позицию адресата речи.

В примере 11 обращение по имени заменено на начальную букву не случайно: как уже говорилось, имя теряет в подобного рода высказываниях свою индивидуализирующую функцию. Особенностью приведенного диалога является то, что не все реплики вводятся глаголом речи: границами реплик служат изменение субъекта речи, употребление местоимения второго лица и семантика глаголов. Отсутствие четких границ в оформлении чужой речи затрудняет здесь ее атрибуцию, поскольку в диалоге участвуют три человека, происходит постоянная смена ролей: говорящий становится адресатом высказывания и наоборот.

Во втором случае автор обращается к читателю/слушателю не в прямой речи, а в тексте статьи закона, используя императивные формы, которые также являются свидетельством диалогичности (оральности) первых правовых текстов, написанных на французском языке. В данном случае употребляются императивные формы второго лица или первого лица множественного числа перцептивных и когнитивных (эпистемических) глаголов (подробнее об этих глаголах см. с. 55-61), как в примерах 12-15:

- 12) *Or veons doncques se uns hons dit vilenie a autrui...* (Beaum., 844: 434) — ‘Теперь посмотрим же, если один человек говорит оскорбления другому...’;
- 13) *Or regardons, — se Pierre en mene la fame de Jehan...* (Beaum., 844: 434) — ‘Рассмотрим же, — если Пьер уводит жену Жана...’;

- 14) *Enten que deux manières de roberie sont: aperte et repote* (Plet, XI: 293). — ‘Послушай, что есть два способа грабежа: явный и тайный’;
- 15) *Sachés que c’il avient, par aucune male destinee, que aucuns hom soit ataint de larecin...* (Ass., CCLIII: 189) — ‘Знайте, что если случается, по какому-то злому року, что некий человек обвиняется в воровстве...’.

Присутствие адресата в тексте становится очевидным именно благодаря императивным формам: для него, а также в ходе взаимодействия говорящего и «другого», создается этот текст. Адресат в данном случае не называется, но незримо присутствует, к нему обращаются, его принимают в расчет.

3. Правовые нормы, как мы уже наблюдали, могут излагаться и в форме диалогового вопросно-ответного единства, что продолжает устную традицию передачи правовых знаний, принятую в обычном праве: так, например, см. в продолжении главы 47 «Книги Правосудия и Суда» (пример 16):

- 16) § 4. *Et se aucuns te doit deniers, puez-tu prandre le sien? Non, tot soit li termes passez.* § 5. *...Et se la marcheandise s’en est alée sanz mon congié, et il ne me voile poier, puis-je la suire et prandre? L’en dit que non sanz jostice* (Plet, XLVII: 320). — ‘А если кто-то должен тебе деньги, можешь ли ты взять его деньги (без суда)? Нет, только когда пройдет срок платежа’.

Таким образом, в правовых текстах отражается взаимодействие участников коммуникации, включенных в определенную правовую (шире: социальную) ситуацию. Но, как пишут Т. А. ван Дейк и В. Кинч: «Нельзя говорить что угодно в любой ситуации» [ван Дейк, Кинч, 1988: 160]. Именно поэтому, по-видимому, законодатель во многих статьях законов прописывает то, что следует произнести истцу, ответчику, судье и пр. в конкретной правовой ситуации, и делает это, используя форму первого лица, помещая человека говорящего в центр высказывания, в гущу событий, ясно осознавая, что «человек познает открывающуюся ему реальность через фильтр накопленного опыта» [Серебренникова, 2003: 61].

## 2.3. Побудительность в старофранцузских правовых текстах

Определения побуждения многочисленны и разнообразны. Однако ядро этих определений остается неизменным. Начиная с Дж. Сёрля [Сёрль, 1986], побудительные высказывания относят к директивам, иллюкутивная цель которых формулируется как попытка со стороны говорящего заставить слушающего сделать (или не делать) что-либо. Пропозициональное содержание высказывания определяется предварительным условием, согласно которому адресат способен осуществить данное действие, и условием искренности, согласно которому говорящий хочет, чтобы слушающий выполнил действие. Но одного желания говорящего недостаточно: он должен еще обладать властью, авторитетом, определенными полномочиями, чтобы навязать свою волю, побудить, заставить адресата сказать или совершить требуемое, изменить свое поведение, выполнить просьбу и пр. Как отмечает Л. Миличкова, побуждение представляет собой модальность, которая отражает дискурсивную операцию, устанавливающую функциональное отношение типа доминирующий/тот, над кем доминируют (*dominant/dominé*) или власть/подчинение (*autorité/soumission*) [Miličková, 1991: 19].

Фактически побудительное высказывание соответствует программе или схеме поведения, в которой говорящий предписывает, т. е. планирует (прогнозирует) последующие речевые или физические действия своего собеседника, причем в текстах законов эти действия рассматриваются говорящим как позитивные.

Во французском языке побуждение может выражаться разными способами: императив, индикатив (*présent, futur, констативы с devoir, констативы и интеррогативы с vouloir*), субжонктив, кондиционал (интеррогативы с *pouvoir, savoir, предложения с si*), перформативные предложения, безличные обороты, инфинитив<sup>1</sup>, номинативные пред-

---

<sup>1</sup> О выражении приказа и запрета с помощью инфинитивных конструкций *or del + infinitif; ne + infinitif* в старофранцузском языке см., на-

ложения, междометия. Инвариантом всех этих различных языковых единиц, предназначенных для воздействия на волю собеседника и программирования его действий, является общий принцип, объединяющий в один класс разнородные языковые объекты, а именно «побудительность». Все те языковые средства, которые служат проявлению этой сущности, рассматриваются нами как варианты данного класса объектов (подробнее см. [Лыкова, 1990: 29-42]).

Основным средством, предназначенным для выражения побуждения во всей гамме его оттенков, является императив, модальное содержание которого «состоит в выражении действия, не конструируемого в реальности и представляющегося в сознании говорящего через призму волеизъявления» [Сабанеева, Щерба, 1990: 191]. Как отмечали еще Ф. Брюно, Ш. Брюно, Ж. Дамурет и Э. Пишон, семантическая роль императива заключается в воздействии на собеседника с целью побудить его действовать так, как того желает говорящий [Brunot, Bruneau, 1949: 369; Damourette, Pichon, 1934: 392].

### **2.3.1. Императивные высказывания в ранних французских правовых документах**

В данном параграфе мы обратимся к анализу того, каковы особенности побуждения, выраженного императивом, в ранних специальных текстах по сравнению со старофранцузским языком, отраженным в литературных памятниках той эпохи, и по сравнению с современным французским языком. Представленный аспект интересен, поскольку дает возможность уточнить, как функционирует императив в не свойственной ему дискурсивной сфере. В ранних правовых текстах императив встречается в прямой и не прямой речи.

---

пример: [Oppermann, 2003]. В статье анализируются художественные произведения XII-XIII вв. с позиции прагматики высказывания.

## *Императив в прямой речи*

Казалось бы, императив, как основное средство выражения побудительности, не должен встречаться в правовых текстах, поскольку, как пишет Д. Мэнгено: «Будучи предназначенным для выражения таких иллокутивных значений, как приказ, совет и т. п., императив предполагает прямой контакт говорящего и слушающего в речевом акте, в котором первый стремится немедленно воздействовать на второго»<sup>1</sup> [Maingueneau, 1999: 57]. В современных правовых текстах такого непосредственного взаимодействия нет: связь с адресатом опосредована, обезличена или генерализирована, поэтому нет и императивных высказываний.

Однако особенностью древних правовых текстов, напротив, является их тесная связь с описываемой правовой или коммуникативной ситуацией, с участниками коммуникативного акта. Эти тексты по своему построению отличаются от современных ярко выраженной нацеленностью на адресата. Так, например, в текстах законов предлагаются образцы того, как нужно строить высказывание при подаче жалобы, описывается, как следует вести себя в суде и что говорить. Присутствие адресата ощущается прежде всего через фрагменты прямой речи, составляющие неотъемлемую часть правового дискурса того времени, когда законодатель напрямую обращается к субъектам права. Эти фрагменты прямой речи, отражающие некоторые черты устной речи<sup>2</sup>, свидетельствуют о том, что древние правовые тексты не были предназначены только для письменного распространения. Вполне вероятно, что они могли передаваться ги-

---

<sup>1</sup> “Réservé à quelques valeurs illocutoires comme l’ordre, le conseil, etc., l’impératif suppose la mise en présence directe de l’énonciateur et de l’allocataire au travers d’un acte d’énonciation par lequel le premier cherche à agir immédiatement sur le second”.

<sup>2</sup> Как мы уже говорили, в последние годы во французской лингвистике, в работах Лионской школы, активно исследуется устная речь, представленная в письменных текстах, см., например: [Marchello-Nizia, 2015; Guillot et al., 2016].

бридным способом, используя каналы устной и письменной коммуникации, поскольку законодатель обращался к публике большей частью неграмотной, да и процесс обучения во многом осуществлялся через чтение (вслух) и запоминание (речь о чем шла выше, см. п. 2.1).

Таким образом, формы императива мы находим прежде всего во фрагментах прямой речи, включенной в текст статьи правового документа. В данном случае побуждение соотносится с глаголами, связанными с повседневной сферой жизнедеятельности человека. Это будут глаголы, обозначающие разнообразные физические или речевые действия, в т. ч. с семантикой давания, движения, как в примерах 1-2:

- 1) *Et bien **ameine** tant de tesmoins comme il te plaira a prouver et comme tu quideras, que aidier te puissent et doivent* (Louis, 3: 369). — ‘И приводи столько свидетелей, сколько захочешь и сколько, ты думаешь, могут и должны тебе помочь’;
- 2) *Cil avient ... que un larron entre en aucune maison ... et celui en cui maison il est entrés ... le vost prendre... et il vait après criant: “**Prenés le larron! prenés le larron**” et il avient que celui larron seit pris à celui cri* (Ass.: 185). — ‘Случается, что вор входит в некий дом... и тот, в чей дом он вошел... хочет его схватить... и бежит за ним, крича: «Хватайте вора! Хватайте вора!»’.

В первом примере статья закона посвящена тому, как обратиться в суд с обвинением кого-либо в убийстве. После вводной части законодатель напрямую обращается к человеку, желающему выдвинуть это обвинение, переходя от третьего лица ко второму, что выражено и формой императива, и личным местоимением второго лица единственного числа (*tu, te*), разъясняет ему процедуру и последствия, затем вновь переходит в изложении к третьему лицу. Графически в первом примере фрагмент прямой речи в тексте не отмечен, тогда как во втором он выделен кавычками, однако эти знаки могут быть поставлены издателем. Маркером начала такого фрагмента служит глагол говорения: в первом случае глагол *dire* ‘говорить’: *Et quand il voldra faire sa clameur, que len li **die***; а во втором — глагол *crier* ‘кричать’ в форме герундия. Кроме того, граница фрагмента

прямой речи отмечена также сменой местоимений второго и третьего лица.

Иногда вид побуждения очевиден благодаря семантике глагола. Так, предупреждение, предостережение выражается эксплицитно, если глагол (*se*) *garder* ‘остерегаться’ употребляется в императиве (пример 3):

- 3) *Et nous qui tenions la court, quant nous oïsmes qu’il disoit paroles qui touchoient a la court et a la partie, nous li deïsmes: “Gardés que vous dites!”* (Beaum.: 462) — ‘И мы, те, кто вершили суд, когда слышали, что он произносит слова, которые затрагивают суд и сторону в процессе, мы ему сказали: «Остерегайтесь (берегитесь) того, что говорите!»’.

Предупреждение сопровождается далее объяснением причины, которая его вызвала.

### *Императив в не прямой речи*

Однако императивных высказываний в прямой речи в текстах законов немного. Гораздо чаще встречается императив в не прямой речи, в начале или середине статьи, излагающей нормы правоприменения, как обращение к слушателю (читателю), потенциальному субъекту права. В этом случае в побудительном значении употребляются когнитивные (эпистемические) (преимущественно *saveir* ‘знать’) и перцептивные глаголы (*regarder* ‘смотреть’, *veoir* ‘видеть’, *entendre* ‘слушать’). В. Г. Гак считает, что подобные глаголы часто выражают различные обстоятельства речевого акта и выполняют речеоорганизующие, модальные или аргументативные функции, поскольку восприятие, мышление (знание) и речь представляют собой этапы единого мыслительно-речевого процесса [Гак, 1994: 10].

Глагол *saveir* в побудительном высказывании выполняет прагматическую функцию сообщения знания адресату. Особенно ярко это прослеживается, если он употреблен в начале статьи, как в примерах 4-5:

- 4) *Sachés que c'il avient... que aucuns hom soit ataint de larecin, ou d'aucun autre mauvais fait, si que il soit jugiés à pendre ou à ardre... la rason juge et coumande...* (Ass.: 189) — '(У)знайте, что если случается... что некий человек обвинен в воровстве или в другом преступлении и что он осужден к смертной казни через повешение или сожжение... правосудие решает и предписывает...';
- 5) *Bien sachés que s'il avient... que uns hom soit osis, ou une feme soit ocize... la rason juge que...* (Ass.: 207) — '(У)знайте же, что если случается... что убит муж или жена... правосудие решает, что...'

И. Б. Шатуновский отмечает, что эпистемический глагол *знать* описывает ситуацию, при которой в уме субъекта речи присутствует пропозиция 'есть (в действительности)' (= 'имеет место' = 'истинно') [Шатуновский, 1988: 18]. Тогда при употреблении названного глагола в императиве говорящий представляет описываемую далее ситуацию как истинную, делится своим знанием с собеседником и побуждает его прислушаться к тому, что сообщается далее, учитывать это в собственной жизнедеятельности.

В правовых текстах к указанной основной функции может также присоединяться иллокутивная функция предупреждения, которая определяется, если учитывается вся ситуация произнесения высказывания. Так, в статье закона, где описывается, каким образом можно обвинить человека в убийстве, в середине сказано (пример 6):

- 6) *Et saches tu bien que tes adversaires porra bien dire contre tes tesoins se il veut* (Louis, 3: 369). — 'И (у)знай же, что твой противник сможет говорить против твоих свидетелей, если он захочет'.

В этой статье законодатель напрямую обращается к адресату и предписывает ему те действия, которые тот должен совершить, чтобы они были признаны правомочными.

Известно, что бо́льшая часть французских глаголов образует императив на основе форм индикатива и лишь глаголы *avoir*, *être*, *vou-*



*loir, savoir* — на основе субжонктива. Объяснение этому дает теория психосистематики. Опираясь на идеи Г. Гийома, Л. М. Скредина пишет: «1) Sois riche! — *Будь богатым!* 2) Aie du courage! — *Будь смелым!* Что значит “будь богатым”? — это значит: *Стань* им, приобрети богатство! Глаголы **devenir** и **acquérir**, передающие эти смыслы, находятся **перед** глаголами **être** и **avoir**, если выстраивать понятийную хронологию: сначала надо *стать* (**devenir**), а потом *быть* (**être**); сначала надо *приобрести* (**acquérir**), чтобы потом *иметь* (**avoir**). Эти семантические отношения лежат в основе употребления форм субжонктива глаголов **être** и **avoir** в приведенных фразах [Leçons, 14, p. 113]. Для **savoir** (*знать*) Гийом дает разъяснения через **apprendre** (*узнавать*); так что в повелительном наклонении семантически (или в терминологии Гийома, *психически*) Sachez cela будет означать Apprenez cela. Отсюда — хроногенетическое *отступление* (recul) глагола *savoir*, обозначенное формой субжонктива [ibid., p. 314]» [Скредина, 2009: 226].

В примере 6, где побуждение выражено глаголом *saveir*, императив сопровождается подлежащим, выраженным личным местоимением. В современном французском языке невозможно употребление субъектного местоимения при глаголе в повелительном наклонении, а в старофранцузском субъект при нем мог присутствовать, хотя и нерегулярно. Считается, что употребление субъектных местоимений (*tu, vous*) при императиве полностью исчезает лишь в XVI в. [Sneyders de Vogel, 1924: 48].

Помимо глагола *saveir*, в ранних правовых текстах встречается синонимичное императивное выражение, образованное от *estre certain* ‘быть уверенным’ (пример 7):

- 7) *Et soies bien certain que tu n'auras point de batailles, ains te conviendra jurer par bons tesmoins jurez* (Louis, 3: 369). — ‘И будь же уверен (знай же), что ты не сможешь больше вызывать на судебный поединок, но тебе нужно будет принести клятву и представить надежных свидетелей’.

Фундаментальный глагол *быть* вообще может употребляться в побудительном значении только в аналитических конструкциях,

когда предикатив, выраженный прилагательным, обозначает не постоянное качество индивида<sup>1</sup>. Употребляя глагольное выражение *estre certain* или глагол *saveir* в качестве побуждения, говорящий субъект (в данном случае законодатель) стремится убедить адресата в истинности сообщаемого знания и предупредить о необходимости следовать предписанному.

Перцептивные глаголы *entendre, regarder, veoir* в императиве (см. также с. 49) чаще всего являются не чем иным, как вводными формулами, интродукторами. Они выполняют функцию предупредительного сигнала, привлекая внимание к тому, о чем пойдет речь далее<sup>2</sup>. Чаще всего в этой роли выступает глагол *entendre*, что подтверждает предположение о гибридном (устно-письменном) характере ранних правовых текстов (примеры 8-11):

- 8) **Enten** *que nus ne se puet changier d'essoine...* (Plet: 289) — '(По)слушай, что никто не может изменить установленный законом срок...';
- 9) **Enten** *que deux manières de roberie sont: aperte et repote* (Plet: 293). — '(По)слушай, что есть два вида грабежа: явный и тайный';
- 10) **Entant** *que l'en puet apeler home de larrecin par garant* (Plet: 295). — '(По)слушай, что можно обвинить человека в краже благодаря свидетелям';
- 11) **Enten** *que maheng n'est pas, s'il ne pert* (Plet: 298). — '(По)слушай, что нет увечья, если его не видно'.

В литературных произведениях, в отличие от правовых текстов, кроме *entendre* употребляются в данной функции еще и синонимичные глаголы *escouter (escolter), oïr (oir, ouïr)*. В этом синонимическом ряду доминантой в старофранцузский период является глагол

---

<sup>1</sup> Ср.: у Л.-Ж. Кальве: "De même, le verbe *être* ne peut s'employer sous forme injonctive que quand il ne prédique pas une qualité permanente de l'individu (*sois fort*, mais non: *sois brun*)" [Calvet, URL: <http://www.universalis.fr/...>].

<sup>2</sup> Об употреблении императивных форм данных глаголов в качестве дискурсивного маркера см. [Dostie, 1998: 85-106; Oppermann-Marsaux, 2015: 51-52].

*oïr* (от лат. *audire*) ‘слышать, слушать, воспринимать звуки и шумы (*percevoir les sons et les bruits*)’. По сведениям авторитетных словарей старофранцузского языка [Godefroy; Greimas, 1992; Шишмарев, 1955], глаголы *escouter* (от н.-лат. *ascultare*) и *entendre* (от лат. *intendere*), помимо значений ‘слушать’, ‘слышать’, обладают еще несколькими пересекающимися семами, а именно: ‘ждать, *attendre*’, ‘быть внимательным к чему-л., кому-л., *être attentif à*’, ‘обращать внимание, *faire attention*’.

На наш взгляд, наличие названных сем в семантике этих глаголов как раз и позволяет им выполнять функцию стимулятора внимания в побудительном употреблении, нацеливая слушающего на ожидание важной информации. Если же учесть, что *entendre*, по свидетельству авторов старофранцузского словаря под редакцией В. Ф. Шишмарева, имеет еще значение ‘понимать, знать, *comprendre, savoir*’ [Шишмарев, 1955: 92], то императивные высказывания с указанным глаголом сближаются по своей прагматической функции с эпистемическими глаголами (см. выше). Таким образом, амбивалентность позволяет *entendre* вытеснить из правовых текстов другие перцептивные глаголы слухового восприятия.

Глаголы *regarder* и *veoir* в качестве императива-интродуктора встречаются в «Кутюмах Бовези» Филиппа де Бомануара, где автором изложены не только сами кутюмы, но и практика их применения (примеры 12-13):

- 12) *Or veons de ceus qui sont pris et emprisonné pour cas de crime...* (Beaum.: 463) — ‘Теперь обратим внимание на тех, кто схвачен и заключен в тюрьму за преступление...’;
- 13) *Or regardons, — se Pierres en mene la fame de Jehan et en porte aveques la fame des muebles Jehan...* (Beaum.: 468) — ‘Теперь посмотрим, — если Пьер уводит жену Жана и уносит с женой имущество Жана...’.

В отличие от глагола слухового восприятия *entendre*, глаголы зрительного восприятия употребляются, когда в фокусе высказывания оказывается говорящий. Показателем этого является окончание первого лица множественного числа. В таком случае тип по-

будительной ситуации меняется: от прямого побуждения (говорящий побуждает адресата к выполнению или невыполнению какого-л. действия) к побуждению к совместному действию (говорящий участвует в выполнении действия наряду с адресатом). Глаголы зрительного восприятия являются многозначными<sup>1</sup> и в своем императивном употреблении реализуют в правовых текстах такие лексико-семантические варианты (смысловые оттенки) перцептивного значения, как «рассматривать», «обращать внимание», «наблюдать».

Обращает на себя внимание также тот факт, что при глаголах зрительного восприятия в императиве во всех найденных примерах стоит дейктическое наречие времени *or*<sup>2</sup> ‘*maintenant; alors*, теперь; тогда’. В работах по истории французского языка отмечается, что это наречие часто использовалось в прямой речи и в высказываниях, отмеченных присутствием говорящего [Buridant, 2000: 517]. В старофранцузских художественных произведениях данное наречие часто сопровождает императив, вводит его (стоит в начальной позиции), причем выступает в качестве усилительной частицы, придавая побуждению более интенсивный и эмоциональный характер. То же значение передается сочетанием *or... donc (donque)* (см., например: [Ménard, 1976: 183]).

Однако в старофранцузских правовых текстах, на наш взгляд, *or* употребляется в своем адвербиальном значении, а не в функции усилительной частицы. Здесь, напротив, преобладает логический компонент: *or* позволяет структурировать высказывание, отмечает переход от одной мысли к другой, от общего положения к частным ситуациям, как в примере 14:

14) *Autres manieres de mesfès sont, si comme de lais dis. Or veons donques se uns hons dit vilenie a autrui... l'amende est de...*

---

<sup>1</sup> Так, в словаре старофранцузского языка А. Греймаса указывается 4 значения для глагола *regarder* [Greimas, 1992: 510], а в словаре Гodefруа — 8 значений для глагола *voir (veoir; veoir)* [Godefroy, t. 10: 832].

<sup>2</sup> Об этом наречии как показателе устной речи в старофранцузских литературных произведениях см. [Guillot, 2009].

(Beaum.: 434) — ‘Другими видами преступлений являются оскорбления. Теперь рассмотрим (случай), когда один человек говорит низости другому... штраф составляет...’.

Кроме этого, *or* может вводить новую информацию, отделяя одну статью от другой (пример 15 — начало статьи 876):

15) *Or veons des rescousses qui sont fetes au seigneur qui prent ou fet prendre en justicant* (Beaum.: 444). — ‘Теперь рассмотрим взимания, которые производятся у сеньора, который берет или поручает взимать во время отправления правосудия’.

### 2.3.2. Другие средства выражения побудительности

Выше уже говорилось о том, что одним из обязательных компонентов нормы является ее характер. В праве норма понимается как предписывающее высказывание общего характера о том, какой тип поведения нужно принять в определенном социальном поле [Margursztejn, 2012: 10]. Норма регулирует выполнение некоего действия, обязывает выполнить его, разрешает или запрещает данное действие. Это то, что в теории речевых актов называют иллокуцией, иллокутивной силой, намерением говорящего. Иллокутивная функция побуждения реализуется не только императивными предложениями, но и другими языковыми средствами. В представленном параграфе будут рассмотрены те средства, которые используются в правовых текстах.

#### *Перформативы*

Поскольку субъект речи не исключен из древних правовых текстов, то в статьях законов встречаются перформативные глаголы, эксплицитно выражающие иллокутивную цель высказывания и отношение говорящего к высказываемому им побуждению.

Из всего многообразия перформативных глаголов, встречающихся в побудительных высказываниях в литературных текстах<sup>1</sup>, в правовых документах используются лишь немногочисленные глаголы со значением требования, приказа, запрета и просьбы, а именно: *requerre* ‘требовать, просить’, *comander* ‘повелевать, приказывать, отдавать распоряжение’, *demander* ‘настойчиво просить, требовать’, *defendre* ‘запрещать’, *prier* ‘просить’, причем некоторые из этих глаголов в старофранцузском языке были многозначными, и в них соединялись значения просьбы и требования, как, например, в глаголе *requerre* (в словаре старофранцузского языка А. Греймаса приводятся, в числе прочих, следующие его значения: 1) *prier*, 2) *réclamer par voie judiciaire*, 3) *exiger* [Greimas, 1992: 520]).

Перформативы употребляются как во фрагментах прямой речи, так и непрямой. В прямой речи они используются в первом лице единственного числа настоящего времени. Сигналом начала фрагмента прямой речи служит глагол говорения, как в следующих примерах:

- 1) *Uns hons si dit: J'evoie mis berbiz que Robert devoit garder, et les vendi à tel jor: si requier qu'il me rende la value de mes choses, ou mes choses* (Plet, XVIII: 297);
- 2) *Plévine si est quant aucuns dit tex paroles: Je doi à P. vingt livres, à paier à tel jor; si vos pri, G., que vos me plévissiez* (Plet, XXXVIII: 313);
- 3) *Et cil apela simplement en disant: "Cis jugemens est faus et mauvès, et en requier l'amendement de la court de mon seigneur"* (Beaum., 1888: 453);
- 4) *...il doit fere sa demande en tele manière: ...et je après la mort mon père en requier la sesine, comme mon serf, dont se il cognoist ce que je dis, je vous requier que vous le me rendés, comme mon home* (Louis, 31: 623);

---

<sup>1</sup> См., например, обзор свойств перформативных глаголов в [Апресян, 1986], о виде и времени перформативного глагола [Падучева, 1994], о неперформативном употреблении перформативных глаголов [Кустова, Падучева, 1994].

- 5) *...il doit **dire** en telle manière: ...**je requiers** que il soit punis, comme de ce fet, et me fit sanc et plaie* (Louis, 38: 637);
- 6) *Li hons li doit **respondre et dire**, sire, **je vous demant** enqueste telle comme je dois avoir* (Louis, 46: 413);
- 7) *...et doit **dire** en tele manière: Sire, **je vous requiex** comme à mon seigneur, que vous me metés en vostre foy, et en vostre homage de tele chose assise en vostre fié, que j'ay achetée* (Louis, 18: 604-605).

В подобных контекстах встречаются всего три перформатива: *requerre*, *demander* и *prier*, причем преимущественно используется глагол *requerre* (примеры 1, 3-5, 7). Это объясняется тем, что в данных фрагментах прямой речи законодатель предписывает, как нужно формулировать свои требования при обращении в судебные инстанции, а глагол *requerre* точно маркирует, зачем обращаются в суд.

Для усиления побуждения могли использоваться рядом два перформативных глагола: *demander* и *requerre*, как в примере 8:

- 8) *...**je demande et requiers** qu'il soit pugnis comme de tel fet, et més damages me soient rendus jusques à la valüe de 10 l.* (Louis, 18: 604-605). — '...я требую и настоятельно прошу, чтобы он был наказан за этот поступок и чтобы нанесенный мне ущерб был возмещен в размере стоимости 10 ливров'.

Возможны две конструкции с приведенным глаголом. Первая представляет собой сложноподчиненное предложение, в котором перформатив *requerre* вводит придаточное дополнительное (примеры 1, 4, 5, 7, 8). В этом случае в придаточном после *requerre* используется субъектив, а само требуемое действие направлено либо на третье лицо: 'настоятельно прошу/требую, чтобы он мне вернул стоимость моих вещей или мои вещи' (пример 1), 'настоятельно прошу/требую, чтобы он был наказан' (пример 5); либо же обращено к собеседнику: 'настоятельно прошу/требую, чтобы вы мне его вернули' (пример 4), 'прошу, чтобы вы приняли меня под свое покровительство (под свой оммаж), заключили вассальный договор' (пример 7). Представляется, что степень категоричности

меняется под воздействием контекста и в зависимости от лица, на которое обращено действие: так, требование к третьему лицу, на наш взгляд, более категорично, кроме того, оно может обосновываться ссылкой на несправедливое решение (пример 3) или нанесением раны, повлекшей кровопролитие, что усиливает обвинение (пример 5).

Употребление субъонктива в придаточном предложении теория психосистематики объясняет тем, что субъонктив как время нарождающееся (*in fieri*), как виртуальное наклонение, связан с идеей потенциальности, возможности [Guillaume, 1929: 30-37; Скрелина, 1987: 79-80]. Говорящий не уверен в том, что его требование будет выполнено безоговорочно, и рассматривает его осуществление как возможное, желаемое, вероятное.

Вторая конструкция — это перформатив *requerre* или его синоним *demander*, сопровождаемые прямым дополнением, выраженным существительным (примеры 3, 4, 6). Данное существительное называет конкретное юридическое действие или право, которого добивается говорящий: ‘я настоятельно прошу/требую возмещения убытков; права прямого наследования и владения; отсрочку’. Во всех названных случаях перформативные высказывания с глаголами *requerre* и *demander* обращены к людям, имеющим полномочия рассматривать судебные дела и принимать решения, и лишь перформативное высказывание с глаголом *prier* (пример 2) адресовано тому, кого должник просит выступить поручителем, гарантом того, что он заплатит долг: это не требование справедливости, а именно просьба, выполнение которой возможно при определенных обстоятельствах, при наличии возможности ее исполнить и доброй воли адресата.

К перформативным высказываниям относим также предложения с местоимением первого лица множественного числа *nous*<sup>1</sup> (см.

---

<sup>1</sup> Е. В. Падучева также пишет о том, что «когда говорится, что перформативное употребление требует 1-го лица Субъекта, имеется в виду денотативное 1-е лицо, а не грамматическое» [Падучева, 1994: 38].



п. 2.2), поскольку при формально выраженной множественности субъектом речи выступает одно лицо (законодатель, авторитет, королевская особа):

- 9) *Et nous defendun que l'un Christien fors de la terre ne vende, n'ensurche tut en paisnime* (Lois, 41: 27-28);
- 10) *Nous deffendons les batailles partout nostre demeine, en toutes querelles* (Louis, 2: 367-368);
- 11) *Nous commandons, que se nus homme veut appeller un autre de murtre, que il soit ois ententivement* (Louis, 3: 368).

Не случайно подобные высказывания встречаются в «Законнике Вильгельма Завоевателя» и «Уложении святого Людовика». Как правило, они выражают запрет или приказ и, находясь в самом начале статьи закона, четко обозначают позицию законодателя по отношению к формулируемой и развиваемой далее норме: запрет на продажу христиан за пределы своей земли (пример 9), на судебные поединки (пример 10), приказ внимательно выслушивать человека, обвиняющего другого в убийстве (пример 11). Такие перформативные предложения уже не передают прямую речь: это, скорее, пример речи законодателя, обращенной к субъектам права, отправляющим правосудие или участвующим в судебном процессе в качестве одной из сторон. Воля законодателя, выраженная эксплицитно, однозначно, усиливает воздействие на адресата, не дает ему возможности для какого бы то ни было иного толкования данной статьи закона.

Побуждение, представленное императивом и перформативными высказываниями, непосредственно обращено к адресату, и его цель — заставить, побудить выполнить определенное действие. Однако в правовых документах это не основной способ выражения побудительности. Здесь нет прямого контакта между говорящим и слушающим, преобладает обращение к третьему лицу, следовательно, использоваться будут другие способы выражения побуждения, и, прежде всего, — сюбжонктив.

## Сюбжонктив

Значение волеизъявления в латинском языке было доминирующим для конъюнктива. Презенс конъюнктива противопоставлялся императиву как форма менее категоричного волеизъявления более категорическому. Как отмечает М. К. Сабанеева, к старофранцузскому периоду изменилось основание противопоставления этих двух форм. Основным признаком стало лицо — адресат волеизъявления: за вторым лицом, непосредственным участником акта коммуникации, закрепились формы императива, а за третьим, не являющимся прямым участником речевого акта, — формы презенса сюбжонктива [Сабанеева, Щерба, 1990: 193-194].

Выяснилось, что побудительный сюбжонктив в ранних французских правовых текстах встречается в утвердительных и отрицательных контекстах. При этом его особенностью является то, что побуждение нацелено в большинстве случаев на неопределенного адресата, выраженного местоимением *on*:

- 1) *S'il avient que un larron soit ataint en cort de larrecin, et qui soit le premier larrecin qu'il onques aie fait c'on sache, la raison juge qu'il deit estre frustés par la vile et bien batus, et flastri, et chassé de la terre, par dreit* (Ass., ССХСVIII: 223). — 'Если случается, что вор обвинен<sup>1</sup> в суде в краже, и это первая кража, которую он совершил, знайте, что правосудие гласит, что он должен быть проведен по городу и хорошо побит и заклеимен и изгнан с этой земли по праву'.
- 2) *E si hum le chalange, e il nen ait testimonie, si n'a nul warrant, rende l'un al hum soun chatel, et le forfait eit qui aver le deit* (Lois, 45: 29). — 'Если кого-то обманывают при покупке, и у него нет свидетелей и никакого поручителя, то следует вернуть (пусть вернут) этому человеку (владельцу) его имущество и наказать того, кто совершил этот проступок'.

---

<sup>1</sup> О семантике предикатов *обвинять*, *осуждать* см. [Булыгина, Шмелев, 1994: 51-55].

Местоимение *on* уже в старофранцузский период обладало широкой семантикой: его семантическое содержание может варьировать от полной неопределенности до косвенного обозначения определенного лица, например, второго, как в примере 1, где выражение *s'on sache* 'пусть знают' можно понимать как 'знайте'. Под местоимением *on* в этом примере подразумеваются, по-видимому, с одной стороны, те, кто судят, те, кто принимают решения и, с другой, — широкие массы, все те, к кому обращен правовой дискурс (обобщенный адресат). Так же как и при обращении к прямому адресату эпистемический (когнитивный) глагол *savoir* выполняет здесь прагматическую функцию сообщения знания (см. с. 55-56), к которой присоединяется иллокутивная функция напоминания о том, что предусматривает закон для разрешения данной правовой ситуации.

В примере 2 глагол, стоящий в субжонктиве, также сопровождается местоимением *on*: *rende l'un al hum soun chatel* ('пусть ему вернут его имущество'), но в данном случае за неопределенным местоимением скрываются только судьи, люди, облеченные правовыми полномочиями. Кроме того, это местоимение позволяет сфокусировать высказывание не на адресате, а на действии, которое должно быть выполнено. Для законодателя важен не исполнитель, а само действие.

По поводу значения местоимения *on* Г. М. Щерба отмечает, что оно могло в старофранцузском языке употребляться в обобщенноличном значении, но основной его функцией была уже функция неопределенного местоимения сферы реальности (неопределенноличное значение) [Сабанеева, Щерба, 1990: 98]. Известно, что названное местоимение образовалось путем прономинализации латинского существительного *homo*. В старофранцузском языке об этом напоминает различная графика данного местоимения (*hom, hume, hum, ome, om, ime, im, un, on*) и, кроме того, даже став местоимением, *on* может употребляться с артиклем, как в примерах 2, 4-6.

В некоторых случаях субжонктив соотносится с подлежащим, выраженным конкретным существительным, как в примере 3:

- 3) *Mes bien se gart li maris qui tel venjance veut prendre de sa fame qu'il ne lesse passer le fet present...* (Beaum, 934: 473).

Возвратный глагол *se garder* ‘остерегаться’ маркирует здесь предостережение законодателя: месть обманутого мужа справедлива с точки зрения закона, но только при определенных условиях, и эти условия муж должен выполнить, чтобы самому не подвергнуться судебному преследованию, а именно: он может отомстить жене и ее любовнику, но только в тот момент, когда застал их, т. е. в момент преступления. Если же он данный момент пропустит и убьет их после, то сам будет наказан и повешен. Инверсия подлежащего вызвана здесь, во-первых, тем, что на первое место вынесено наречие, и во-вторых, тем, что группа подлежащего значительна по объему, осложнена относительным придаточным предложением, т. е. порядок слов выполняет в таком случае еще и ритмическую функцию.

Глагол (*se*) *garder* в субжонктиве может употребляться в заключительной части статьи закона, когда законодатель сначала прямо запрещает продажу христиан — в уже цитированной статье 41 «Закона Вильгельма Завоевателя» (см. начало статьи в примере 9, с. 65) — и затем предостерегает от этого, обращаясь к религиозным чувствам:

- 4) *Wart l'un que l'un l'anme ne perde, que Dieu rechatat de sa vie.* — ‘Пусть остерегаются (= остерегайтесь), чтобы не потерять душу, за которую Бог отдал свою жизнь’.

Таким образом, авторитет человеческих законов подкрепляется ссылкой на божьи заповеди. Маркером того, что *wart* — это именно форма презенса субжонктива, а не императив, служит наличие подлежащего, выраженного неопределенным местоимением *on*, стоящим в постпозиции. Такой порядок следования компонентов необычен для повествовательных предложений современного французского языка. Однако Ф. Менар отмечает, что для старофранцузского языка привычным является порядок слов, при котором в начале предложения оказывается ударный элемент. Это общий закон, управляющий всем средневековым синтаксисом [Ménard, 76: 52]. Фокус высказывания сосредоточен на глаголе, что позволяет неавтономному местоимению перейти в постпозицию (см. также примеры 5-7).

В текстах законов субжонктив встречается и в отрицательных предложениях, выражая запрет:

- 5) *Si femme est jugée a mort u a defaciun des membres, ki seit enceintée, ne facet l'um justice* *desqu'ele seit delivrée* (Lois, 33: 24). — ‘Если беременная женщина приговорена к смертной казни или отсечению части тела, то пусть совершат правосудие после рождения ребенка’.
- 6) *E ne face l'un plainte a rei, d'ici que l'un li seit defaili el hundred u el conté* (Lois, 43: 28). — ‘Пусть никто не подает жалобу королю, до того как ему не вынесут судебного решения в сотне (*административная единица*) или в графстве.’
- 7) *Ne prenge hum nam nul en conté ne defors, d'ici qu'il eit tres foiz demandé dreit el hundred u el conté* (Lois, 44: 29). — ‘Пусть не берут никакой залог в графстве или вне его, пока не обратятся трижды за правосудием в сотню или в графство’.
- 8) *Nuls ne receit home ultre III nuis, si cil ne li command, od qui il fust ainz. Ne nuls ne lait sun hume de li partir pus que il est rete* (Lois, 48: 31). — ‘Пусть никто не принимает чужеземца (незнакомца) более трех ночей, если только тот его не рекомендует, с кем он был раньше. И пусть никто не позволит (никто не должен позволить) своему человеку от него уйти, если он обвинен’.

Во всех этих примерах глагол стоит в начале предложения, хотя наиболее распространенной уже в старофранцузский период была модель, когда сказуемое занимало срединную позицию (S — V — C). А. Боннар и К. Ренье выделяют девять случаев, когда глагол может находиться в начальном положении: один из них — это как раз употребление субжонктива в императивном значении, в функции побуждения [Bonnard, Régnier, 1991: 188-189].

Кроме того, отрицание, сопровождающее глагол, представлено формой *ne* от самостоятельного наречия *non*. Она является основным средством отрицания при сказуемом в личной форме в старофранцузском языке и одна может выражать идею полного отрицания, не будучи усиленной другим вспомогательным словом. А. Доза считает ее безударным вариантом от *non* [Доза, 1956: 315-316]. Однако

А. Боннар и К. Ренье справедливо замечают, что эта форма не была безударной, поскольку могла занимать первое место в предложении<sup>1</sup> (см. примеры 5-7). Они считают, что такая форма была фонетически ослабленной благодаря своей обязательной позиции перед глаголом [Bonnard, Régnier, 1991: 38].

Отметим также, что частица *que*, обязательный компонент сюбжонктива в современном французском языке, факультативна в старофранцузском: она присутствует только в одном примере (пример 1), в остальных ее нет.

Примеры 5 и 6 интересны тем, что в них представлено глагольно-именное аналитическое сказуемое, выраженное устойчивым глагольным словосочетанием с глаголом *faire*: *fere justice*, *fere plainte*. Подобные устойчивые словосочетания образовывались не только на базе глагола *faire*, но также на основе глаголов *aveir*, *mener*, *tenir*, *rendre*. Как пишет М. С. Гурычева, их особенностью был «свободный порядок следования компонентов, что делает возможным различные их перестановки и вклинивание между компонентами как слов, так и целых словосочетаний» [Катагощина и др., 1976: 130]. В данных примерах наречие *ne*, стоящее в начальной позиции, повлекло за собой инверсию подлежащего (*l'on*), которое вклинилось между компонентами устойчивого глагольного словосочетания.

В примерах 7 и 8, наряду с отрицанием *ne* встречается еще и неопределенное местоимение-прилагательное *nul*. В работах по истории французского языка отмечается, что оно чаще всего присутствует в отрицательных предложениях в сопровождении *ne* и может выполнять различные синтаксические функции [Bonnard, Régnier, 1991: 67; Foulet, 1998: 245; Ménard, 1976: 44]. Так, в примере 7 *nul* функционирует как прилагательное, образуя именную группу (*nam nul*), т. е. выполняет атрибутивную функцию. В современном французском языке *nul* относят в подобном случае к отрицательным де-

---

<sup>1</sup> “L’adverbe *ne* n’était pas atone, puisqu’il pouvait occuper la première place dans la phrase... Il s’agit pourtant d’une forme phonétiquement affaiblie par sa position obligatoire devant le verbe”.

терминативам, наряду с *aucun, pas un*, указывающим на несуществование объекта, обозначаемого существительным [Гак, 2000: 208]. В примере 8 *nul* употребляется как подлежащее, стоит в форме прямого падежа и выполняет субстантивную функцию, что придает, на наш взгляд, большую категоричность запрету, выраженному субъюнктивом. Кроме того, можно предположить, учитывая семантику и происхождение, что неопределенно-личное местоимение *on*, обозначающее неопределенного субъекта, заменено здесь подлежащим *nul*, потому что далее следует существительное *home* в функции прямого дополнения, т. е. *nul* используется как средство различения местоимения *on* и существительного *home*.

Отметим также, что, по данным Л. Фуле, в XII-XIII вв. *nul* используется в качестве второго компонента отрицания при *ne* гораздо чаще, чем *pas, mie, point* или другие возможные слова, усиливающие отрицание<sup>1</sup> [Foulet, 1998: 246].

Что касается форм презенса субъюнктива, то в ранних правовых текстах в третьем лице единственного числа встречаются аналогические формы с *-e* (*sache, rende, face/facet, prenge*) и этимологические без *-e* (*gart/wart, receipt, lait*). В. Ф. Шишмарев отмечает, что «сослагательное с *e* особенно туго проникало в форму 3-го л. ед. ч., где старые этимологические формы сохранялись еще в XV и XVI вв., а в глаголе *garder* (*gard*) даже и в XVIII в., но обычно в готовых формулах, как *Dieu gard*» [Шишмарев, 1952: 154].

### *ИмPLICITное побуждение*

Если императив, перформативные глаголы и субъюнктив можно отнести к прямым средствам выражения побуждения, то такие средства, как повествовательные предложения с глаголом в индикативе, констативы с глаголом *deveir*, безличные обороты, трудно назвать прямым побуждением. Это, скорее, побуждение имPLICITное,

---

<sup>1</sup> “Au XIIe et au XIIIe siècle *ne* n’a pas d’auxiliaire plus dévoué que *nul*: *nul* est plus fréquent que *pas, mie, point* ou aucun des autres aides atitrés de la négation”.

скрытое, но стремление воздействовать на адресата ярко выражено, прописывается программа его действий, и законодатель обладает соответствующими полномочиями для того, чтобы предписать одни действия, предупредить о недопустимости других и о последствиях их совершения или обязать поступать определенным образом.

По нашим наблюдениям, именно так используются **временные формы индикатива** (*présent, futur simple*), которые в ранних текстах законов могут выражать предупреждение, предписание и долженствование. Об имплицитном характере побуждения, выраженного формами будущего времени в художественных текстах IX-XVI вв., говорит, например, Э. Опперманн в своей диссертации [Oppermann, 1996]. О прескриптивном индикативе пишут и другие авторы, в числе которых, в частности, Ж. Корню, Ф. Мартен. Они отмечают, что прескриптивный индикатив позволяет выразить приказание, разрешение, другие разновидности побуждения, придавая ему вид описания реальной ситуации. Настоящее время маскирует приказ, облекая его в форму предписания. Побуждение, выраженное временами индикатива, создает эффект реальности, что способствует восприятию нормы закона как естественной, не навязанной [Cognu, 1990; Martin, 2010: 8].

Будущее время чаще всего встречается в условных предложениях, передающих предупреждение. Логические отношения в таком случае представлены формулой: если А, то В. При этом условие выступает как предположение законодателя, опирающееся на реальность, поэтому в главном предложении употребляется будущее время. В теоретической грамматике современного французского языка отмечается, что будущее действие может рассматриваться двояко: как неизбежное или как неопределенное [Гак, 2000: 348]. В старофранцузских текстах законов реализуется именно смысловой оттенок неизбежности правового действия как ответ на выполнение или невыполнение некоторого действия (условия), как в параграфах примера 1:

- 1) § 25. *Li avocaz ... se il font tricherie ès causes que il ont à mener, il soffreront poine de traïson.*



§ 26. *Li notenier, li taverner, li ostelier, se il ne gardent ce que il recevront en ces trois lieus, et il facent tricherie, il recevront paine de traïtor.*

§ 27. *Li mesureor des chans, se il font fauses mesures apenséement, et il en soient repris, il soffreront poine de traïteur* (Plet, XXIV: 280).

В этих трех параграфах законодатель предупреждает адвокатов, жульничающих в судебном процессе, обманывающих морских перевозчиков, хозяев таверн, постоянных дворов, обмерщиков полей о том, что они понесут наказание за вероломство. Перечисленные виды преступлений карались смертной казнью. Термин *traïson*, который употребляется в приведенных статьях, неравнозначен современному *trahison* ‘измена, предательство, переход на сторону врага или сотрудничество с врагом’. Это, скорее, вероломство, злоумышленное коварное действие, которое часто сопутствует убийству. Ф. де Боманур дает преступлению такое определение: *Traïsons si est quant l’en ne moustre pas semblant de haine et l’en het mortelment si que, par la haine, l’en tue ou fet tuer, ou bat ou fet batre dusques a afoleure celui qu’il het par traïson* (Beaum., 826: 430). — ‘Вероломство совершается, когда человек не показывает своей ненависти, а сам смертельно ненавидит, так что из ненависти убивает или поручает убить или же бьет или поручает искалечить (изувечить) того, кого он предательски ненавидит’. И далее он продолжает описывать данный вид преступления и подчеркивает, что любое убийство сопровождается вероломством, но есть и другие преступные проявления вероломства (предательства), не связанные с убийством: нарушение перемирия, удар исподтишка, из засады, лжесвидетельство с целью лишить наследства, добиться смертной казни, осудить на изгнание или вызвать ненависть сеньора к этому человеку<sup>1</sup>. В «Книге Правосудия и Суда» к тому же виду преступлений относят еще и совершение преступления ночью, удар без вызова на

---

<sup>1</sup> “Nus murtres n’est sans traïson, mes traïsons puet bien estre sans murtre en mout de cas; car murtres n’est pas sans mort d’homme, mes traïsons est pour batre ou pour afoleure en trives ou en asseurementou en aguet apensé ou pour porter faus tesmoing pour celi metre a mort, ou pour li deseriter, ou pour li fere

поединок, удар с близкого расстояния, не дающего возможности обернуться: *Nuitantre fere forfeit est traïson, trive anfrete est traïson; férir; et l'en ne voie pas le cop venir; férir; sanz deffier, et de si près que l'en ne se puisse destorner* (Plet, XIX, V: 290).

Таким образом, за формулой импликации «Если А, то В» легко угадывается формула «Не делай А, иначе В». Синтаксическая структура таких предложений представляет собой двучастную конструкцию, в одной части которой называется то действие, которое не должен выполнять адресат, а в другой указываются последствия совершения данного действия. В случае приведенных выше примеров это звучит так: «Не обманывай, не жульничай, иначе подвергнешься смертной казни». Ситуация побуждения представлена имплицитно в виде условного придаточного предложения, а ситуация обещания негативных последствий — эксплицитно в главном предложении формой будущего времени.

В условных предложениях, выражающих предупреждение, может использоваться и настоящее время, как например, в статье 50 «Уложения святого Людовика» (пример 2):

- 2) *Home qui fait esqueusse à son seigneur, il perd ses müebles ou se il met main à son certain message par mal despit, ou se il desment son seigneur par mal despit, ou se il a mise fausse mesure en sa terre, ou se il va poursuivant son seigneur par mal despit, ou se il a peschié en ses estans sans son congié, ou se il a emblé ses conins, en sa garenne, et se il gist o sa feme, il en perd son fié, ou o sa fille, pourquoi elle soit pucelle, et il en puisse estre preuvé, il en perd le fié de droit et coustume si accorde* (Louis, 50: 418-419).

Статья посвящена изложению тех преступлений, совершение которых влечет за собой потерю имущества и своего феода. Условие формулируется в начале в виде относительного придаточного предложения: «Тот, кто наносит ущерб своему сеньору, теряет свое иму-

---

banir, ou pour li fere haïr de son seigneur lige, ou pourmout d'autres cas semblablesn" (Beaum., 827: 430).

щество...», а далее в условных придаточных предложениях, вводимых союзом *se*, перечисляются преступления, карающиеся изъятием феода: нападает на посланника сеньора, оскорбляет сеньора, применяет фальшивые меры на своей земле, воюет со своим сеньором, ловит рыбу без позволения в его прудах, ворует его кроликов, соблазняет жену сеньора или лишает девственности его дочь. В данном случае разные виды придаточных предложений (относительное и условные) отделяют менее тяжкие виды преступлений от более тяжких и, соответственно, — разные виды наказаний, полагающиеся за них. Настоящее время здесь обозначает действие, относящееся к плану будущего. Кроме того, и семантика предельного глагола облегчает транспозицию настоящего времени.

В. Г. Гак отмечает, что «настоящее время содержит дифференциальную сему настоящего времени и потенциальную сему определенности действия и при переносе в план будущего *présent* приобретает значение определенного будущего (*Je viens demain*) или неизбежного будущего (*Tais-toi, ou je t'assomme*)» [Гак, 2000: 345]. Эта потенциальная сема выходит на первый план в статьях законов: всякий раз, когда некто совершает определенный проступок, он будет подвергнут данному наказанию. Отсюда — не делай этого, не поступай так и избежишь наказания.

Те же семы будущего и настоящего времени реализуются в предписаниях, отвечающих следующим формулам:

а) сложноподчиненное предложение с относительным придаточным — тот, кто совершает А, должен сделать В, например: *Cil ki autrui femme purgist, si forfeit sun were vers sun seinur* (Lois, 12: 11). — ‘Тот, кто изнасиловал чужую жену, платит виру своему сеньору’;

б) сложноподчиненное предложение с придаточным условия — если некто совершает А, он должен будет сделать В, например: *Si alguns crieve l'oil al altre per aventure quel que seit, si amendrad LXX solz de solz engleis* (Lois, 19: 15-16). — ‘Если кто-то повредит другому глаз, как бы это не произошло, он заплатит (штраф) 70 английских монет’.

*Побуждение/волеизъявление: констатиивы с глаголом *deveir*,  
безличные обороты и другие конструкции*

О тесной смысловой связи между волеизъявлением и долженствованием хорошо написала М. К. Сабанеева: «для адресата речи чужая воля воспринимается как принуждение к действию, т. е. выполнение действия признается необходимым в силу внешних факторов. Воздействие на адресата речи оказывается одинаковым при восприятии как суждения о долженствовании, так и волевого призыва, если по социальным и личным отношениям адресат речи находится в некоторой зависимости от субъекта речи. Вместе с тем и для субъекта речи волеизъявление часто связано с логической оценкой действия как необходимого. Смысловая близость волеизъявления и долженствования проявляется в синонимии конструкций, содержащих императив или конъюнктив, и сочетания “модальный глагол долженствования в индикативе + инфинитив”. В русском языке аналогичная семантическая близость проявляется у конструкций *сделай это* и *ты должен это сделать* или *сделал бы он это* и *ему следовало это сделать*» [Сабанеева, Щерба, 1990: 195].

В работах по философии, этике, лингвистике отмечается связь понятий долга и долженствования с понятиями нормы, оценки, ценностей, принятых в данном обществе [ФЭС, 1989; Булыгина, 1991; Кобозева, 1991; Гусейнов, Апресян, 2000; Радугин, 2003; Елохова, 2007]. Правовые нормы, являясь частью норм социальных, регулируют поведение человека в обществе, предписывают ему должное поведение, задают его необходимость. Так, Г. В. Елохова, анализируя функционирование понятия *долг* в этико-философском дискурсе, выделяет следующие существенные характеристики этого понятия: а) императивность, когда выполнение нравственной необходимости вменяется в обязательство; б) обоснованность нравственной необходимости с точки зрения морали, права; в) неоднозначное отношение человека к долгу: должное действие как внутренняя задача или как нравственная обязанность; г) объектом регулирования выступает внешний аспект деятельности человека: его поступки, действия, поведение [Елохова, 2007: 203-204]. Все данные характеристики свой-

ственные правовым нормам вообще, в т. ч. и сформулированным с помощью глагола долженствования. Однако их спецификой является то, что такие нормы, в отличие от морального долга, опираются на внешнее принуждение.

**Deveir + infinitif.** Поскольку речь идет о законодательных документах, то очевидно, что конструкции с модальным глаголом долженствования (*deveir + infinitif*) будут в них широко представлены. С одной стороны, это будет чистое выражение долженствования, что проявляется, например, в названиях статей законов: *Comment l'en doit apeler home d'omecide* — «Как должно (как нужно) обвинять в убийстве»; *Comment l'en doit apeler de membre tolu* — «Как нужно обвинять в увечье»; *Comment l'en doit apeler de roberie* — «Как нужно обвинять в грабеже» (Plet, 290-292), но, с другой, — такие конструкции сближаются с волеизъявлением, с требованием выполнить определенную норму закона, с предписанием, как нужно себя вести в некоторой правовой ситуации. Побуждение в них имплицитно модальным глаголом, указывающим на обязанность адресата выполнить или не выполнять некое действие. Так, Ж. Гугенейм отмечает, что формула *vous devez savoir* употреблялась как синоним *sachez* вплоть до эпохи Ренессанса [Gougenheim, 1929: 302].

В данной конструкции субъект речи обладает полномочиями, чтобы диктовать свою волю и принуждать к действию тех, кому адресованы эти нормы права. Адресатом же такого волеизъявления выступают субъекты права, названные прямо (преступники, судьи, должностные лица, сеньоры, буржуа, отцы, дети, жены, мужья и пр.) или обобщенно (правосудие, все, никто, каждый).

**Конкретный адресат.** Если речь идет о преступниках, то определяется, каким должно быть наказание. Преступник при этом называется по тому виду преступления, которое он совершил, — вор в примере 1, развратник в примере 2, фальшивомонетчик в примере 3:

- 1) *...et sur ce celuy larron est pris, et le larron le née ce qu'il ne ser lierres, et les voisins veillent jurer sur sains qui l'eussent veu celuy larron geter la robe et fuir, si come est dit desus, le larron deit estre ataint sans bataille, par dreit et par l'asise dou reaume de Jerusalem* (Ass., 246: 185). — '...и с этим (имуществом) этот

вор схвачен и вор отрицает это воровство, а соседи хотят поклясться на святых, что они видели, как этот вор бросил награбленное и побежал, как было сказано выше, то вор должен быть осужден без судебного поединка, по праву и закону королевства Иерусалимского’;

- 2) ***Li fornicateur doivent estre chastié atrampéement de poine de cors*** (Plet, XXIV, 24: 280). — ‘Развратники должны быть наказаны умеренно телесным наказанием’;
- 3) ***Li fausoner de fauses monoies doivent estre pandu, et leur biens sont le roi*** (Plet, XXIV, 39: 281). — ‘Фальшивомонетчики должны быть повешены, а их имущество передано королю’.

Если речь идет о наказании преступников, то инфинитив, следующий за глаголом долженствования, чаще всего стоит в пассивной форме, как в приведенных примерах 1-3. В данных предложениях в качестве формально грамматического субъекта выступают одушевленные существительные, именующие преступников, но, по сути, они являются объектом производимого действия. Подлежащее при этом может рассматриваться как тема, как основа (*support*) для того, чтобы сказать нечто, что его касается. Сказуемое здесь выступает в качестве ремы, внимание сфокусировано именно на нем. Оно является вкладом говорящего в основу (*apport*). Как отмечает К. Ажеж, взгляд на предложение с точки зрения актуального членения позволяет создать информационную иерархию, которую устанавливает говорящий: «Языки не только инструменты логического анализа или интерпретации, это также некие механизмы, находящиеся в распоряжении говорящих и позволяющие им построить иерархию информации» [Ажеж, 2003: 212].

Преступник может называться описательно, по тому преступному деянию, которое совершил, причем субъект действия обозначается указательным местоимением *cil*, сопровождаемым относительным придаточным предложением (пример 4), относительным местоимением *qui* (пример 5) или неопределенным местоимением *quiconque* (пример 6):

- 4) ***Cil qui robe les yglises, doivent estre pandu, et leur biens sont le roi*** (Plet, XXIV, 41: 281). — ‘Те, кто грабят церкви, должны быть повешены, а их имущество передано королю’;

- 5) *Qui art meson a escient il doit estre pendus et forfet le sien en la maniere dessus dite* (Beaum., 831: 430). — ‘Кто умышленно поджигает дом, должен быть повешен и теряет все свое имущество, как сказано выше’;
- 6) *Quiconques est pris en cas de crime et atains du cas, si comme de murtre, ou de traïson, ou d’homecide, ou de fame esforcier, il doit estre trainés et pendus...* (Beaum., 831: 429) — ‘Каждый, кто схвачен при совершении преступления и обвиняется в таких преступлениях, как убийство, вероломство, человекоубийство, изнасилование, должен быть приволочен и повешен’.

В примерах 5 и 6 происходит реприза указательного или относительного местоимения: личное местоимение повторяется в качестве подлежащего главного предложения, оно следует за тематическим компонентом высказывания.

По поводу местоимения *qui*, Г. М. Щерба пишет, что его значение зависит от времени, наклонения глагола, от контекста и пресуппозиций. Оно может соотноситься с неопределенным, но реальным лицом или нереальным (гипотетическим) лицом [Сабанеева, Щерба, 1990: 95]. В примере 5, на наш взгляд, это местоимение указывает неопределенное, но реальное лицо, а именно человека, совершающего поджог.

Законом предписывается и то, как должны вести себя судьи или другие должностные лица, облеченные правовыми полномочиями, или другие субъекты права. Например, судья должен устанавливать наказание ни слишком жестко, ни слишком мягко, а также выносить справедливое решение, как того требует каждый случай: *Cil qui juige det regarder que il establisse nule chose plus âprement ne plus molement, si comme la cause requiert; car il ne doit pas coivoitier la gloire d’estre trop roides, ne trop débonaires; ainz doit fere droit jugement, et establiir segont ce que chascune cause requiert* (Plet, XXIV, 3: 277), а бальи<sup>1</sup>, который берет не по праву, должен вернуть то, что он взял: *Li baillis*

---

<sup>1</sup> Бальи — королевский чиновник, глава судебно-административного округа (бальяжа) [БЮС, 2001: 43].

*qui prant à tort, doit rendre ce que il prant* (Plet, XXIV, 40: 281). Вдова должна содержать в хорошем состоянии замок, оставшийся после смерти супруга, до тех пор пока он не перейдет к законному наследнику: *...et elle le doit tenir en bon estat* (Louis, 16, 382). Когда отец женит своего сына, или он (сын) становится рыцарем, ему нужно отдать треть земель: *Se gentilhons marie son fils, il li doit donner le tiers de sa terre, et ainsi quand li est chevaliers* (Louis, 19: 385). В этих случаях субъекты права выступают как активный источник действия, поэтому и инфинитив в глагольной конструкции долженствования стоит в активном залоге.

**Неопределенный/обобщенный адресат.** В текстах законов довольно много норм права, которые касаются всех и каждого:

- 7) *Mais nul home par sa auctorité ne deit ocire l'omecide, ni le traitour, ni l'erege, ni le larron, mais le det presenter à la justice... Et por ce devient tous les homes saver que tuit cil qui feront homicide, ou aucun autre crime, si com est dit desus, sans nulle faille les jurés les doivent juger à mort par droit et par l'assise* (Ass., 278: 210-211). — 'Но никто (никакой человек) своей властью не должен убивать, убийцу, вероломного предателя, еретика, вора, но должен привести его к суду... И поэтому должны все люди знать, что всех тех, кто совершит убийство или другое преступление, как было сказано выше, судьи должны наверняка осудить на смерть по праву и установлению';
- 8) *Nus hom ne doit soffrir painne de sa pensée* (Plet, XXIV, 6: 277). — 'Никто не должен нести наказание за свои замыслы';
- 9) *Nus ne doit estre puniz sanz cope* (Plet, XXIV, 21: 279). — 'Никто не должен быть наказан без вины';
- 10) *Nus ne doit dire autre chose en son serement que verité* (Beaum., 869: 442). — 'Никто не должен говорить другое в своей клятве, кроме правды';
- 11) *... chascuns qui mene marcheandise doit enquerre les coustumes des lieux par la ou il passe* (Beaum., 891: 451). — '... каждый, кто ведет торговлю, должен осведомляться об обычаях тех мест, где он проходит'.



В этих и подобных примерах в модальной конструкции с глаголом *deveir* используются неопределенные местоимения: отрицательное местоимение-прилагательное *nul* (о котором мы уже писали, см. с. 70-71) и распределительное местоимение *chacun*. *Nul* восходит к латинскому отрицательному обобщающему местоимению *nullus*, а в местоимении *chacun* исходным компонентом является числительное *unus*, которое обладало значениями реальности, единичности и неопределенности. Оно породило романскую серию новых неопределенных местоимений сферы реальности (подробнее о происхождении и семантике неопределенных местоимений см. [Сабанеева, Щерба, 1990: 94-96; Bonnard, Régnier, 1991: 59-69]).

Выражения *nul home*, *nus* ‘никто, любой’ сближаются по значению с выражением *tous les homes* ‘все’, обозначающим глобальную целостность: ни один человек не должен делать это = все люди не должны делать это. Не случайно оба выражения могут встречаться в контексте одной статьи (пример 7). Синонимом к *tout* ‘всякий’, *tous* ‘все’ является и местоимение *chacun*, которое тоже показывает, что охватываются все элементы множества, но его значение дистрибутивно (пример 11). Как пишет В. Г. Гак, «чтобы охватить весь класс, надо “перебрать” все эти элементы» [Гак, 2000: 206]: все и каждый элемент множества.

Обобщенно-личное *on* употребляется не только в побудительных предложениях с субъективом (см. с. 66-67), но и в конструкциях с модальным глаголом *deveir*:

- 12) *Li sages escrit que l'en ne doit condemner nul home por sopeçon* (Plet, XXIV, 2: 277). — ‘Мудрец пишет, что не должно (не нужно) никого осуждать по подозрению’;
- 13) *L'en ne doit pas oïr toutes persones en plet de tricherie* (Beaum., 991: 501). — ‘Должно выслушивать показания не всякого человека в деле о мошенничестве (обмане)’;
- 14) *Se aucuns est atains de tricherie, l'en doit regarder le cas pour quoi la tricherie fu fete* (Beaum., 992: 502). — ‘Если некто обвиняется в мошенничестве (обмане), то должно (нужно) рассмотреть, почему было совершено мошенничество (обман)’;

- 15) *Se il meschiet à fame que elle tue son enfant, ou estrangle de jours, ou de nuits, elle ne sera pas arse du premier, ains la doit l'en rendre à sainte yglise, mès se elle en tuoit un autre, elle en seroit arse, pour ce que ce seroit accoustumé...* (Louis, 35: 401) — ‘Если случается, к несчастью, что женщина убьет или задушит своего ребенка днем или ночью, она не будет сожжена в первый раз, но ее должно (нужно) передать святой церкви, но если она убьет другого, ее нужно предать огню, потому что для нее это будет преступная привычка’.

Конструкция побудительного должествования с местоимением *on*, когда деятель обозначается в самой общей форме, встречается в простых (пример 13), сложносочиненных (пример 15) и сложноподчиненных предложениях: как в главных (пример 14), так и в придаточных (пример 12 — придаточное дополнительное).

Во всех этих примерах подлежащее, выраженное *on*, находится в препозиции к глаголу, за исключением примера 15, где оно стоит в постпозиции, потому что первое место занято сочинительным союзом наречного происхождения *ainz*, который относится к так называемым сильным союзам и оказывает влияние на порядок слов в предложении. Об этом союзе Ф. Менар пишет, что его первичным значением является предшествование, а вторичным — противопоставление<sup>1</sup> [Ménard, 1976: 190-191].

В примере 15 реализуется именно противительное значение союза *ainz*, который связывает отрицание с последующим утверждением. Отрицание при этом не снимается полностью, а корректируется: лишь в первый раз преступница не подлежит сожжению, а передается церкви, но если она второй раз совершит то же преступление, то будет предана огню.

Противительная связь реализуется в старофранцузском языке не только союзом *ainz*, но и союзом *mais*. Н. М. Васильева, подчеркивая различие между этими союзами, говорит о том, что *mais* «одинаково

---

<sup>1</sup> “L’adverbe *ainz* marque essentiellement l’antériorité, secondairement l’opposition”.

связывает моно- и полисубъектные структуры», тогда как «для *ainz* характерно соединение моносубъектных предикативных единиц» [Катагощина, Васильева, 1997: 135]. Однако наш материал — правовые документы — показывает, что союз *ainz* также мог соединять полисубъектные предикативные единицы. Грамматический субъект в предшествующем предложении выражен местоимением *elle*, а после союза *ainz* — местоимением *on*. Хотя, строго говоря, в пассивной конструкции, начинающейся с местоимения *elle*, подлежащее указывает на реальный объект, а не на субъект действия. Реальный субъект здесь не обозначен. Как отмечает В. Г. Гак, реальный субъект действия устраняется в двучленной пассивной конструкции «либо в силу его неопределенности (*on, quelqu'un*), либо, напротив, потому что в данной ситуации он заранее известен» [Гак, 2000: 373]. Если считать, что реальный субъект в пассивной конструкции выражается местоимением *on*, то мы имеем дело с моносубъектными предикативными единицами. Если же опираться на формальные критерии, то перед нами — полисубъектные единицы.

Далее в приведенном фрагменте после союза *ainz* следует предложение, начинающееся с союза *mais*. Он противопоставляет две утвердительные части сложного предикативного комплекса, вводимые условным союзом *se*: в первой части описывается случай, когда детоубийцу можно отдать в руки церкви, во второй — когда ее нужно предать смертной казни. Так, в одном сложном предложении проявляется семантическое различие между двумя синонимичными в целом сочинительными союзами: возможность влиять на порядок слов у *ainz* и отсутствие такой возможности у *mais*, а также различное соотношение между утверждением и отрицанием при противопоставлении реальных действий и фактов.

Последняя деталь, которую мы хотели бы отметить в функционировании модальных конструкций с глаголом *devoir*, касается природы подлежащего. Во всех вышеприведенных примерах (1-15) субъектом действия, тем, кто должен его выполнить, было одушевленное лицо, более или менее определенное. Однако в тек-

стах законов встречаются также случаи, когда в роли подлежащего в этих конструкциях выступает неодушевленное лицо (примеры 16-17):

- 16) *Et l'amende de la rescousse doit estre au seigneur en qui terre ele fu fete s'il l'en veut suir* (Beaum., 910: 460). — 'Штраф за побег следует отдать сеньору, из владения которого он совершен, если он хочет его за это преследовать';
- 17) *Tuit li damage qui sont fet par force ou par tricherie doivent estre rendu quant la force ou la tricherie est prouvee soit en court laie ou en court de crestienté* (Beaum., 989: 500). — 'Весь ущерб, который нанесен с использованием силы или обмана, должен быть возмещен, когда насилие или обман доказаны в светском или церковном суде'.

Слово *rescousse* в старофранцузском языке было многозначным. В словаре старофранцузского языка А. Греймаса [Greimas: 521] приводятся следующие значения: 1) взятие обратно, получение обратно того, что было изъято силой; 2) право родственников покупать в установленный срок завещанное для продажи имущество; 3) нападение вообще; 4) войска, которые приходят на помощь сражающимся; 5) помощь, освобождение. В словаре Ф. Гodefруа [Godefroy, t. 7: 91] фигурирует еще значение: действие вырывания, отбивания с применением насилия заключенного или предмета, на который наложен арест, из рук судебного должностного лица. Однако, опираясь на значение глагола *rescorre a* 'ускользнуть из рук кого-л., помочь сбежать' и на контекст всего фрагмента, считаем возможным предложить именно данный вариант перевода.

Объект совершаемого действия в примерах 16-17 помещается в фокус высказывания, выносится на первое место и выступает в предложении в функции подлежащего пассивной конструкции. Происходит устранение субъекта, адресат побуждения прямо не определен — это излишне, поскольку ясно, что норма права адресована лицу, принимающему судебное решение.

Благодаря тому, что терминология права в исследуемый период находится в стадии становления, часть терминов, употребляющихся

в правовых документах той эпохи, являются, как мы уже видели на примере слова *rescouste*, многозначными. Это касается в том числе и слова *justice*<sup>1</sup> (пример 18):

18) *Se aucuns lierres, ou murtriers dit que aucuns soient ses compainz, il n'est pas pource prouvé, més la justice le doit bien prendre pour savoir se il porroit recognoistre* (Louis, 33: 400). — ‘Если вор или убийца заявляет, что некто является его сообщником, этого недостаточно, чтобы это было доказанным, но правосудие должно его арестовать, чтобы провести очную ставку’.

В подобных контекстах, на наш взгляд, возможен перевод через абстрактное, отвлеченное существительное общего характера: *правосудие*. Многозначность данного слова может проявиться в тексте даже одной статьи закона. В этом плане интересна статья 16 «Уложения святого Людовика» [Louis, 16: 600-602] о том, как поступает закон по отношению к подозреваемому, в которой реализуется сразу несколько значений термина *justice*. В начале статьи говорится, что правосудие должно арестовать и допросить подозреваемого (*la justice le doit prendre, et si doit enquerre*). Если подозреваемый отказывается от расследования, суд может приказать начать разбирательство (*lors püet la justice bien fere*) и изгнать его из этой сеньории. Сделать это должны прево и всякая законная судебная власть (*il appartient à l'office du prevost, et à toute loyal justice de nettoyer la province*). Если подозреваемый согласится на дознание и обнаружится, что он виновен в преступлениях, перечисленных выше, суд должен осудить его на смертную казнь (*la justice le devoit condamner à mort*). Каждый судья должен всех допросить и узнать, что сможет, должен будет наказать преступников (*Et toute justice doit tous ceus enquerre*). Очевидно, в данном случае во французском языке мы сталкиваемся с проявлением метонимического переноса, когда абстрактное суще-

---

<sup>1</sup> О значениях данного термина см., в частности, [Лькова, 2011: 91-92]: Justice, justise, jostice n.f. (1050; < лат. *justitia*). 1. Наказание. 2. Право вершить правосудие; право на правосудие. 3. Юрисдикция. 4. Суд, трибунал. 5. Судья. 6. Справедливость, правосудие, судебная власть.

ствительное, обозначающее вид деятельности, используется для названия органа или лица, которое осуществляет эту деятельность. При переводе различные значения одного термина *justice* можно выразить разными, но однокоренными лексемами русского языка: *правосудие, суд, судья, судебная власть*.

**Безличные обороты.** Побуждение может выражаться и предложениями с безличными глаголами со значением необходимости или желательности, к числу которых относятся такие обороты, как *il faut, il convient, il est force, il est bon, il semble bon* и др. В статье, посвященной безличности и неопределенной референции, Ю. С. Степанов пишет, в частности, о том, что в референционном пространстве 3-го лица, наиболее удаленном от коммуникантов (1-го и 2-го лиц), формируются наиболее абстрактные предложения, приобретающие безличную форму [Степанов, 1988: 234]. Е. Ф. Серебренникова отмечает, что безличное *il* представляет потенциально существующий референт, который находится в максимально дистантной расположенности и часто не может быть вычленен человеком из наблюдаемого фрагмента внешнего мира, осмысляемого им как «диффузный континуум» [Серебренникова, 2003: 71].

В ранних правовых текстах преимущественно употребляется безличный оборот *il convient* ‘следует, нужно’, который выражает абсолютную необходимость в выполнении определенного действия, независимо от воли какого-либо субъекта. Эта необходимость зависит от внешних факторов, т. е. от принятых в обществе норм, указывает М. К. Сабанеева [Сабанеева, Щерба, 1990: 186]. А. Боннар и К. Ренье включают названный глагол в группу этических безличных глаголов, наряду с *loist* ‘разрешено, позволено’, *estuet* ‘надлежит, следует, подобает’ [Bonnard, Régnier, 1991: 181].

Формально-грамматический показатель *il* при безличных глаголах в старофранцузский период чаще всего отсутствует, однако в правовых текстах конструкции с показателем *il* и без него встречаются примерно с одинаковой частотой:

- 1) *Et quand il vodra faire sa clameur, que len li die. Se tu veus icelui appeler de murtre, tu seras ois, mais il convient que tu te lies à*

*souffrir tele peine, comme tes adversaires soufferroit* (Louis, 3: 369). — перевод этого фрагмента дан на с. 48, пример 9.

Указанный фрагмент интересен тем, что в нем представлены разные виды побуждения: вначале побуждение, выраженное субжонктивом в третьем лице единственного числа, обращено к представителям власти (о неопределенно-личном *on* в конструкциях с побудительным субжонктивом см. с. 66-67); далее начинается прямая речь, в которой человека, обвиняющего кого-либо в убийстве, предупреждают о том, что он должен быть убежден и уверен в этом, разъясняют ему последствия такого обвинения, используя безличный оборот *il convient* несколько раз в разных временных формах (пример 2):

- 2) ...*ains te conviendra jurer par bons tesmoins jurez. Et si convient que tu en aies deux bons au mains* (Louis, 3: 369). — ‘...но тебе нужно будет принести клятву и привести надежных свидетелей. И кроме того, следует, чтобы ты представил по меньшей мере двух хороших (свидетелей)’;
- 3) ...*il convient, que il die, que le jugement est faus, ou autrement il ne seroit pas oïs* (Louis, 15: 599). — ‘...следует, чтобы он сказал, что судебное решение несправедливое, или иначе он не будет выслушан’;
- 4) ...*ainçois i convient fet apparissant monstrier à justice, et en püet len jugier bataille selon les paroles, et convient que len mete en murtre le veoir, et le savoir* (Louis, 38: 636). — ‘...но наоборот следует, чтобы явное телесное повреждение было показано суду (судье); нельзя принять решение о судебном поединке только по словам, и следует, чтобы были представлены очевидные доказательства покушения на убийство (кровь, раны)’;
- 5) *Il convient que bataille en soit cors à cors, selonc l’usage du pays. Et convient que il face encontre la demande presentement tel ni, et tele deffense comme il doit* (Louis, 38: 637). — ‘Следует, чтобы они бились на судебном поединке врукопашную, согласно обычаю местности. И следует, чтобы он (потерпевший) подал против него жалобу и защищался судебным порядком, как должно’.

В приведенных примерах формальное подлежащее *il* употребляется так же, как и личное приглагольное субъектное местоимение. Отсутствие подлежащего наблюдается при повторе безличного оборота (примеры 2, 4, 5).

- 6) *Et des essoimemens convient il que li sires s'en face creables* (Beaum., 1887: 453). — ‘Следует, чтобы обстоятельства, которые мешают сеньору предстать перед судом, были весомыми’.

Его постпозиция, как в примере 6, обусловлена тем, что на первое место вынесено дополнение. Это предложение интересно еще и тем, что дополнение, занимающее первую позицию, выражает тему, известную часть: предыдущая фраза заканчивается именно словом *essoimemens*. Приведенное в примере начало подхватывает то, о чем уже шла речь, и добавляет к нему новый квант информации. В синтаксисе современного французского языка такой порядок следования компонентов называют расчленным предложением с репризой, и его основное предназначение состоит как раз в противопоставлении темы и ремы высказывания. Ф. Менар, характеризуя это явление, называет его термином, который используется в риторике, — *prolepsis* [Ménard, 1976: 204], фигура речи<sup>1</sup>, которая состоит в предвосхищении, в антиципации, создаваемой путем использования во фразе предвосхищающих элементов. В примере 6 элемент придаточного дополнительного (дополнение, выраженное существительным) переносится в главное предложение. Этот отделенный элемент затем вновь возникает в придаточном и повторяется далее при глаголе в виде местоимения (*en*). Таким образом высказыванию придается дополнительная экспрессия.

---

<sup>1</sup> «Пролепсис, антиципация (*prolepse*). Предвосхищение (греч. *prolēpsis*) либо в конструкции, например, когда слово оказывается включенным в предложение, предшествующее тому, к которому оно относится (в лат. *illum rogo quis sit = rogo quis ille sit* слово *illum* именуется пролептическим [*proleptique*], либо в изложении порядка событий, например, когда представляют одновременным с действием тот факт, который является результатом этого действия: лат. *pernit placida aequora* “унижает, делая тихими, волны”» [Марузо, 2004: 238].



В своем «Синтаксисе старофранцузского языка» Ф. Менар выделяет три конструкции с безличными глаголами, с инфинитивом или без него: 1) безличный глагол + прямое дополнение, зависящее от безличного глагола и выраженное неодушевленным существительным + косвенное дополнение, относящееся к безличному глаголу и выраженное одушевленным существительным или местоимением; 2) безличный глагол + косвенное дополнение к нему, выраженное одушевленным существительным или местоимением + инфинитив, иногда с предлогом *a*; 3) безличный глагол + прямое дополнение к нему, выраженное одушевленным существительным или местоимением + инфинитив, иногда с предлогом *a* [Ménard, 1976: 122-123]. В этих конструкциях местоимение или одушевленное существительное в падежной форме указывают на адресата, исполнителя действия, выраженного инфинитивом.

Подобная конструкция с безличным *il convient* (*il convient* + инфинитив) представлена в примерах 2 и 4 (начало фрагмента). В первой части примера 2 адресат выражен падежной формой местоимения *tu* (*te*), а безличный глагол стоит в будущем времени, что придает всему высказыванию еще бóльшую категоричность, тогда как в первом предложении примера 4 адресат явно не указан, но тем не менее, назван выше: это тот, кто подает жалобу. Кроме того, в последнем примере формально-грамматическое подлежащее *il* появляется в своей сокращенной форме: *i*. Ф. Менар отмечает, что местоимение *il* могло сокращаться перед словом, начинающимся с согласного [Ménard, 1976: 71].

Однако гораздо более частотной в правовых текстах является другая конструкция с безличным *il convient* — придаточное дополнительное, в котором глагол стоит в презенсе субжонктива (примеры 1-6, вторая часть примера 4) после безличного глагола, выражающего обязанность, волеизъявление. В данном случае адресат действия определен в придаточном предложении подлежащим. Это может быть прямой адресат, когда законодатель напрямую обращается к истцу и прописывает ему алгоритм действий: тебе следует перенести пытку, представить свидетелей (примеры 1-2), но может

быть и косвенный адресат, третье лицо (истец, ответчик, судьи), когда речь идет о предписании (примеры 3-6).

Представляется, что в первом типе (безличный оборот + инфинитив) акцент делается на субъекте действия, а во втором (безличный оборот + *que* + *subjunctif*) — на действии, которое следует выполнить.

### Конструкции с глаголом *estre*, передающие пассивное значение

Идея долженствования и волеизъявления в текстах законов передается также двумя пассивными конструкциями с глаголом *estre*: 1) *estre* + прилагательное с пассивным суффиксом *-able*; 2) *estre* + *à* + *infinitif*:

- 1) *Li lierres est pendables qui emble cheval ou jument, et qui art meson de nuiz* (Louis, 29: 397). — ‘Вор подлежит повешению, который крадет коня или кобылу и тот, кто ночью поджигает дом’;
- 2) *Cil qui est herbergiez chiés l’oste, ou li serganz, se il enblent là inz, sont pendables; soit petit, soit grant* (Plet, XXIV, 18: 279). — ‘Тот, кто находит приют у хозяина, или слуга, если они там крадут, подлежат повешению; хоть мал, хоть велик’;
- 3) *Fames qui sont avec murtriers et avec larrons, et les consentent, si sont à ardoir* (Louis, 32: 399). — ‘Женщины, которые являются сообщниками убийц и воров и их укравают, подлежат сожжению’.

Эти конструкции применяются и в современном французском языке для выражения семантической категории пассивности. В старофранцузских текстах законов их объединяет то, что указание на семантический субъект в них устранено, поскольку понятно, что только правосудие, судебные органы могут принимать решение и назначать наказание, причем совершенно не важно, кто конкретно будет исполнять приговор. За исходную точку в данных конструкциях принимается объект действия — то лицо, которое будет наказано, если совершит некое преступное деяние. Таким образом, в обеих конструкциях в функции грамматического субъекта употребляется

член предложения, обозначающий в реальности объект действия. Грамматисты о таких предложениях говорят, что они получают центростремительную (пассивную) ориентацию [Гак, 2000: 614].

Кроме того, подобные конструкции являются средством актуального членения предложения, поскольку они позволяют выделить в качестве темы объект и поместить его на первое место. При этом синтаксическое подлежащее, выраженное одушевленным существительным (*lierres, fames*) или указательным местоимением *cil*, сопровождается характеризующим его определением в форме относительного придаточного предложения, вводимым союзом *qui*. Такие придаточные называют детерминативами (см. [Катагощина, Васильева, 1997: 68; Ménard, 1976: 88]). В старофранцузском языке определение, выраженное относительным придаточным, могло следовать непосредственно за подлежащим (примеры 2-3 — контактное положение придаточного) или отрываться от него и находиться за сказуемым (пример 1 — дистантное положение относительного придаточного предложения). Причем во всех названных примерах в относительном придаточном предложении обозначается качественная характеристика опорного слова (антецедента). В этих конструкциях относительные придаточные предложения с антецедентом — именем существительным встречаются чаще, чем с антецедентом — указательным местоимением. В примере 2 указательное местоимение *cil* обозначает вместе с придаточным не конкретное лицо, а любого человека, совершающего данное правонарушение, и его природа обуславливает тесную связь придаточного предложения с главным (сильное подчинение). Л. Фуле отмечает, что выражение *cil qui* может иметь смысл ‘человек, который’<sup>1</sup> [Foulet, 1998: 171]. Кроме того, это предложение осложнено еще придаточным условия, находящимся в интерпозиции, и в котором собственно сформулировано, за какое преступление подлежат наказанию некие люди.

Определения в виде относительных придаточных предложений, могут быть распространенными и включать в себя несколько пре-

---

<sup>1</sup> “*Cil qui* peut avoir le sens de "un homme qui"”.

дикаций, выступающих как однородные члены предложения. Это могут быть два относительных придаточных предложения, соединенные сочинительным союзом *et*, как в примере 1, где оба относительных придаточных называют типы преступлений, за которые предусматривается одинаковое наказание, или же в относительном придаточном предложении могут встречаться однородные сказуемые, соединенные союзом *et*, как в примере 3.

Пример 4 интересен тем, что конструкция *estre* + прилагательное с пассивным суффиксом *-able* употребляется также в сложном предложении с придаточным, вводимым союзом *quand*:

- 4) *Hons quand il emble à son saignour, et il est à son pain et à son vin, il est pendables: car c'est maniere de traison* (Louis, 30: 398). — ‘В случае если человек крадет у своего сеньора, который его кормит и поит, он подлежит повешению, потому что это вероломный (предательский) поступок’.

Союз *quand* в старофранцузский период был многозначным: помимо временного значения, он имел еще значение логического обоснования и соответствовал современному союзу *puisque*, мог также выражать уступительные отношения [Сабанеева, Щерба, 1990: 258; Bonnard, Régnier, 1991: 217-219, 221, 223; Ménard, 1976: 212-213]. Однако в данном контексте союз *quand* выражает, скорее, условие и соответствует современным союзам *au cas où*, *quand bien teme*, *teme si*: возможность такого употребления союза *quand* отмечает Ф. Менар [Ménard, 1976: 234].

В старофранцузском языке один союз может вводить два придаточных предложения, не повторяясь при этом в начале второго придаточного, что особенно часто, по наблюдениям Л. Фуле, происходит с союзом *quand* [Foulet, 1998: 294]. Названный случай как раз отражен в нашем примере, и второе придаточное на русский язык можно было бы перевести так: ‘и если он ест его хлеб и пьет его вино’.

Данный пример демонстрирует еще особенности актуального членения сложного предложения: с одной стороны, вся придаточная часть — это тема, но внутри придаточного комплекса мы наблюдаем

расчлененное предложение, в котором одушевленное подлежащее *hons* обособлено, выделяется, оно и является темой, а рема представлена придаточным предложением, в котором подлежащее повторяется в форме личного местоимения *il* (реприза). Однако сложное предложение многослойно, и ремой по отношению к придаточной части будет главное предложение (*il est pendables*), после которого следует еще объяснение причины, почему за кражу у сеньора человек подвергается смертной казни (вводится сочинительным союзом *car*), и финальная часть служит ремой по отношению ко всему сказанному ранее.

## Выводы

Подводя итоги сказанному, можно отметить следующее.

По нашему мнению, корпус старофранцузских текстов, которые позволяют изучать проявления устной речи, может быть расширен за счет текстов, формирующих дискурсивную область профессиональной коммуникации. К ним относятся, в частности, ранние правовые документы, написанные на старофранцузском языке, поскольку здесь еще ярко проявляются индивидуальное начало и непосредственное взаимодействие с адресатом.

К манифестациям устной речи в ранних правовых письменных текстах относим прямую речь, обращение к адресату, прямое или через побудительные высказывания и диалоговые вопросно-ответные единства.

Способы языкового выражения побуждения в старофранцузских законах отличаются от средств проявления побудительности, которые обнаруживаются в художественной литературе. Так, в правовых документах фактически не используются такие способы выражения побуждения, как отрицательный инфинитив, безглагольные

предложения<sup>1</sup>, междометия. Формы кондиционала, ослабляя реальность действия, придавая побудительному высказыванию оттенок желательности, потенциальности, смягчая его, также не характерны для правовых текстов, поскольку нормы закона, наоборот, предписывают, нормируют, принуждают к выполнению/невыполнению определенного действия или действий. Есть своя специфика и в применении императива, сюбжонктива, индикатива, перформативных высказываний, безличных оборотов и пассивных конструкций.

Прямое побуждение передается формами императива, сюбжонктива и перформативными высказываниями. Императивные предложения встречаются в старофранцузских правовых текстах в прямой речи законодателя, обращающегося к участникам судебного процесса (к субъектам права), к истцам и потерпевшим, с разъяснением требований закона и процедуры судебного разбирательства, а также во фрагментах, описывающих различные правовые ситуации и поведение в них участников. В прямой речи императив адресован прямому адресату (второе лицо), единичному или множественному, причем при императиве отсутствует обращение, что свидетельствует о том, что адресат речи воспринимается законодателем как лицо анонимное, не конкретное, любой человек, оказавшийся в описываемой законодателем правовой ситуации. Побудительные высказывания с императивом выражают в этих фрагментах требование, предписание или предостережение.

В непрямой речи можно встретить императивные высказывания с эпистемическими и перцептивными глаголами. Причем высказывания с когнитивными глаголами и глаголами слухового восприятия обращены к прямому адресату, а с глаголами зрительного восприятия — к совместному. Императив эпистемических глаголов предупреждает адресата о необходимости вести себя так, как описывается далее, или учитывать особенности правовой ситуации. Императив глаголов слухового восприятия используется для привлечения внимания адресата, а императив глаголов зрительного восприятия с опе-

---

<sup>1</sup> О безглагольных конструкциях и их различиях в современном французском языке см., например, [Саликова, 2018].

ратором *or* еще и структурирует высказывание, выступая как внутритекстовый маркер прерывания темы. С одной стороны, это показатель перехода от повествования к речи, и, с другой, — он вводит новую информацию или маркирует переход от одной мысли (ситуации) к другой, от одной части аргументации к другой.

Можно высказать также еще одно предварительное наблюдение: перцептивные глаголы зрительного и слухового восприятия в императивном употреблении встречаются в правовых текстах, авторство которых точно определено («Кутюмы Бовези» Ф. де Бомануара), или где оно предполагается, как в тексте «Книга Правосудия и Суда», об авторе которой в предисловии говорится, что это не теоретик права и не практик, а, скорее, студент, обучавшийся в университете г. Орлеан, ведущий более или менее тщательные записи [Plet: XXVII]. Однако данное наблюдение нуждается в дальнейшей проверке.

Перформативные высказывания в ранних текстах законов отмечены в прямой и не прямой речи. По своей семантике это глаголы требования, приказа, которые обеспечивают избыточность выражения, употребляясь рядом, контактно, или повторяясь в высказывании, усиливая таким образом воздействие на адресата. Перформативы образуют два вида побудительных конструкций: а) перформатив + дополнительное придаточное предложение с глаголом в субжонктиве; б) перформатив + прямое дополнение.

Прямое побуждение в правовых текстах выражается также формами субжонктива, который употребляется в утвердительных предложениях, выражая приказ, требование, а в отрицательных — запрет. Субжонктив нацелен на третье лицо: в текстах законов — это неопределенный адресат, который формально выражается обобщенноличным местоимением *on* и неопределенным *nul*. Формальный показатель субжонктива, формант *que*, встречается в правовых текстах того периода нерегулярно: он факультативен, как и в художественной литературе.

Непрямое побуждение в раннем правовом дискурсе выражается временами индикатива, констативами с глаголом *deveir*, безличными и пассивными конструкциями. Презенс и будущее время индикатива

подчеркивают неизбежность действия (наказания) и употребляются в сложноподчиненных предложениях с придаточным условия и с относительным придаточным.

Конструкция с глаголом долженствования *deveir* + infinitif отражает тесную связь между долженствованием и волеизъявлением. Эта конструкция может быть обращена и к конкретному, и к неопределенному, и к обобщенно-личному адресату, встречается в разных типах предложений: от простых до сложноподчиненных.

Из разнообразных безличных оборотов, способных нести идею побуждения, в ранних старофранцузских правовых текстах используется преимущественно этический безличный глагол *il convient*. Местоимение *il* в этом обороте еще факультативно, может занимать как пре-, так и постпозицию. Побуждение адресовано третьему лицу и реализуется в конструкциях *il convient* + infinitif и *il convient* + придаточное дополнительное с глаголом в субжонктиве.

Особенностью выражения побуждения в текстах законов является также то, что в них употребляются две специфические пассивные конструкции с глаголом *estre*: 1) *estre* + прилагательное с пассивным суффиксом *-able*; 2) *estre* + *à* + infinitif, не характерные для художественных текстов.



# ГЛАВА 3

## Типы предложений в старофранцузских правовых текстах

Как известно, синтаксис изучает закономерности сочетания слов и построения предложений, их объединение в более крупные образования, обобщение ситуаций. Возможности сочетания слов, которыми обладал старофранцузский язык<sup>1</sup>, существенно отличаются от норм, сложившихся в современном французском языке, поскольку в нем существовало склонение и форма подлежащего не совпадала с дополнением. Однако на протяжении старофранцузского периода падежная система постепенно разрушается, «строй фразы становится менее гибким, порядок слов более постоянным» [Доза, 1956: 322]. Прямой порядок слов (подлежащее — сказуемое — дополнение: S — V — C) приобретает грамматическое значение и «является самым распространенным уже в это время» [Скрелина, Становая, 2001: 279].

В. И. Томашпольский выделяет следующие факторы, влияющие на порядок слов в старофранцузском языке: коммуникативная (смысловая) структура предложения; размеры предложения; его экспрессивность; структура текста и влияние латинского языка [Томашпольский, 2009: 123-124].

А. Боннар и К. Ренье определяющими считают два фактора: 1) фактор, который они называют ритмическим, запрещающий глаголу занимать первую, ударную, позицию (у этого правила есть не-

---

<sup>1</sup> Интерес к историческому синтаксису не угасает во французской лингвистике, свидетельством чего служат статьи, монографии, диссертации, посвященные исследованию различных аспектов синтаксиса старофранцузского и среднефранцузского языка. Обзор работ см., например, в [Ponchon, 2000].

которые исключения), причем слово «ритм» имеет здесь синтаксическую, а не фонетическую природу, и 2) собственно синтаксический фактор, состоящий в том, что и подлежащее и дополнение стремятся занять позицию возле сказуемого. Порядок S — V — (C) преобладал над порядком C — V — (S). В доказательство приводятся данные хроники Виллардуэна, где из 300 неимперативных предложений 47% имеют порядок слов S — V — (C), 32% — C — V — (S), а оставшиеся представляют собой сложносочиненные предложения, в которых отсутствие подлежащего является двусмысленным. По-видимому, в их число входили как простые, так и сложные, потому что далее авторы уточняют, что в придаточных предложениях прямой порядок слов встречается чаще, чем порядок C — V — (S). В свою очередь, порядок C — V — (S) доминирует в простых (независимых) предложениях и в главных, в которых второстепенный член оказывается на первом месте, потому что выражает тему высказывания либо рему в вопросительных или восклицательных предложениях [Bonnard, Régnier, 1991: 184].

Таким образом, уже в старофранцузском языке глагольное сказуемое является структурным центром, ядром предложения и занимает срединную позицию, образуя ритмо-синтаксический канон средневековой фразы, в терминологии А. Боннара и К. Ренье. В этом каноне дополнение (прямое, косвенное, обстоятельственное) является зависимым членом предложения. Оно реализует правую валентность глагола, а левая (субъектная) валентность заполняется (или не заполняется, поскольку подлежащее может быть не выраженным, но подразумевается, так как отражено в глагольной флексии, или субъект назван выше) подлежащим, которое определяет лицо и число глагольного сказуемого.

Л. Фуле выделяет и характеризует 6 возможных типов сочетания основных членов предложения: 1) S — V — C; 2) S — C — V; 3) C — S — V; 4) V — S — C; 5) V — C — S; 6) C — V — S [Foulet, 1998: 38-434; 306-327]. Как отмечают Л. М. Скредина и Л. А. Становая, каждая модель обладала своей функциональной характеристикой [Скредина, Становая, 2001: 269]. Это значит, что разные ком-

муникативные типы предложений преимущественно использовали определенную модель построения: например, структура V — S — C свойственна вопросительным и вводным предложениям; структура S — C — V, по-видимому, отражает рамочное построение латинского предложения<sup>1</sup>. В дальнейшем часть структур остается и специализируется, другая встречается все реже и постепенно исчезает (модель C — S — V, например).

Несмотря на обилие работ, посвященных эволюции порядка слов во французском языке, К. Маркелло-Низья считает, что вопрос продолжает во многом оставаться загадочным. По ее мнению, этому способствуют три обстоятельства: во-первых, количество факторов, способных повлиять на развитие порядка слов: позиция глагола, возможная невыраженность подлежащего, позиция подлежащего, когда оно выражено, и его природа, природа и позиция прямого дополнения при переходном глаголе, природа начального элемента в случае, когда глагол занимает вторую позицию, различие между разными типами предложений, различие между стихами и прозой, между повествованием и речью (*discours*); во-вторых, до сих пор обсуждаемая иерархия факторов (какой из них является ведущим); в-третьих, небольшие объемы корпусов, не слишком разнообразные или не очень сбалансированные, не позволили представить убедительную хронологию изменений [Marchello-Nizia, 2015: 44].

---

<sup>1</sup> О рамочной конструкции предложения и ее связи с емкостью оперативной памяти см. [Адмони, 1988: 168-170]. О. А. Турбина рассматривает модель S — C — V с местоименными элементами как отражение архаичной традиции ставить зависимый от глагола член впереди него, признавая такой порядок слов более совершенным, поскольку он подразумевает более гибкое диалектическое субъект-объектное членение универсума: взаимосвязь субъекта и объекта, а не их оппозицию [Турбина, 2015: 383-384].

### 3.1. Простое и сложносочиненное предложения

При изучении синтаксиса старофранцузского языка бросается в глаза, что выводы, касающиеся строения предложений, к которым приходят исследователи, относятся прежде всего к художественным текстам. Особенно это прослеживается в вопросе о видах связи предложений, характерных для старофранцузского периода, о чем хорошо пишет Н. М. Васильева: «в зарубежной романистике долгое время постулировался тезис о примате сочинения над подчинением и соответственно о более широком в X-XIII веках распространении сложносочиненного предложения (например, Брюно, с. 356). Столь же распространенным являлся тезис о преобладании в старофранцузский период бессоюзной связи над союзной (...) Заключение о количественном превосходстве сочинения и бессоюзия в ранний период развития французского языка является в значительной мере априорным: оно требует сравнительного статистического анализа, который никем не проводился. Самое же главное — это то, что количественные данные не могут быть в этом случае критерием» [Катагощина, Васильева, 1997: 111].

Вот и И. И. Чельшева в статье, посвященной старофранцузскому языку, пишет о том, что простые предложения преобладают в ранне-старофранцузский период, что повествование строилось как цепочка простых предложений с бессоюзной связью или союзом *e* ‘и’, что сложносочиненные предложения соединялись союзами *et*, *si* ‘и’, *mais* ‘но’, *ou* ‘или’, *ne* ‘и не’ или бессоюзно, образуя цепочку простых [Чельшева, 2001: 273].

Однако, если обратиться к ранним правовым документам, написанным на старофранцузском языке (например, «Уложение святого Людовика» — “Les Établissements de Saint Louis”), то обнаруживается совершенно иная картина. Известно, что знаки препинания редко применялись в ранних документах, однако, как отмечает Ф. Менар, союз *et* и наречия *or*, *dont*, *adont*, *atant*, *lors*, *si* иногда заменяют пунктуацию и служат средством, указывающим на паузы

или различающим предложения и фразы<sup>1</sup> [Ménard, 1976: 181]. Такая перегруженность функциями, видимо, и позволяет Н. М. Васильевой утверждать, что «наличие союза само по себе нельзя считать границей, разделяющей компоненты сложного предложения и независимые предложения» [Катагощина, Васильева, 1997: 128]. По справедливому замечанию Н. М. Васильевой, «другие признаки — структурные и смысловые — также не могут служить границей между сложносочиненным предложением и сочетанием простых предложений (в обоих случаях предикативные единицы семантически связаны и характеризуются общностью подлежащего, одинаковым составом и т. д.) [Катагощина, Васильева, 1997: 129]. Таким образом, «отношение сочинения образует разные синтаксические конструкции, границы которых не всегда являются достаточно четкими» [Катагощина, Васильева, 1997: 128]<sup>2</sup>. Вот и А. Бертен и А. Бат-Зеев Шильдкрот в обзорной статье, предвещающей сборник статей, посвященных проблемам союзов в диахронии, приводят мнение М. Харриса о том, что не только трудно разграничить придаточные времени и причины, но и часто нельзя с достаточной долей уверенности отличить независимое предложение от придаточного или от сложносочиненного [Bertin, Bat-Zeev Shyldkrot, 2008: 8; Harris, 1986]. Да и само понятие сложного предложения, по мнению А. Беррендонера, не является точным и отчетливым грамматическим концептом, но, скорее, неясным понятием (*notion confuse*) [Berrendonner, 1993: 21].

Сказанное выше справедливо и по отношению к анализируемому правовому документу. В нем представлены простые и сложные предложения, однако простые предложения и сочетания незави-

---

<sup>1</sup> В традиционной французской терминологии словом *proposition* обозначают простое, независимое предложение или часть сложного предложения, а словом *phrase* — сложное предложение.

<sup>2</sup> Ср. также: «*И* пошел, *и* увидел, *и* сказал» — такие предложения часто встречаются в древнем языке. Части предложения здесь как бы накладываются друг на друга, образуя своеобразную цепочку, отдельные звенья которой сохраняют известную независимость и легко поддаются перегруппировке» [Будагов, 1953: 208].

симых с сочинительными союзами (сложносочиненные предложения) не слишком частотны (примерно 6-7% и 2% соответственно)<sup>1</sup>. Если опираться на пунктуационные маркеры (точка), то к числу простых относятся, например, такие монопредикативные структуры, выражающие одну пропозицию (примеры 1-5):

- 1) *Cist meismes ordres de prevost et de prueves sera gardés à faire selon plés d'eritage, ou d'appartenances à héritage* (Louis, 1: 367). — 'Эта же процедура будет сохранена прево во всех делах о наследстве или касающихся наследства'.
- 2) *Et la forme du serement si se sera tele* (Louis, 1: 364). — 'А форма клятвы будет такой'.
- 3) *Et en lieu des batailles, nous mettons prüeves des tesmoins, ou des chartres, selon droit escrit en Code...* (Louis, 2: 368) — 'Вместо судебных поединков мы устанавливаем доказательства через свидетелей или через документы, согласно праву, записанному в Кодексе...'
- 4) *Rat si est fame efforcée* (Louis, 25: 391). — 'Так, похищение — это увоз женщины насильно'.
- 5) *Bers si a toutes justice en sa terre* (Louis, 24: 390). — 'В этом случае барон имеет право вершить правосудие на своей земле'.

Только в одном случае в простом предложении нет союза (пример 1). Остальные включают какое-либо связующее слово, причем соединительное *et* находится во главе предложения (примеры 2, 3), а *si* — между подлежащим и сказуемым (примеры 4, 5).

Дело в том, что *si* по своей природе — наречие<sup>2</sup>, оно было очень распространено в старофранцузском языке, употреблялось во всех типах предложения и было многозначным. Ф. Менар отмечает, что

---

<sup>1</sup> Количественные показатели будут несколько отличаться от текста к тексту. Например, в «Законнике Вильгельма Завоевателя» статьи законов формулируются более кратко, соответственно конкретные цифры могут варьировать, что, однако, не меняет общей картины.

<sup>2</sup> Многие союзы соотносятся с другими частями речи, в этом случае речь идет о грамматической омонимии.

в разных контекстах его можно переводить как “alors” ‘тогда, в таком случае’, “dans ces conditions” ‘в этих условиях’, “ainsi” ‘таким образом, так’, “et voilà” ‘и вот’, “aussi” ‘также, тоже’, “donc” ‘итак; значит, следовательно’, “mais” ‘но’, “cependant” ‘между тем, однако’, но часто оно остается непереводаемым [Ménard, 1976: 186]. Во многих работах по истории французского языка подчеркивается, что адвербиальная природа *si* влечет за собой инверсию подлежащего, в отличие от *et*. Л. Фуле говорит о том, что различие между союзом и наречием в старофранцузском языке очень тонкое: союз связывает одно предложение с другим, находится в месте их соприкосновения, а наречие изменяет предложение, находится внутри его, однако определить границы предложений иногда бывает сложно [Foulet, 1998: 308].

В примерах 4-5 реализуется исходное значение *si*, где оно резюмирует ситуацию и обозначает тему высказывания. Так, пример 4 взят из статьи закона, в которой определяются случаи, подлежащие юрисдикции барона. В первой фразе говорится, что барон может рассматривать дела, связанные с убийством (*murtre*), похищением (*rat*) и убийством беременной женщины или плода (*encis*). Виды преступлений названы, и в следующем предложении (пример 4) дается определение того, что подразумевается под похищением: подлежащее здесь выступает в качестве темы, маркером этого как раз и служит *si*. Следующие затем предложения построены аналогично, хотя являются уже сложными по своей форме: *si*, примыкающее к подлежащему, употребляется в главном предложении, а в придаточных дается определение того, что понимается под терминами *encis* и *murtre* (рема): *Encis si est fame enceinte... Murtre si est d'home ou de fame...*

**Сочинительные союзы и наречия: *et* и *si*<sup>1</sup>.** Таким образом, как только в начале предложения появляется союз *et* (или *si*), приходится

---

<sup>1</sup> О союзе *et* и сочинительной связи во французском языке см. фундаментальное исследование [Antoine, 1958, 1962], о наречии *si* см. диссертацию [Marchello-Nizia, 1985]. Перечень работ, посвященных эволюции

решать сложную задачу отнесения данного предложения к независимому или части более сложной конструкции, поскольку *et* может выступать как зачин повествования [Кожемякина, 1983: 16] или как маркер паузы [Вольф, Челышева, 1984: 254]. Ж. Муанье одну из функций *si* определяет как интродуктивную, вводящую независимое предложение (“*emploi introducteur de proposition non dépendante*”) [Moignet, 1977: 267-289].

Так, например, в статье 37 встречаем предложение с союзом *et*, ограниченное точками (пример 6):

- 6) *...il en seroit autresi bien pendables, come s'il eust fet le fet. Et pour ce ne doit nus veer droit de trives à donner devant justice* (Louis, 37: 403-4).

С формальной точки зрения, союз *et* связывает здесь предложения с разными подлежащими, выраженными личным (*il*) и неопределенным местоимением (*nus*), однако, с точки зрения смысловой цельности, предложение с союзом *et* тесно связано с предыдущим высказыванием, поэтому переводчик принимает решение передать эту часть в виде придаточного причины: *...il sera pendu, comme s'il avait exécuté ses menaces, parce qu'il n'est permis à personne de refuser le droit de trêve qui lui est demandé en présence de la justice.* — ‘...он будет повешен, как если бы он осуществил свои угрозы, потому что никому не позволено отказывать в праве на перемирие, которое определено судом’.

Другой фрагмент с союзом *et* имеет внешние признаки сложно-сочиненного предложения (пример 7):

- 7) *Et ainsi a li aisé les deux parties, et si a les hebergemens en heritage* (Louis, 8: 376). — ‘И таким образом, получает старший обе доли, и получает главное имение (зámок) в наследство’.

Подлежащее в первой части предложения выражено существительным в прямом падеже, а во второй части оно отсутствует<sup>1</sup>, струк-

---

французских союзов разных типов, появившихся в период 1985-2007 гг., можно найти в [Bertin, Bat-Zeev Shyldkrot, 2008: 9].

<sup>1</sup> В психосистематике возможность опущения (или неупотребления) субъектного местоимения при личной форме глагола рассматривается как



турно обе части строятся идентично, совпадают и временные формы глагола. По сути, вторая часть представляет собой повтор предыдущей конструкции (параллелизм) и повтор глагола (разновидность однородного сказуемого). Неупотребление субъектного местоимения перед вторым глаголом как раз является формальным признаком однородных глагольных сказуемых<sup>1</sup>. Обе конструкции различаются лишь прямым дополнением, тогда как обстоятельство относится к обеим частям предложения, т. е. является общим. Два предложения соединены сложным союзом *et si*, который, по мнению Ф. Менара, подчеркивает идею присоединения или противопоставления более полновесно, чем простой союз *si* [Ménard, 1976: 187], т. е. в данном случае можно было бы его перевести как ‘и, помимо этого, получает...’. Н. М. Васильева говорит о том, что союзы *si* и *et* часто употребляются вместе и определить природу такого образования трудно: это может быть свободное сочетание двух союзов или союза и наречия, либо единый сложный союз [Катагощина, Васильева, 1997: 133].

Кроме того, *si* позволяет также изменить перспективу. Как отмечает Ф. Менар, у *si* есть одна неизменная черта: вместо того, чтобы соединять и уравнивать, как *et*, союз *si* выделяет и отделяет вводимый фрагмент от предыдущего [Ménard, 1976: 186]. Это можно наблюдать в примере 8:

---

промежуточный этап эволюции слова-предложения, в процессе которой глагол теряет свойство быть словом-предложением и становится собственно глаголом, из которого вычленяется грамматический формант, выражающий логическое лицо, или граммема лица, и выносятся за пределы слова [Становая, 2015: 348-349; Скредина, 2009: 117-120].

<sup>1</sup> П. Лариве считает, что отсутствие подлежащего уже не было правилом в нормандских и англо-нормандских законодательных текстах XII-XIII вв. По его мнению, контексты, в которых подлежащее отсутствует, обусловлены прагматическим фактором референциальной связности, непрерывности (*continuité référentielle*) [Capin, Larrivée, 2015: 18; Balon, Larrivée, 2016: 221-237].

- 8) *Et encore ont plus li vavassour, car eus tiennent lor batailles devant eus de toutes choses, fors de grans meffaez que nous vous avons nommés pardevant. Et si ont leur mesure en lor terre, et les prennent, et les mettent és cors de lor chastiaux et les baillent à leurs homes* (Louis, 38: 405).

В первой части этого фрагмента, вводимой союзом *et*, речь идет о том, что вассалы имели право судить с помощью судебного поединка все преступления, кроме серьезных, которые были названы ранее. Союз *et* в сочетании с наречием *encore* выступает здесь в качестве интродуктора новой информации, добавляемой к тому, что было сказано выше о праве сеньора судить преступников в своих владениях. Следующая фраза начинается с союза *et si*, который меняет фокус, разворачивает высказывание в другую сторону: сеньоры могли устанавливать меры на своей территории, хранить их у себя и предоставлять своим подвассалам для использования. Первое предложение в примере 8, бесспорно, является сложным: в нем выделяется пояснительная часть, вводимая союзом *car*, который выражает причинно-следственные отношения и сближается с подчинительными союзами, и относительное придаточное предложение. Второе же предложение, вводимое союзом *et si*, представляет собой перечисление прав вассалов, касающихся установления мер на своей территории. Четырехкомпонентный ряд моносубъектных предложений вводится союзом *et*, но подлежащее в них не выражено, а обозначено только в первом предложении указанного фрагмента. Хотя формальная невыраженность подлежащего характеризует и независимые простые предложения, в данном случае можно констатировать, что представленный моносубъектный сочинительный ряд отличается более тесной связью предикативных единиц. Такой ряд является открытым, т. е. может быть продолжен. Кроме того, у сказуемых есть общее дополнение, выраженное местоимением *les*, стоящим в препозиции к глаголу и повторяющимся перед каждым сказуемым, как в современном французском языке. Исходя из всего этого, приходим к выводу, что мы имеем дело с однородными сказуемыми, а не с сочетанием предложений.

Союз *et* в старофранцузских правовых текстах может вводить целую цепочку предложений (пример 9):

- 9) *Et li sires doit presentement respondre, et je vous reçois et preing à hons, et vous en bese en nom de foy, et sauf mon droit et l'autruy (selon l'usage de divers pais), et li sires püet prendre large place de la moitié, et des rentes...* (Louis, 18: 605) — 'И сеньор должен на это ответить: «И я вас принимаю и беру в вассалы, и целую вас в знак клятвы верности, кроме моей пошрины и пошрины другого, согласно обычаю различных земель». И сеньор может взять половину доходов и годовую ренту...?'.<sup>1</sup>

В этом примере союз *et* связывает предложения с разными и одинаковыми подлежащими, которые следуют непосредственно за союзом либо опускаются; кроме того, внутри фрагмента союз *et* связывает однородные члены предложения (*reçois et preing; et sauf mon droit et l'autruy*). В начале фрагмента *et* отмечает переход к следующему моменту повествования, к новому эпизоду развертывающегося судебного действия. Второе *et* — это уже маркер прямой речи: союз *et* вводит слова, которые сеньор должен произнести в судебном заседании. Третье *et* добавляет новую информацию (факт) и может переводиться как «и кроме того, помимо этого». И, наконец, последнее *et* отмечает возврат от прямой речи к повествованию.

Союз *u*<sup>1</sup> соединяет ряд последовательных действий, но при этом, как пишет И. Н. Кручинина, передает значение следования в общем, отвлеченном виде, не информируя о временной ориентации действий, о их внутренней соотнесенности. Кроме того, во взаимодействии с определенной жанрово-стилистической средой он может порождать экспрессивное или эмоциональное напряжение речи (эмфазу) и характеризовать действие как мгновенное,

---

<sup>1</sup> В русском языке союзу *и* и его функциям посвящены многочисленные исследования [Крейндлин, 1982, 1987; Николаева, 1997; Санников, 1989; Урысон, 2006, 2011]. Краткий их анализ и перечень выделяемых функций союза и представлен, например, в [Комарова, Краев, 2008: 141-142].

внезапно-мгновенное или как постепенное, замедленное, затянувшееся [Кручинина, 1988: 135].

Рассматривая сочинительную связь с точки зрения когнитивной лингвистики, Б. Ю. Норман отмечает, что такая связь не просто классифицирует явления окружающей нас действительности, но и ранжирует их определенным образом по степени важности. Следовательно, элемент, начинающий сочинительный ряд, обладает некоторым семантическим приоритетом [Норман, 2013: 178]. Получается, что первая часть сложного предложения, вводящего ряд предложений с союзом *et*, задает параметры всего высказывания (в примере 9 — это то, что должен произнести сеньор в суде в определенной правовой ситуации). Однако поскольку сочинительная связь может объединять не только однородные, но и неоднородные компоненты, то она допускает и переход к другой теме, и выражение иных отношений, кроме конъюнкции, в частности, отношений зависимости. Так, Е. А. Реферовская подчеркивает, что «синтаксическими структурами распоряжается коммуникативное членение, зависящее от семантики высказывания и выражающее намерение говорящего субъекта» [Реферовская, 1989: 16].

**Союзы *mais* и *ainz*.** Благодаря своему противительному значению союз *mais* подчеркивает противопоставленность двух идей и может связывать разносубъектные предложения с подлежащими, выраженными двумя разными существительными (пример 10):

- 10) *Gentilfame si n'a que le tiers en doïere en la terre son seignour. Més li sires li püet bien donner ses achaz, et ses aqués à faire sa volonté* (Louis, 14: 380-381). — ‘Знатная дама, таким образом, получает в качестве наследства, оставленного мужем, только треть земли своего мужа. Но муж может оставить ей свою часть совместно нажитого имущества, выражая свою волю’.

Примечательна роль *si* в первом предложении данного фрагмента. Мы уже говорили о том, что в старофранцузском языке *si* употреблялось как наречие и как сочинительный союз. Употребление этой формы детально анализировала К. Маркелло-Низья в своей диссертации [Marchello-Nizia, 1985]. М. Робер пишет, что, по ее мнению, *si*

функционирует как фразовое наречие, основная функция которого состоит в том, чтобы выразить дискурсивную операцию, благодаря которой говорящий гарантирует достоверность того, о чем говорит: “A ses yeux, *si* fonctionne comme un "adverbe de phrase" dont la fonction essentielle est de refléter l’opération énonciative par laquelle le locuteur se porte garant de ce qu’il dit” [Robert, 1985: 118]. Множество употреблений *si*, также отмечает Г. Зенк, не мешают сохранению идентичности этой единицы, они вытекают из одного желания говорящего — стремления подчеркнуть достоверность своих слов: “L’identité foncière du rôle de *si* dans toutes les opérations énonciatives qui l’impliquent découle d’une même attitude de l’énonciateur en face de son propos: le souci d’en souligner la véracité” [Zinc, 1989: 43].

Кроме того, употребление *si* невозможно без предварительного высказывания, оно связывает два предложения, причем часть, содержащая *si*, представляет собой неоспоримое утверждение, пропозиция которого не может быть ложной: “...l’énoncé *p* ouvert par *si* se présente comme une assertion incontestable, excluant que *p* puisse être admis pour faux” [Robert, 1985: 119].

В нашем случае начальное предложение, содержащее *si*, связывает статью 14 закона со статьей 13, в которой говорится о том, что если знатная дама, принимая наследство умершего мужа, имеет детей, то она получит треть земель мужа (см. пример 1, с. 128-129). Достоверность высказывания, содержащегося в статье 14 и включающего *si*, базируется, таким образом, на предыдущей статье закона. Фактически здесь *si* служит средством превращения ремы предыдущего высказывания в тему следующей статьи, обеспечивая тема-рематическую связность двух статей «Уложения...». Этому же способствует лексический повтор слов и выражений: *gentilfame, doüiere, en la terre* и морфологических вариантов: *tiers — tierce*.

В примере 10 второе предложение противопоставлено первому при помощи союза *mais (més)*. Формально — это два простых предложения, разъединенных точкой и противительным союзом, но семантически они связаны в единое целое: последнее слово первого из них *son seignour* (косвенный падеж) вновь подхватывается в на-

чале второго в форме прямого падежа *li sires*, соединяя их. Не случайно переводчик передает данный фрагмент, объединяя два формально независимых предложения в сложное, включающее относительное придаточное: *Femme noble qui n'a pour douaire que le tiers de la terre de son mari, peut être par celui-ci avantagée de ses acquêts et conquêts*.

Кроме фраз с подлежащими, выраженными существительными, союз *mais* (*més*) может служить средством связи сложноподчиненного предложения с простым, где подлежащее выражено субъектным местоимением (пример 11):

- 11) *Tuit-gentis-hons qui ont voireié en leur terre, pendent larron de quelque larrecin que il ait fait en leur terre. Més en aucune chastellerie les mene l'en juger à leur saignor* (Louis, 38: 404). — ‘Любой знатный человек, который имеет право судить мелкие дела на своей земле, может приговорить вора к виселице за кражу, которую тот совершил на его земле. Но в некоторых сеньориях их отводят на суд своему барону’.

В приведенном примере связь между предложениями также является достаточно тесной, поскольку союз *mais* не столько противопоставляет, сколько вносит уточнение: есть некоторые сеньории, которые не подчиняются общему правилу. Кроме того, употребление неопределенного *tout* при подлежащем в первом предложении и обобщенно-личного *on* во втором также сближает эти предложения. Союз *mais* обычно не влечет инверсии подлежащего, однако здесь на первую позицию вынесено обстоятельство места (*en aucune chastellerie* — это тема высказывания, синонимичное выражение, заменяющее *en leur terre*), в результате подлежащее перемещается в постпозицию по отношению к сказуемому.

Н. М. Васильева, говоря о различии двух старофранцузских противительных союзов *mais* и *ainz*, видит данное различие в том, что союз *mais* противопоставляет не только два утвердительных или два отрицательных действия, но и сочетание утверждения с последующим отрицанием, союз же *ainz* соединяет единицы, в первой из которых выражено отрицание, а во второй — утверждение [Катаго-

щина, Васильева, 1997: 134]. Однако наш материал показывает, что союз *mais*, так же как и союз *ainz*, мог соединять отрицательное и утвердительное предложения (пример 12):

12) *Nus ne doit en nulle cort pleder desesis; més il doit demander sesine en toute œuvre ou doit savoir se il la doit avoir* (Louis, 6: 575). — ‘Никто не должен обращаться в какой бы то ни было суд, будучи лишенным владения, но он должен обратиться с просьбой быть восстановленным в праве владения или должен узнать, может ли его получить’.

В этом примере союз *mais* употребляется после отрицательного предложения и противопоставляет два действия, два факта.

В литературе отмечается, что союз *ainz* и его вариант *ainçois* выражают сильное противопоставление и вводят второе предложение в качестве антитезы первому. Такие случаи отмечаются и в правовых текстах (пример 13):

13) *Et sans le commandement au seigneur il n'est mie loiaux, ainçois est desloiaux* (Louis, 8: 577). — ‘А без повеления сеньора он вовсе не законный, а незаконный (речь идет о лице, представляющем интересы одной из сторон в суде)’.

Здесь антитеза выражена антонимами *loial / desloial*, что, по сути, является тавтологией: в обоих предложениях высказана одна и та же мысль, только в первом предложении это сделано с помощью отрицания, а во втором — с помощью прилагательного-антонима, употребленного в утвердительном предложении.

В правовых текстах чаще встречается союз *mais*, который употребляется для соединения/противопоставления разных типов предложений, фактически не имеет ограничений, связанных с утверждением и отрицанием (как союз *ainz*), и не влечет инверсии подлежащего.

**Союз *ne*.** Сочинительный союз *ne* соединяет предложения, в которых глаголы в обеих частях (или в одной из них) стоят в отрицательной форме. В правовых текстах чаще всего это будут части сложной фразы, включающей в себя не только предложения с сочинительной связью, но и разного рода придаточные. Однако встреча-

ются и отдельные структуры, где союз *ne* связывает члены предложения (пример 14):

- 14) *Ne li rois ne püet mettre ban en la terre au baron sans son assentement, ne li bers ne püet mettre ban en la terre au vavator* (Louis, 24: 390). — ‘Ни король не может устанавливать наказания во владениях барона без его согласия, ни барон не может устанавливать наказания во владениях вассала’.

Приведенный пример интересен тем, что в нем сочинительной связью объединяются два субстантивных подлежащих: ни король, ни барон не могут устанавливать наказания во владениях вассалов. Как отмечает Ф. Менар, схема *ne a ne b* редко встречается в старофранцузских текстах и обычно затрагивает синонимичные или антонимичные слова, образующие закрытую группу [Ménard, 1976: 199]: в нашем примере это слова, обозначающие титул субъекта права. Кроме того, вновь обращает на себя внимание синтаксический параллелизм данных конструкций и полный лексический повтор глагольно-глагольного сказуемого (*püet mettre ban*) и обстоятельства места (*en la terre*) при общем обстоятельстве, относящемся к обеим частям представленной структуры: *sans son assentement*. По сути, два предложения связаны отношениями противопоставления: король не может устанавливать наказания во владениях барона, а барон — во владениях своего вассала.

Не только союз *et* способен соединять предложения в цепь событий и фактов. Это свойственно и союзу *ne* (пример 15):

- 15) *Nus vavator ne püet relaschier larron sans l'assentement du baron, ainçois appartient au baron la cognoissance, ne il ne püet fere enqueste qui appartient à si grand justice, ne il püet lever justice ne forches* (Louis, 35: 632). — ‘Никакой подвассал не может освобождать вора без согласия барона, но дознание принадлежит барону, ни (и) не может он проводить расследование случаев, подлежащих ведению высшей юрисдикции, ни (и) не может он воздвигать виселицы на своей земле’.

В этом примере сначала союз *ainçois* противопоставляет утвердительное предложение отрицательному: не вассал, а барон может



вести дела, наказание по которым предусматривает смертную казнь. Затем союз *ne* вводит ряд отрицательных предложений, которые связаны с первым отрицанием и продолжают развивать положение о том, какие еще виды правосудия запрещено отправлять в своем владении вассалу. Если адвербиальная природа *ainçois* заставляет подлежащее перемещаться в постпозицию к сказуемому, то союз *ne* не влечет за собой такого перемещения.

Анализируя особенности употребления сочинительных союзов *et/ou/ne* в старофранцузском языке, А. Кеффелек выделяет контексты, в которых преимущественно употребляется тот или иной союз. Так, в формально положительных и актуальных контекстах преобладают *et/ou*, а в контекстах формально положительных, но ориентированных на виртуальное (как например, условные предложения) преимущественно используется *ne* [Queffélec, 1990: 69].

А. Боннар и К. Ренье считают, что в старофранцузском языке единство смысла между соседними предложениями было сильнее, чем в современном французском. Отсутствие пунктуации в рукописных текстах способствовало сохранению или созданию особых маркеров смыслового единства. К подобным средствам они относят: 1) обилие сочинительных средств связи; 2) частотность маркеров корреляции, т. е. выраженную связь между главным и придаточным предложением, когда подчинительный союз влек за собой коррелятивную единицу в главном, в качестве которой, по их мнению, могли употребляться наречия *lors*, *donc*, *adonc*, особенно часто *si* или союз *et* (например: *quant...lors*; *quant...si*; *se...si*); 3) непостоянство элементов, выражающих подчинение: речь идет о том, что при наличии коррелятивного слова (*celui*, *tant*) подчинительный союз *que* и относительные местоимения, которые подразумевались в данном контексте и мысленно легко восстанавливались, могли опускаться [Bonnard, Régnier, 1991: 206-207].

Таким образом, если посмотреть на примеры 7, 8, 9 и 15 с этой точки зрения, то можно сказать, что цепочка сочинительных предложений обеспечивает смысловую связность (когезию), внутри сверхфразового единства, каким является статья закона.

Яркий пример, когда сочинительные союзы выступают как коррелятивные элементы для связи главного предложения с придаточным, дает статья закона, посвященная тому, как наказывать виновного в краже. Приводимый фрагмент (пример 16) касается ситуации, когда преступник сбегает и скрывается от правосудия. Тогда суд дает ему семь дней, чтобы прийти и признать свое преступление или оправдаться:

- 16) *Et se il ne venoit dedans les sept jours et les sept nuits, si le feroit len semondre derechef par jugement, que il venist dedans quinze jours, et les quinze nuits, si len le feroit semondre derechief que il venist dedans les quarante jours et les quarante nuits; et se il ne venoit lors, si le feroit len banir en plein marchié* (Louis, 26: 392). — ‘А если он не явится через семь дней и семь ночей, то суд снова решит, чтобы он явился через пятнадцать дней и ночей и затем снова, чтобы он явился через сорок дней и ночей, а если он и тогда не явится, то об его изгнании будет объявлено на рыночной площади’.

Еще Э. Бурсье отмечал, что *si* часто употребляется после отрицательных предложений. Правда, он рассматривал сочетание *si* с временными союзами и говорил в этой связи о так называемом «эпическом *si*» [Бурсье, 1952: 329]. Наш же материал показывает, что *si*, во-первых, является характерным маркером не только героических поэм, но и правового дискурса, связывая разные предикативные единицы, как моносубъектные, так и с разными субъектами, и, во-вторых, часто употребляется не только после отрицательных предложений времени, но и в придаточных условия, вводя главное предложение. Наречный характер *si* влияет на позицию подлежащего в главном предложении: неопределенно-личное местоимение *on* (*len*) находится после сказуемого (о придаточных условия см. ниже).

В исследовании Н. Д. Кулишовой, посвященном психолингвистическим характеристикам языковой личности, отмечается, что сочинительная связь отражает ассоциативный способ связывания мыслей, не дифференцируя виды отношений, но коррелируя с когни-

тивной простотой [Кулишова, 2001: 16]. Однако возможно, что именно эта недифференцированность или слабая дифференцированность в обозначении видов отношений, существующих между предложениями, дает возможность более широкого ее применения, не ограничиваясь только рамками сложносочиненного предложения и обеспечивая необходимую гибкость и вариативность в соединении разных типов предложений в единое целое. Отсюда наблюдаемое обилие сочинительных союзов в старофранцузских правовых текстах как средства связи не только простых, но сложноподчиненных предложений.

### **3.2. Сложноподчиненное предложение: фразовые комплексы**

При изучении синтаксиса старофранцузского языка иногда можно встретить утверждения о том, что в языке этого периода употребляются многочисленные сложные предложения, с главным и придаточным, но нет длинных фраз-периодов<sup>1</sup> [Cohen, 1967: 124]. Периодом, по определению словаря лингвистических терминов Ж. Марузо, называют сложное предложение, составные части которого сгруппированы таким образом, что как бы ни были они разнообразны по своему строению, их совокупность производит впечатление единства и равновесия. Это впечатление усиливается, когда финал как бы замыкает кольцо [Марузо, 2004: 207]. На наш взгляд, утверждение М. Коэна не совсем отвечает действительности. Если в поле исследования попадают не только художественные произве-

---

<sup>1</sup> “On peut noter toutefois que l’ancien français, s’il a de nombreuses phrases complexes (avec principale et subordonnée) n’a pas de très longues phrases périodiques”.

дения, то становится очевидным, что такие сложные предложения встречаются очень часто. Правовые тексты являются тому подтверждением, поскольку статьи законов оформляются чаще всего в виде длинных периодов, в которых финальная часть (клаузула) довольно часто представлена в виде разъяснения, вводимого союзом *car*, что как раз и производит впечатление единства и цельности всего текста статьи.

Нам кажется, говоря о сложных предложениях старофранцузского языка, было бы уместно использовать понятие фразового комплекса. Ранние правовые документы дают для этого основания, поскольку в подобных текстах синтаксические конструкции развернуты, разветвлены, включают в себя несколько предикативных центров, объединенных разными видами отношений.

С точки зрения структуры старофранцузское сложное предложение в правовых текстах представлено разными типами: 1) фразовый комплекс с сочинительной связью (см. п. 3.1), 2) фразовый комплекс с бессоюзной связью, 3) фразовый комплекс с подчинительной связью и 4) смешанный фразовый комплекс, включающий в себя предложения и с сочинительной, и с подчинительной связью.

В своих работах Н. М. Васильева использует термин «многокомпонентные сложноподчиненные предложения», чтобы отразить сложный состав синтаксических структур, используемых в старофранцузский период [Катагощина, Васильева, 1997: 172-175]. Однако приведенное выражение ограничивает состав фразового комплекса только сложноподчиненными предложениями, тогда как в реальности многие такие комплексы включают в себя разные типы связи и виды предложений<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Ср.: «Однако в действительности речь не представляет собой последовательность изолированных фраз. Напротив, нормальной чаще всего является такая последовательность предложений, которая выражает целый ряд взаимосвязанных мыслей, образующих упорядоченное целое; такая последовательность служит для выражения, будь то устно или письменно, более или менее сложной мысли» [Теньер, 1988: 610].

С количественной точки зрения<sup>1</sup> в правовых документах преобладают фразовые комплексы смешанного характера, включающие в себя предложения с сочинительной и подчинительной связью (58%). На втором месте по частотности находятся фразовые комплексы с подчинительной связью (33%). Подчинительный союз в составе сложного предложения, как пишет Н. М. Васильева, «выступает как сильно нагруженный функциональный элемент: он является ядром структуры сложного предложения, основным средством синтаксической связи между предикативными единицами и показателем семантических отношений между ними» [Катагощина, Васильева, 1997: 139]. Подчинительный союз точно определяет логические отношения внутри предложения, в результате чего отдельные его части оказываются связанными между собой более тесным образом.

### 3.2.1. Фразовый комплекс с бессоюзной связью

Собственно бессоюзных предложений в правовых документах немного (по нашим данным, менее 1%). По-видимому, это объясняется тем, что законодателю было важно эксплицитно выразить отношения, существующие внутри фразового комплекса. Тем не менее, можно привести примеры подобного употребления (примеры 1-2):

- 1) *Bers a en sa terre le murtre, le rat, et l'encis, tout ne l'eust pas anciennement* (Louis, 25: 390-1). — ‘Барон может судить своим судом убийство, похищение и убийство беременной женщины или плода, хотя он не имел этого права в прежние времена’;

---

<sup>1</sup> Подсчеты произведены на материале «Уложения святого Людовика».

- 2) *Home et feme puet doner en testament le quint de son héritage, et toz ses mobles, et toz ses conquez, et plus non, ait enfanz ou n'ait enfanz* (Plet, 12, III: 224). — ‘Мужчина (и женщина) может передать по завещанию пятую часть своего наследства и все свое движимое имущество, и все нажитое совместное имущество, а больше нет, даже если он(а) имеет или не имеет детей’.

Употребление субжонктива, как в данных примерах, является основным способом для того, чтобы маркировать отношения уступки между главным и придаточным предложением при имплицитно выраженной подчинительной связи. Часто для усиления уступки в текстах используются наречия интенсивности *tout* и *tant*, стоящие в начале предложения (примеры 1, 3-4).

В примере 2 мы наблюдаем также ряд однородных членов предложения, вводимых сочинительным союзом *et* по схеме *a et b et c*. Такая схема часто встречается в старофранцузских текстах при перечислении, а здесь, возможно, для выделения разных групп объектов, которыми может распоряжаться человек. Как отмечает В. Г. Гак, сочинение выражает замкнутую группу объектов, в которой союз *et* является признаком завершения ряда [Гак, 2000: 516]. Но в последней группе (*et plus non*) союз *et* указывает уже не на присоединение, а на противопоставление. Кроме того, эта группа может рассматриваться как предложение с невыраженным сказуемым, которое было употреблено ранее, а теперь только подразумевается: ‘а больше не может передать по завещанию’.

Бессоюзное предложение с глаголом в субжонктиве может не только образовывать отдельное сложное предложение с бессоюзной связью (соположением), но и входить в состав развернутого фразового комплекса, включающего предложения, соединенные разными видами связи, для выражения уступки (примеры 3-4) или условия, гипотезы (пример 5):

- 3) *Gentishoms tient sa vie, ce que len li donne à porte de monstier en mariage, après la mort sa feme, tout n'eut-il nul hoir, pour qu'il en ait eu hoir qui ait crié et bret se ainsi est que sa femme*

*li ait esté donnée pucelle* (Louis, 11: 378-9). — ‘Дворянин (человек благородного происхождения) пользуется приданным, данным у дверей монастыря, после смерти своей жены, хотя бы он не имел никакого живого наследника, даже если у него был наследник, который прожил достаточно, чтобы издать крик, а также при том условии, если его жена была ему отдана в жены девственницей’.

В примере 3 бессоюзное уступительное предложение находится в середине фразового комплекса, следуя за придаточным относительным, но относится оно ко всему сложноподчиненному предложению. За названным бессоюзным предложением следуют два придаточных, выражающих условие, вводимые союзами *pour que* (это один из возможных условных союзов в старофранцузском языке) и *se*. Первое придаточное вводит условие, уточняющее уступку, выраженную в бессоюзном предложении, а второе — условие, относящееся к главному предложению, с которого начинается фразовый комплекс. Кроме того, это условие усиливается еще наречием *ainsi*, которое может иметь значение ‘при том условии, что’<sup>1</sup>.

- 4) *Se un gentishoms baille une pucelle à garder à un autre gentilhoms son hons, ou d'autre, se il la depuceloit et il en porroit estre prouvés, il en perdrait son fié, tout fust-ce à la volenté de la pucelle* (Louis, 51: 419). — ‘Если человек благородного происхождения доверяет присмотр за своей дочерью другому благородному человеку своего рода или другого, если он ее лишит девственности и это может быть доказано, то он теряет свой феодал, даже если это было по согласию девушки’.

В примере 4 бессоюзное предложение также обозначает уступку, но оно завершает сложную фразу, непосредственно примыкая к главному, в начале которого находятся два условных придаточных предложения. Оба они начинаются с союза *se*, но при этом наблюдается

---

<sup>1</sup> “Les adverbes *ainsi*, *einsi*... ainsi que *ensi* ou *issi*... peuvent prendre aussi la nuance de "à cette condition, dans ces conditions-là"” [Ménard, 1976: 273].

различие временного плана: в первом предложении употребляется настоящее время индикатива, чтобы обозначить реальное условие, факт обычный, повторяющийся, что сближает его с придаточными времени, поэтому реальное условие часто выражается в правовых текстах союзом *quand*; а во втором предложении — имперфект индикатива, который превращает условие в потенциальное и помещает его в план возможного будущего.

- 5) *De quelque meffet li bers apelast hons à vavator, li vavassor en auroit la cort, se il la requeroit, à mener son hons par sa main; se ce n'estoit de haute justice* (Louis, 40: 406-7). — ‘Если барон судит своим судом за какое-либо преступление подданного подвассала, то подвассал может потребовать виновного в свою юрисдикцию и привести его за руку, если только это не случай, подлежащий суду высшей юрисдикции’.

В примере 5 условие, выраженное бессоюзным предложением, находится в начале фразы (протазис). При отсутствии союза условие представлено формой глагола в *imparfait du subjonctif*. Субжонктив здесь употреблен атемпорально, не устанавливает никакой хронологии между частями сложного предложения. За ним следует главное предложение с двумя однородными сказуемыми в форме на *-roie* (*auroid, se requeroit*), сопровождаемое еще одним придаточным условия с союзом *se* (здесь условие эксплицитно) и глаголом в *imparfait de l'indicatif*. Данная часть фразового комплекса уже вписывает процесс во время и устанавливает связь предшествования между условием и следствием, которое из этого вытекает: вассал может востребовать виновного, если пожелает и если указанный случай не подлежит суду высшей юрисдикции. В первой части комплекса мы можем отметить явление модальной асимметрии (*imparfait du subjonctif* в придаточном — форма на *-roie* в главном), а во второй — модальной симметрии (*forme en -roie* — *imparfait de l'indicatif*).



### **3.2.2. Фразовые комплексы с сочинительной и подчинительной связью**

В большинстве случаев в правовых текстах содержание статьи излагается в виде одного фразового комплекса, в котором переплетаются фрагменты, связанные сочинительной и подчинительной связью. На наш взгляд, это происходит потому, что статья в правовом документе представляет отдельный завершённый эпизод, описывающий некоторое событие, выделенное из правового континуума. В ней можно обозначить такие композиционные отрезки, как начало, медиальная часть и конец, что соответствует структурным элементам нормы права — гипотеза, предписание, или диспозиция, и санкция (см. п. 1.4). Если гипотеза является предпосылкой, условием действия нормы права, описывающей исходное состояние правовой ситуации, то диспозиция — ядром юридической нормы, поскольку она раскрывает содержание юридически значимого поведения субъекта права [БЮС, 2001: 159], в то время как санкция закрепляет возможный способ разрешения данной правовой ситуации.

В. Г. Адмони также отмечает, что синтаксические структуры, складывающиеся на основе подчинения, занимают особое место в законах и указах, потому что «при их выработке необходимо было тщательно определить разного рода предпосылки, условия и оговорки, сопутствующие основному содержанию документа» [Адмони, 1988: 185].

Стремление отобразить разнообразные связи между событиями, описываемыми в статье закона, приводит к тому, что во фразовых комплексах смешанного характера встречаются все типы связи и различные виды придаточных предложений: дополнительные, относительные, придаточные условия, времени, причины и следствия, уступки, способа действия, сравнения, цели, места. Большая (подчинительная связь) или меньшая (сочинительная связь) степень дифференцированности логических отношений, существующих внутри фразового комплекса, способствует гибкости, свободе в оформлении мысли законодателя.

Фразовые комплексы,  
включающие придаточное дополнительное

Известно, что придаточное дополнительное выполняет функцию дополнения при сказуемом. В старофранцузских правовых текстах придаточные дополнительные часто встречаются после декларативных глаголов (*dire, jurer*), глаголов, выражающих знание (*savoir*), мнение, суждение (*croire*), волеизъявление (*commander, defendre*), осуществление (*il avient*). В примере 1 представлен фразовый комплекс, построенный на основе придаточных дополнительных, перемежающихся с сочинением:

- 1) *C'il avient, par aucune aventure, que un larron entre en aucune maison d'aucune feme ou d'aucun home, et celui en cui maison il est entrés, senti le larron, et le vost prendre, mais il ne post, que celui s'enfuy, et il vait après criant: "Prenés le larron! prenés le larron!" et il avient que celui larron seit pris à celui cri, et les voisins veillent jurer leument que il vyrent celui larron issir de la maison de celui home ou de cele feme qui criet: "Prenés le larron!" la raison juge que celui larron est ataint sans bataille come liere provés* (Ass., 246: 185). — 'Если случается каким-нибудь образом, что вор входит в какой-либо дом какой-либо женщины или мужчины, а тот, в чей дом он вошел, почувствовал вора и захотел его схватить, но не смог, так что тот убежал, и он кричит: «Хватайте вора! Хватайте вора!» и случается, что тот вор по этому крику схвачен, и соседи хотят поклясться законным образом, что они видели этого вора выходящим из дома того мужчины или той женщины, которые кричали: «Хватайте вора!», правосудие присуждает (выносит решение), что этот вор подлежит суду без поединка как за доказанную кражу'.

Этот фразовый комплекс начинается с гипотезы, сформулированной с помощью безличного употребления событийного глагола (*avenir*), за которым следует цепочка дополнительных придаточных предложений после безличного *il avient* и глагола говорения (*jurere*), вводимых союзом *que*. В них излагается диспозиция: последователь-

ность событий, раскрывающих суть правовой ситуации. Союз *que* при этом может опускаться, подчинительная связь ослабляется, и отдельные элементы ситуации уточняются с помощью фрагментов, вводимых сочинительными союзами *et*, *mais*, и прямой речи. Но как только серия взаимообусловленных действий заканчивается и возникает новое обстоятельство, тут же вновь появляется союз *que* (*que celui s'enfuy*), восстанавливая приостановленную подчинительную связь, превращая высказывание в единое синтаксическое целое. Для той же цели используется и повтор безличного глагола *il avient*. Фрагмент завершается санкцией, которая вводится устойчивым выражением со значением волеизъявления (*la raison juge que*). Это устойчивое выражение часто встречается в правовых текстах. Оно могло еще и расширяться за счет других глаголов волеизъявления, например: *la raison juge et coumande (comande)* или использования синонимов слова *raison*: *la lei et l'asise coumande*.

В литературе отмечается, что в старофранцузских текстах союз *que* может иногда употребляться каскадом, когда одно придаточное дополнительное сменяется другим (см., например, [Ménard, 1976: 206]). Для текстов законов это нехарактерно, поскольку чаще всего в одной фразе выражаются разные оттенки подчинения, тем не менее можно найти случаи и подобного употребления (пример 2):

- 2) *Et se il voloit dire que il ne l'eust pas relaschié, et que il fust eschapé, et qu'il en fist la meilleure garde que il onques po fere, se i li porroit li sires esgarder un serement, et se il l'osoit fere, il en seroit quittes à tant* (Louis, 39: 406). — 'И если он хотел сказать, что он его не отпускал, и что он убежал, и что он ему обеспечил лучшую охрану, какую он только мог, если сеньор потребует от него клятву и если он осмелится ее принести, то он будет от этого (обвинения) освобожден'.

Придаточное дополнительное после декларативного глагола употребляется здесь трижды. Всякий раз в нем формулируется обоснование невиновности подвассала, описывается все, что он сделал, чтобы надлежащим образом выполнить свои обязанности, и это перечисление усиливается еще и употреблением сочинительного союза *et*,

основной функцией которого является соединение одноплановых предложений. Четвертое же *que* вводит придаточное иной природы — придаточное относительное. Данный пример показывает также, что каскадом мог употребляться не только союз *que*, но и союз *se*.

*Фразовые комплексы,  
включающие придаточное относительное*

Относительные придаточные предложения часто встречаются в старофранцузских правовых текстах. Они вводятся относительными местоимениями и уточняют антецедент, характеризуя какой-либо его признак<sup>1</sup>. Обычно выделяют два типа относительных придаточных предложений: определительные и пояснительные. Однако Ф. Менар делит относительные придаточные старофранцузского языка на определительные и обстоятельственные, которые могут иметь значение причины, условия, следствия или времени [Ménard, 1976: 88-89].

Так, в правовых текстах очень часто употребляются конструкции без антецедента, в которых придаточное находится в препозиции и вводится местоимением *qui*. Оно имеет обобщенное значение «всякий человек» и выражает условие, соответствуя словосочетанию “*si l'on*”:

- 3) *Qui enterre cors en autrui leu, et seurprant terre qui n'est pas soue, rent et amende soixante sols à la justice* (Plet, XXIV, 14: 279). — ‘Если кто-то хоронит тело в другом месте и захватывает землю, которая не его, то он возмещает и платит штраф шестьдесят су суду’;

---

<sup>1</sup> В. фон Гумбольдт писал: «Самым трудным для грамматического рассмотрения является синтетическое полагание, осуществляющееся в относительном местоимении. Два предложения должны быть связаны таким образом, чтобы одно являлось выражением всего лишь свойства какого-либо имени другого. Слово, посредством которого осуществляется эта операция, должно поэтому быть одновременно местоимением и союзом, представлять имя путем его замещения и управлять предложением» [Гумбольдт, 2001: 214].

- 4) *E ki enfreint la pais le rei en Merchenelahe cent souz les amendes* (Lois, 2: 2). — ‘И если кто-то нарушает королевский мир в Мерченелаэ, то он (платит) сто су штрафа’;
- 5) *Qui ne rent son cens à jor, il doit cinq sols d’amende. Qui ne rant ventes dedans les nuiz, il doit soixante sols* (Plet, XXIV, 44: 281). — ‘Если кто-то не отдает свой оброк (ценз) вовремя, он должен пять су штрафа. Если кто-то не отдает налог на продовольствие, продаваемое на рынке, он должен шестьдесят су’.

Н. М. Васильева пишет о том, что формальным признаком сложных предложений без антецедента является частое (а в некоторых случаях и обязательное) употребление в главном предложении соотносительного слова [Катагощина, Васильева, 1997: 152], выраженного личным местоимением, как в примере 5, или наречием *si*, как в примерах 6-7. Наш материал, однако, свидетельствует о том, что употребление в качестве соотносительного слова личного местоимения не было настолько частым. Гораздо больше встречается случаев, когда личное местоимение в главном отсутствует, как в примере 3.

Пример 4 интересен тем, что в главном предложении наблюдается эллипсис сказуемого. Это было возможно в старофранцузском языке, если то же сказуемое уже было представлено в первой части фразы. В нашем случае выпущено сказуемое, выраженное глаголом-связкой, которое может опускаться при препозиции предикатива: *les amendes sont cent souz* → *cent souz les amendes*.

- 6) *Ki Franceis ocist, e les humes del hundred nel prengent e meinent a la justise dedenz les viii jurs, pur mustrer k’il l’ait fet, si renderunt le murdre xlvi mars* (Lois, 22: 20). — ‘Если кто-то убил француза, и люди этой местности его не схватят, а приведут на суд через восемь дней, чтобы доказать, что он это сделал, то возместят за убийство сорок шесть марок’;
- 7) *De quatre chemins, ceo est a saveir Watlingestrete, Ermingestrete, Fosse, Hykenild, ki en aucun de ces quatre chemins ocist aucun ki seit errant par le pais, u assaut, si enfreint la pais le rei* (Lois, 26: 21). — ‘О четырех дорогах, а именно Ватлингестрете, Эр-

мингестрете, Фоссе, Хикенильд. Если кто-то на какой-нибудь из этих четырех дорог убьет кого-либо, кто путешествует по этой местности, или нападет, то он нарушает королевский мир’.

Примеры 6 и 7 представляют собой фразовые комплексы, в которых придаточное относительное находится на первом месте, а главное предложение занимает финальную позицию. Они разделены другими видами предложений, т. е. находятся в дистантной позиции. В примере 7 первая часть должна рассматриваться как заголовок статьи, и в других рукописях она отделена от содержательной части точкой и тире. В этой статье — два относительных придаточных предложения, первое из которых выражает условие, а второе находится в интерпозиции при антецеденте-дополнении первого придаточного, выраженного неопределенным местоимением *aucun*. Это своего рода «матрешечное» построение, когда одно придаточное является частью другого. Второе придаточное, уточняя обстоятельства наказуемого деяния и выражая временное значение (одновременность действий — убивает того, кто в данный момент едет по одной из перечисленных дорог), разделяет два однородных сказуемых первого относительного придаточного.

В примере 6 к придаточному относительному, стоящему в позиции, примыкает предложение, вводимое сочинительным союзом *et*. Однако в старофранцузский период во втором придаточном союз часто не повторялся, а вместо него использовался связующий элемент *et*. Это было характерно особенно для условных предложений и придаточных времени, причем в первом придаточном сказуемое стоит в индикативе, а во втором — в сюбжонктиве. По-видимому, данный случай как раз и представлен в примере 6: ‘если убьют француза и если люди не схватят убийцу’. Кроме того, такой фразовый комплекс осложнен придаточным дополнительным, что еще больше отдаляет придаточное относительное от главного предложения.

В обоих примерах главное предложение начинается с наречия *si*, которое Ф. Менар называет “adverbe de reprise” [Ménard, 1976: 186].

Это значит, что оно подхватывает мысль, служит опорой главного в случае, если придаточное находится в препозиции, но одновременно здесь реализуются и такие значения рассматриваемого наречия, как «так, таким образом», «тогда».

Однако основной массив относительных придаточных предложений составляют определительные предложения с антецедентом, который может быть выражен существительным одушевленным (*cil franc hom ki...; femme ki...; enfant qui..., les naifs qui...; testimonie ki...*), неодушевленным (*chatel dunt il est retez; les meubles qu'il a en sa possession; de sa terre dunt il est nez*) или абстрактным (*chose qu'il ne voile conuistre; rien qu'il die*). Большой пласт относительных придаточных составляют предложения с антецедентом — указательным (или неопределенным) местоимением в разных падежных формах: *en celui ki la mere iglise requereit; cil qui prendra larrun; envers celi ki dreit co est a avoir; devant ideo qu'il seit mis en guage / autresi ki faus jugement fait; et autre ki blasmé ait esté; aucun qui seit errant*. А. В. Кравченко, наблюдая за функционированием местоимений *этом, том*, отмечает, что при наличии в речевой ситуации единичного представителя какого-то класса предметов для его идентификации достаточно констатировать факт, что данный предмет является элементом речевой ситуации, т. е. что он воспринимается участниками речевого акта посредством органов чувств [Кравченко, 2004: 162-163].

В старофранцузском относительном предложении возможно разделение относительного предложения и его антецедента (примеры 8-10):

- 8) *Si femme est jugée a mort u a defaciun des membres, ki seit enceinte, ne facet l'um justice desqu'ele seit delivrée* (Lois, 33: 24). — 'Если женщина, которая беременна, приговорена к смертной казни или отсечению части тела, то пусть совершат правосудие после рождения ребенка'.
- 9) *Nuls ne receipt home ultra III nuis, si cil ne li command, od qui il fust ainz* (Lois, 48: 31). — 'Пусть никто не принимает у себя чужеземца (незнакомца) больше трех ночей, если только тот его не рекомендует, с кем он был раньше'.

- 10) *Mès se ordure est gitée grant, qui face damage grant, ou plaie, ou boce, qui face damage grant, en tele chose a gage* (Plet, XVII: 296). — ‘Но если выброшено большое количество отходов, которые причиняют неудобство, или (нанесена) рана, или горб, которые причиняют большой ущерб, то для таких вещей есть залог’.

В приведенных примерах относительное придаточное не просто стоит в постпозиции: оно находится внутри другого придаточного предложения (условного) и следует не за antecedентом-подлежащим, а за глагольной группой, приобретая пояснительное значение. В примерах 8 и 10 в придаточном относительном глагол употреблен в субжонктиве, по-видимому, потому что неопределенность antecedента влечет за собой использование этого наклонения: речь идет о любой женщине, о любых отходах. В примере 9 субжонктив обусловлен отрицанием в главном предложении.

#### *Фразовые комплексы, включающие придаточное условия*

Условные периоды преобладают в правовых документах, поскольку именно этот тип предложения полностью отвечает задачам, стоящим перед законодателем: описать правовую ситуацию и разъяснить, что происходит при определенных условиях. Можно утверждать, по-видимому, что условные предложения являются дискурсивным признаком указанных текстов.

Данный фразовый комплекс почти в половине случаев начинается с придаточного предложения условия с условным союзом *se* или временным *quand*, также служащим для выражения указанного значения. Л. Теньер такое придаточное называет обуславливающим, потому что в нем формулируется некоторое условие, а главное предложение — обусловленным, потому что оно выражает нечто, зависящее от определенного условия [Теньер, 1988: 579]. Подобное начало позволяет смоделировать исходную правовую ситуацию, которая формулируется в виде гипотезы, предположения (пример 1):

- 1) *Se gentilfame est hoirs de terre et ses sires soit morts, et elle ait ses hoirs, elle veille prendre doüere en la terre son seigneur; ce est*



*la tierce partie en la seüe* (Louis, 13: 380). — ‘Если благородная дама является наследницей земли и ее господин умер, а у нее есть наследники, (если) она хочет получить землю в наследство от мужа, то третья часть — ее’.

Статья начинается с гипотезы: излагается ситуация, когда благородная дама наследует землю. Диспозиция (муж умер, у дамы есть дети, тоже являющиеся наследниками, она — один из претендентов на наследство) выражается с помощью двух предложений, вводимых союзом *et* и одним бессоюзным предложением. Если в сложном предложении употребляется несколько придаточных одной природы, то подчинительный союз (в данном случае *se*) не повторяется, а заменяется союзом *et*, особенно если речь идет о придаточных условия и времени. Их зависимость от главного передается имплицитно с помощью смены наклонения (*présent du subjonctif: soit, ait, veille*). Санкция (жена получает треть земли своего мужа) формулируется в главном предложении, стоящем в конце фразового комплекса, в постпозиции по отношению к придаточному. Вводится оно указательным местоимением *ce* — своего рода коррелятом, отсылающим к придаточному предложению.

По мнению В. Г. Адмони, препозиция придаточного предложения (особенно характерная для многих языков препозиция условного придаточного) ясно показывает, что «цельное предложение еще не закончено. Создается коммуникативное напряжение, усиливающее структурную связанность этого предложения с главным» [Адмони, 1988: 180]. Препозиция придаточных условных предложений, способствующая структурному объединению фразы, — частое явление в старофранцузских статьях законов (см. далее примеры 3-5).

Предложения, вводимые союзом *et*, являются довольно распространенным способом представления элементов диспозиции. Количество таких предложений существенно варьирует и зависит от детальности описания правовой ситуации (пример 2):

- 2) *Se aucuns gens avoient enpensé à aler tuer un hons ou une femme, et fussent pris en la voie, de jours ou de nuits, et len amenast à la justice, et la justice lor demandast que il aloient querant, et il li*

*deissent que eus allasent tuer un hons, ou une femme, et il n'en eussent plus fet, jà pource ne perdroient ne vie ne membre* (Louis, 36: 402). — ‘Если какие-то люди задумали убить мужчину или женщину и были схвачены по дороге, днем или ночью, и их привели к судье, и судья их спросит, что они собирались делать, и они скажут, что они шли убивать мужчину или женщину, и они не осуществили этого, то за это не будут подвергнуты смертной казни или отсечению конечности’.

Л. Фуле и Ф. Менар отмечают, что когда два условных предложения следуют одно за другим, то союз *se* не повторяется, а заменяется сочинительным союзом *et*, при этом в первом случае глагол стоит в индикативе, а во втором — в субжонктиве (также в примере 1), т. е. наблюдается модальная асимметрия [Foulet, 1998: 294-295; Ménard, 1976: 197-198]. Ф. Менар рассматривает союз *et* как элемент связи (le ligament). Нам же представляется, что в правовом документе союз *et*, с одной стороны, отделяет гипотезу от диспозиции и, с другой, — вводит разные элементы диспозиции, исчерпывающе описывающие детали поведения субъектов права, важные для обоснования санкции.

Диспозиция может быть выражена главным предложением, следующим за придаточным условия, как в примерах 3-4:

- 3) *Se aucuns lierres, ou murtriers dit que aucuns soient ses compainz, il n'est pas pource prouvé, més la justice le doit bien prendre pour savoir se il li porroit recognoistre* (Louis, 33: 400). — ‘Если вор или убийца говорит, что некто является его сообщником, это не является доказанным, но правосудие должно его схватить, чтобы узнать, сможет ли он его опознать (на очной ставке)’;
- 4) *Gentishons se il n'a que filles, tout autretant prendra l'une comme l'autre, més l'ainée aura les heritages en avantage, et un coq, se il i est, et se il n'i est, V s. de rente, et guerra aux autres parage* (Louis, 10: 377-378). — ‘Если дворянин (человек благородного происхождения) имеет только дочерей, он должен разделить наследство поровну, но старшая получит преимущество: кроме своей доли, отеческий дом, если он есть, а если

его нет, 5 су ренты и обеспечивает наследством других (членов семьи) на правах равного наследования и пользования, оставляя землю под своим оммажем’.

В этих примерах санкция вводится противительным союзом *mais*. Союз *se*, употребленный в последней части фразового комплекса в примере 3, вводит косвенную речь, а в примере 4 действие санкции дополняется другими важными факторами: старшая дочь имеет преимущественное право на имущество и на замок (усадьбу в поместье), на ренту и должна гарантировать младшим право на наследство.

В примерах 3-4 сочинительный союз *mais* соединяет в единый фразовый комплекс два сложноподчиненных предложения с придаточным условия, вводимым союзом *se*. Фраза в них строится по схеме: придаточное / главное + *mais* + главное / придаточное. В первом сложноподчиненном предложении отмечается препозиция придаточного, которая создает *напряженное предложение* (термин В. Г. Адмони). Это требует введения последующих компонентов для разрешения напряжения и придания смысловой и грамматической завершенности всему высказыванию. Его противоположностью является второе, ненапряженное, сложноподчиненное предложение, начинающееся с главного. Союз *mais* здесь, с формальной точки зрения, противопоставляет эти два типа предложений. Кроме того, в примере 3 он противопоставляет две части фразы и с точки зрения функции, соединяя отрицание и утверждение: хотя показаний преступника недостаточно, но следует арестовать предполагаемых сообщников. В примере 4 роль (функция) союза *mais* заключается в уточнении элементов описываемой правовой ситуации. Такое его значение возможно благодаря этимологии союза: происходит от латинского *magis* ‘больше, более’ и в данном контексте может пониматься как ‘с той оговоркой, что’.

В старофранцузском языке противительный союз *mais* мог являться частью сложного союза *mais que (mes que)*, который имел значение ‘при условии, что; если только’, как в следующем примере: *En son fief se puet bien li gentius hons qui se doute tenir armes, et ses*

*amis aveques li, mes qu'il ne mesface a autrui...* (Beaum., 858: 438) — ‘В своем феоде может человек благородного происхождения, который боится, держать оружие и своих друзей с собой, только если (при условии, что) он не причиняет (причинит) вреда (зла) другому’. Здесь потенциальное отрицательное условие, ориентированное на план будущего, сочетается со значением ограничения.

С этим же значением (‘при условии, что; если только’) употребляется в условных предложениях и сложный союз *pour que*: *Murtre si est d'home ou de fame, quand en les tué en leur lict, ou en aucune maniere pour que ce ne soit en meslée* (Louis, 25: 391). — ‘Убийство — это когда мужчину или женщину убивают в своей постели или еще каким-нибудь способом, только если это не происходит в поединке’. И снова потенциальность условия подчеркивается глагольной формой в субжонктиве.

Гипотеза может выражаться и при помощи многозначного союза *quand* (пример 5):

- 5) *Gentisfame quand elle a eu enfans, ains qu'elle soit mariagée, ou quand elle se fait depuceler, elle perd son heritage par droit, quand elle en est prouvée* (Louis, 12: 379-80). — ‘Если дама благородного происхождения имела детей до того, как вышла замуж, или если она не была девственницей, то она теряет по закону право на свою долю наследства от отца и матери, если это доказано’.

Диспозиция в данном предложении маркируется союзом *quand*, повторяющимся два раза и имеющим значение *au cas où* ‘в случае если’, и сложным союзом, выражающим временные отношения *ains que*. В главном же предложении формулируется санкция (лишается своей части в наследстве отца и матери) с уточнением, что перечисленные в диспозиции факты должны быть доказаны.

Изложенная выше схема служит прототипом, инвариантом, на основе которого создаются другие описания правового события. Данная схема не существует в неизменном виде. Она подвижна, подвержена вариациям. Так, если в препозиции находится главное предложение, то это часто означает, что статья начинается с санкции (пример 6):

- 6) *Li lierres est pendables qui emble cheval, ou jument, et qui art meson de nuiz, et cil pert les iex, qui emble riens en monstier, et qui fait fausse monnoye, et qui emble soc de charrue, et qui emble autres choses, robes ou deniers, ou autres menües choses, il doit perdre l'oreille, du premier meffet, et de l'autre larrecin il perd le pied, et au tiers larrecin il est pendable: car l'on ne vient pas du gros au petit, més du petit au grand* (Louis, 29: 397-8). — 'Подлежит повешению тот вор, который крадет коня или кобылу и тот, кто ночью поджигает дом, и тому выкалывают глаза, кто крадет что-либо в монастыре и кто занимается фальшивомонетничеством, и если кто-то крадет лемех плуга и крадет другие вещи, одежду или монеты, или другие мелкие вещи, за преступление в первый раз ему отсекают ухо, а за второе преступление — ногу, за третье преступление он подлежит повешению: потому что идут не от большого к малому, а от малого к большому'.

В этом фразовом комплексе можно выделить четыре части: первая и вторая начинаются с санкции (указывается, кто подлежит повешению и кому выколуют глаза). Гипотеза и элементы диспозиции (*cheval, jument, de nuiz*) вводятся уже не придаточными, выражающими условие, а серией относительных придаточных предложений, соединенных сочинительным союзом *et*. Третья часть начинается с придаточных относительных, вводящих гипотезу. Главное же предложение находится в постпозиции, в нем не только формулируется санкция (*perdre l'oreille, le pied, être pendable*), но и определяются важные элементы диспозиции (*le premier meffet, l'autre larrecin, le tiers larrecin*).

Функции союза *et* здесь различны. В первой и второй частях он служит для соединения двух равноправных относительных придаточных, а в третьей — для соединения простых предложений, выступающих в роли главного для придаточного предложения. Отметим также, что в третьей части гипотеза, условие передаются с помощью относительного местоимения *qui*, имеющего неопределенную семантику. Эта статья интересна еще и тем, что, находясь

в начале выделенных частей (в примере убран курсив), *et* всякий раз вводит новый эпизод, т. е. является маркером перехода к следующему информационному блоку. Что касается четвертой части, она занимает особое место в данной норме права, объясняя градацию наказаний, и здесь союз *car* маркирует переход к объяснительному комментарию.

Представляется, что уже для ранних правовых документов ядерной структурой является конструкция с препозицией придаточного условия, соответствующая структуре правовой нормы. Обе части данной конструкции могут расширяться за счет присоединения новых предложений, связанных сочинительной или разного рода подчинительной связью. Это не исключает, конечно, использования в статьях законов других типов сложноподчиненных предложений.

*Фразовые комплексы,  
включающие придаточное времени*

Придаточные времени, описывая правовую ситуацию, уточняют внешнюю характеристику действия, а именно: время протекания действия придаточного предложения по отношению ко времени главного. Категория времени существенна для правовых отношений: в текстах законов оговаривается время появления в суде, время совершения преступления, вопросы, связанные с временной последовательностью событий и пр. Поэтому в правовых текстах представлено все разнообразие временных отношений и временных союзов. Часто употреблялись простые союзы *quand* и *com*<sup>1</sup>, которые служили основой для формирования аналитических сложных союзов и к которым могли присоединяться предлоги, наречия, указательные местоимения и другие союзы.

Семантика союза *quand* недифференцирована. Он может вводить придаточное, выражая разные временные отношения: одновременность действия с действием главного предложения (примеры 11-12)

---

<sup>1</sup> О многозначности союза *com* и обзор работ, посвященных истории изучения этого союза, см. [Morinière, Verjans, 2008].

или предшествующее действие по отношению к главному (примеры 13-15):

11) *Et quant les parties vendront à ce jor, li demandierres fera sa demande, et celui à qui len demande, respondra, à cel jour meismes, se ce est de son faict* (Louis, 1: 363). — ‘И когда стороны придут в этот день, истец изложит свою жалобу, а тот, с кого спрашивают, ответит в тот же самый день, его ли это деяние’.

12) *Et quand il voldra faire sa clameur, que len li die* (Louis, 3: 369). — ‘А когда он захочет подать жалобу, пусть ему скажут’.

В этих примерах наблюдается полная одновременность, действия протекают параллельно, на что указывает и параллельное употребление времен в главном и придаточном предложениях. Кроме того, в примере 11 употребляются обстоятельства времени, подчеркивающие, что действия должны произойти в один и тот же день (*à ce jor; à cel jour meismes*). Н. М. Васильева пишет о том, что выражение одновременности мало характерно для союза *quant*, так как его основная функция — обозначение временной последовательности [Катагощина, Васильева, 1997: 156], однако наши наблюдения показывают, что в правовых текстах союз *quant* довольно часто выражает одновременность действий.

Отметим также, что в примерах 11-13 придаточное, вводимое союзом *quand*, находится в начале сложного предложения, выражая таким образом тему всего высказывания.

Частичная одновременность могла передаваться союзом *com*, например: *Pierres assailli mon frère, et nuitantre, si comme il aloit sa voie comme prodom en sa besogne* (Plet, IV: 289). — ‘Пьер напал на моего брата ночью, когда он шел своим путем, как честный человек, по своей нужде’. Здесь одно действие происходит в момент, когда разворачивается другое, что отражено в употреблении времен: *passé simple* — *imparfait*.

Рассмотрим далее примеры, когда союз *quand* вводит придаточное, в котором действие происходит раньше действия главного предложения:

- 13) *Quand li pere et la mere et l'aiol et aiole seront mort, elle a en ces choses son doïere, et en toutes autres escheoites, fussent de freres, ou de serors, ou de oncles, ou de neveux, ou d'autre lignage* (Louis, 20: 386). — 'Когда отец и мать, и дедушка, и бабушка (мужа) умрут, она (жена) получит в наследство от мужа их имущество и от всех других наследств по боковой линии, будь то от братьев или сестер, или от дядей или от племянников, или от других родственников'.
- 14) *Gentisfame, quand elle a e enfans, ains qu'elle soit mariagée, ou quand elle se fait dépucler; elle perd son heritage par droit, quand elle en est prouvée* (Louis, 12: 379-380). — 'Знатная женщина, когда (если) она родила ребенка, прежде чем она вышла замуж, или когда (если) она лишилась невинности, теряет право на получение своей доли наследства от отца и матери, когда она в этом будет изобличена'.

В примерах 13-14 временной план главного и придаточных предложений различается. В примере 13 в придаточном — *futur antérieur*, в главном — *présent*: употребление времен показывает, что действие придаточного предложения происходит раньше действия главного. В примере 14 три придаточных вводятся союзом *quand*. В первых двух придаточных этот союз может иметь условное значение (см. с. 132) 'в случае если'. Внутри первого придаточного находится еще одно придаточное времени, выражающее следование по отношению к действию придаточного с *quand*, и вводимое сложным союзом *ains que*. Однако, на наш взгляд, третье придаточное с союзом *quand* отражает не условие, а время — женщина теряет право на наследство после того, как это будет доказано.

- 15) *Et se aucuns est souspçonneus de tel meffet, ou d'autre semblable, dont il deust perdre vie, ou membre, et il s'en fust allés hors du païs, et venist après, quant les sept jours et les sept nuits, et les quinze jours et les quinze nuits et les quarante jours et et les quarante nuits fussent passez, et il venist à la justice, il li deist que aussitost comme il sot que len l'ot appelé à droit, il estoit venu pour soi deffendre* (Louis, 26: 393). — 'И если кого-то подозре-



вают в таком преступлении или в других похожих, в которых лишаются жизни или части тела, а он ушел из этой местности и пришел после, когда семь дней и ночей, пятнадцать дней и ночей, сорок дней и ночей истекли, и он пришел к судье и сказал ему, что как только он узнал, что его вызывают в суд, он пришел, чтобы себя защитить’.

В примере 15, помимо придаточного условия и относительного придаточного, — два придаточных времени, выражающих предшествование. Одно из них с союзом *quand*, другое — со сложным союзом *aussitost comme*. Корреляция простых и сложных форм глагола в придаточном и главном предложениях также является признаком предшествования. Но союз *aussitost comme* дополнительно уточняет, что действие придаточного непосредственно предшествует действию главного, тогда как союз *quant* этих смысловых оттенков не имеет.

В старофранцузских правовых текстах для указания на одновременность действий, их предшествование или следование использовались сложные союзы, образованные на основе союзов *que* или *com* по модели: предлог/наречие + *que/com*. При этом часто предлог или наречие присоединялись не прямо к союзу, а через указательный элемент *ce*.

Одновременность действий главного и придаточного предложений выражается при помощи союзов *tant com* и сложного союза, образованного на основе существительного, *a totes les foiz que* (примеры 16-17):

- 16) *...ne leist a seinurage departir les cultivurs de lur terre, pur tant cum il pussent le dreit servise faire* (Lois, 29: 23). — ‘...не следует сеньору убирать земледельцев с их земли, все то время, пока (до тех пор пока) они могут назначенные повинности выполнять’.
- 17) *A totes les foiz que beste en quatre piez fet doumage, ou oisel privé, an issant hors, de ce, qu’an doit fere sanz la cope son seignor?* (Plet, XLVIII: 322) — ‘Всякий раз, когда животное наносит ущерб или домашняя птица, выйдя наружу, без вины хозяина в этом, что нужно делать?’

Помимо временного значения, эти союзы обозначают также видовые оттенки: неопределенная длительность при полной одновременности (*tant cum*) или повторяющееся действие (*a totes les foiz que*).

Предшествование действия в придаточном предложении передается с помощью специализированных сложных союзов: *après ce (ico) que (enprès ce que)*, *puis que*, *despuis que*, *aussitost que*, *tantost com*, *desque* (примеры 18-20, 26):

- 18) *...e que nul nel prust devant le terme de vi meis après ico que l'aveir fu emblé* (Lois, 46: 30). — '...и что никто не принимает доказательства по истечении шести месяцев, после того как имущество было украдено'.
- 19) *...tous ces deivent morir, et ne les det laisser vivre en la seignorie, par dreit, depuis qu'il les counut* (Ass., 278: 210). — '...все они должны умереть, и не должно их оставлять в живых в сеньории, по закону, после того (с того момента) как их узнали'.
- 20) *Et puis qu'il dit enci à nostre Seigneur le Perre au ciel, si deit estre entendu en terre, par dreit, que au cors mort deit douner le seigneur la vengeance de terre, tele com est establee por tous coumunaument* (Ass., 274: 207). — 'И с того момента, как он сказал так нашему Господу Отцу небесному, он должен быть услышан на земле, по закону, что за мертвое тело должен сеньор дать отмщение на земле так, как установлено для всех повсюду'.

Союз *après que* выражает простое предшествование, а союзы *aussitost com* (пример 15), *tantost com* (пример 26), *desque* (пример 8, с. 127) указывают на действие непосредственно предшествующее действию главного предложения. Придаточные с этими союзами (как и придаточные с союзом *despuis que*) могут находиться в препозиции и в постпозиции по отношению к главному предложению. Тогда как для союза *puis que*, который как и *despuis que*, образовавшийся позднее на его основе, выражал предшествование (от лат. *postquam* 'после того как') и, кроме того, указывал на начальный мо-

мент действия, была характерна препозиция по отношению к главному: он вводит уже известную информацию (пример 20). Главное же предложение при отсутствии подлежащего начинается с наречия *si*, которое служит средством связи между предложениями (его можно было бы перевести как ‘таким образом, тогда, при этих условиях’) и обеспечивает смысловое единство главного и придаточного предложения, поскольку постпозиция главного ослабляет связь между ними (см. также с. 113).

Временное отношение следования, когда действие придаточного происходит после действия в главном предложении, выражается в правовых текстах значительно чаще отношений одновременности и предшествования, соответственно более разнообразны и специализированные союзы, выражающие это отношение. Данные союзы можно разделить на две группы: а) союзы, которые обозначают простое следование, и б) союзы, обозначающие достижение предела. К первой группе относятся союзы *avant que*, *devant que*, *ains que*, *ainçois que* (примеры 14, 21-23):

21) *Hons qui occit autre en meslée et puisse monstrer plaie que cil li ait faite avant qu'il l'ait occis, il ne sera pas pendu par droit...* (Louis, 27: 395) — ‘Человек, который убил другого в схватке (поединке) и может показать рану, которую тот нанес ему, до того как он его убил, не будет повешен по закону’.

22) *...et la justice deïst, ne vous en allés pas devant que vous l'aiez asseuré...* (Louis, 37: 403) — ‘...а судья говорит: «Не уходите, до того как вы ему гарантируете безопасность»’.

23) *L'en dit que oïl, ançois qu'il repoingne* (Plet, XXXVII: 312). — ‘Говорят, что да, до того как он спрячется’.

После союзов следования в придаточных употребляется субжонктив, как в приведенных примерах. Действие при этом воспринимается как предполагаемое или ожидаемое, а для того чтобы подчеркнуть завершенность действия в придаточном, простые формы субжонктива заменяются сложными (примеры 21-22, 25). Ф. Менар отмечает, что если главное предложение стоит в утвердительной форме, то придаточное вводится союзами *avant que*, *ains que*, *ainçois*

*que*. Если же главное отрицательно, то используется союз *devant que* [Ménard, 1976: 218]. Наш материал это подтверждает.

Во вторую группу входят союзы *tant que*, *jusque* и его усиленные формы и варианты *jusque que*, *jusques a tant que*, *dusque*, *dusques a tant que*; *d'ici que* (примеры 24-25):

24) ...*la raizon juge et coumande à juger que jà home ne feme ne li en doit respondre de rien, de bateure, ou d'assaut, ne de honte, jusque que il soit d'aage de quinze ans; car nul enfant merme d'aage ne prent droit, ne ne donne droit, tant que il ait quinze ans d'aage* (Ass., 272: 206). — ‘Правосудие судит и требует судить таким образом, что мужчина или женщина не должны нести ответ ни за что, ни за удары или за нападения или за позор, до тех пор пока он (ребенок) не достигнет возраста пятнадцати лет; поскольку никакой малолетний не может обращаться в суд и подлежать суду, до тех пор пока ему не исполнится пятнадцать лет’.

25) *Ne prenge hum nam nul en conté ne defors, d'ici qu'il eit tres foiz demandé dreit el hundred u el conté* (Lois, 44: 29). — ‘Пусть не берут никакой залог в графстве или вне его, до тех пор пока он (потерпевший) не обратился трижды за правосудием в сотню или в графство’.

В примере 24 союзы *tant que*, *jusque* употреблены как синонимичные, обозначая в аналогичных контекстах временной предел. Придаточные с этими союзами регулярно находятся в постпозиции, потому что грамматически (употребление наклонений) и семантически они тесно связаны с главным предложением, зависимы от него. Как пишет Н. М. Васильева, действие придаточного воспринимается как еще не имевшее места до действия главного [Катагощина, Васильева, 1997: 158].

26) ...*car qui tient en douaire il doit aquitier ce qu'ele en tient ou renoncier a son douaire avant qu'il i ait nus arrierages, et tantost comme ele avra renoncé l'oirs i puet entrer comme en son eritage* [Beaum., 863: 440]. — ‘...поскольку та, кто получает наследство от мужа, должна платить за то, что получено или

отказаться от своего наследства, прежде чем образуются какие-либо недоимки, и как только она откажется, наследник может вступить в наследство’.

В этом фрагменте выражаются и отношения предшествования, и отношения следования. Придаточные в нем зависят от разных частей фразового комплекса. Предшествование передается с помощью союза *tantost comme* и сложной временной формы (*futur antérieur*), на данные отношения накладывается еще и видовое значение завершенности действия. Такое придаточное находится в препозиции и выступает в качестве темы для своего главного предложения, маркером чего служит повтор глагола *renoncer*. Следование выражается союзом *avant que* и формой субжонктива, причем действие мыслится как еще не реализованное, но потенциально возможное; придаточное здесь находится в постпозиции и тесно связано со своим главным предложением. Эти две части фразового комплекса, выражающие противоположные темпоральные значения, соединены союзом *et*, усиливающим связь между частями высказывания, приобретающая значение ‘и тогда’.

*Фразовые комплексы,  
включающие придаточные причины и следствия*

Л. Теньер, описывая виды придаточных причины, выделяет следующие их семантические варианты: 1) придаточное причины, делающее упор на причине, которая объясняет процесс, обозначенный в главном предложении; 2) причинно-следственное придаточное, которое одновременно указывает на то, что причина влечет за собой некий процесс как следствие и что это следствие не является неожиданным [Теньер, 1988: 576]. Такие сложные предложения описывают ситуацию, когда причина называется в придаточном, а следствие — в главном предложении. Придаточные причины широко распространены в старофранцузских правовых текстах, поскольку с их помощью разъясняются причины противоправного поведения людей или те, по которым законодатель выбирает то или иное решение, определяет то или иное наказание.

В старофранцузском языке не было какого-то одного, ядерного, союза для выражения причинных отношений, поэтому причинных союзов было много (см. [Bertin, 1997]). Главным способом их образования стала модель: предлог + *que*, между частями которой часто вклинивалось указательное местоимение *ce*. Среди сложных союзов, вводящих придаточные причины, в правовых текстах выделяется союз *por ce que* (*pour ce que*), в котором причинное значение имеет предлог *por* (*pour*), но то же значение имел и предлог *par*, который затем и вытеснил форму *por ce que*, заменив ее союзом *parce que*. В правовых документах встречаются оба эти союза (примеры 27-29):

27) *Il sont apelé commun, porce que il est ostroïé à chescun dou pueple que il la mantaigne* (Plet, XXV: 283). — ‘Их называют общими, потому что обязан каждый человек их поддерживать’.

28) *Et li sires ne li püet asseoir qu’un roncin de service, pour ce que li fiés est issu de parage* (Louis, 44: 411). — ‘Но сеньор может потребовать только одного боевого коня, потому что феодал вышел из общего рода’.

29) *...car mout de simple gent pourroient estre deceu parce qu’il s’en iroient de prison par respit et ne savroient pas le peril qui est en prison brisier* (Beaum., 849: 435). — ‘...поскольку много простых людей могут быть обмануты, потому что они уйдут из тюрьмы по отсрочке и не узнают об опасности быть обвиненными в том, что они нарушили условие отсрочки (они вернутся в тюрьму, если не смогут заплатить)’.

В этих примерах союзы *por ce que*, *par ce que* вводят объективную причину известного факта, изложенного ранее. Придаточные предложения находятся в постпозиции, потому что именно в них излагается новая информация. А. Бертен-Дельбэ, анализируя употребление союзов *por ce que*, *puis que* и *car*, вообще приходит к выводу, что только союз *por ce que* способен регулярно представлять мотив как новую информацию [Bertin-Delbey, 1988: 6].

Н. М. Васильева считает, что препозиция для придаточных с *por ce que* более типична, чем постпозиция [Катагощина, Васильева, 1997:

161], однако наш материал показывает обратное. Хотя препозиция придаточного с *por se que* также возможна. Так, например, подобные случаи отмечаются в преамбуле к «Уложению святого Людовика», когда обосновывается необходимость создания указанного «Уложения...», действующего на территории всего королевства: *por se que* вводит причины морального порядка (см. пример на с. 25-26), а именно деградация нравов; далее, повтор этого союза смещает акцент на причины, связанные с желанием власти установить закон и порядок на территории, подвластной королю. В целом, на наш взгляд, препозиция придаточных с *por se que* выполняет здесь функцию эмоционально-логического выделения: она позволяет поместить данную часть высказывания в фокус, сосредоточить все внимание именно на причинах, повлекших за собой создание этого документа.

Союз *puis que* в старофранцузских текстах права употребляется и как временной, и как причинный. Категория причинности связана с категорией времени: предполагает предшествование, каким бы незначительным оно не было, причины следствию. Следствие следует за причиной. Эта связь между временем и причинностью делает возможным употребление временных союзов в качестве причинных<sup>1</sup>. Ф. Менар пишет о том, что *puisque* обозначает причину, которая оправдывает утверждение, напоминая о факте, известном собеседнику, и устанавливая неоспоримое причинно-следственное отношение [Ménard, 1976: 212]<sup>2</sup>:

30) *Se un larron est ataint en la cort de larrecin et l'on treuve celui larron flastry ou aucun membre copé, la raison juge que itel larron, **puisque** l'on le repret en larrecin arieres, il det estre menés et pendus, par dreit et par l'assise (Ass., 299: 223). —*

---

<sup>1</sup> О связи категории причинности с категорией времени, модальности, места, сравнения и возможности метонимического переноса при образовании союзов, выражающих причину, в разных языках см. [Hаблер, 2008: 100-102].

<sup>2</sup> “...indiquant la cause spécifique qui justifie une assertion en rappelant une donnée de fait connue de l’interlocuteur et en établissant de manière indiscutable un rapport de cause à effet”.

‘Если некий вор обвинен в суде в воровстве и обнаруживается, что этот вор уже заклеен или лишен конечности, правосудие решает, что такой вор, раз (так как) его обвиняют в повторной краже, должен быть повешен по закону и установлению’.

- 31) *Et li vavassor doit dire as autres aparageors que eus vieignent à tel jour voir fere l'aide, et se li aparageor n'i viennent, il ne leront pas por ce à mettre, puisqu'ils y sont semons* (Louis, 41: 409). — ‘И подвассал должен сказать другим младшим наследникам, чтобы они пришли в такой-то день оказать денежную помощь (барону), а если младшие наследники не придут, они не дадут из-за этого возможность заплатить их долю, поскольку (раз) они были предупреждены’.

В примере 30 таким известным фактом является клеймение или увечье, свидетельствующие о том, что судимый взялся за старое, а в примере 31 — факт предупреждения о том, что младшие наследники должны внести свой вклад в денежный налог, который барон требует со своего вассала. В обоих примерах из придаточного причины вытекает неизбежное следствие, которое в примере 30 подчеркивается еще и препозицией придаточного предложения по отношению к главному.

В отличие от *por ce que*, союз *puis que*<sup>1</sup> не привносит новую информацию. Пропозиция придаточного предложения может представлять собой повтор какого-либо элемента предшествующего контекста. В примере 30 это употребление термина *larrecin* и глагола с префиксом *re-*, имеющего значение «повторение, возобновление действия», так же как и наречия *arieres*, или же отсылает к изложенной ситуации и часто включает глаголы речи, как в примере 31.

Союз *com* также был многозначным и мог выражать причину, несмотря на распространенное мнение о том, что употребление названного союза в этом значении было исключением в данный период [Ménard, 1976: 212; Bertin-Delbey, 1987: 35], в правовых текстах по-

---

<sup>1</sup> О грамматикализации этих союзов см. [Haßler, 2008: 109-111].



добные придаточные вовсе не являются исключительным явлением. Часто такой союз вводит очевидную причину:

- 32) *Et l'en respond que ce n'est pas demande, cum nus n'est veuz morz, s'il n'est veuz morz, ou s'il n'est veuz morir* (Plet, II: 288). — 'И ему отвечают, что это не жалоба, так как никого не видели мертвым, если он не увиден мертвым, или если не видели, как он умер'.
- 33) *A ce lui demendierre dit: Comme il set qu'il a ce fet, et il le cèle, il est lerres et traitres...* (Plet, XVIII: 297) — 'На это ему истец говорит: «Так как он знает, что он это сделал и скрывает это, он — вор и предатель»'.
- 34) *Et ains doit dire en telle maniere, comme vous vous fussiez mis en droit et coulé en jugement, seur toutes demandes, et sur tieuz defenses en requerant droit, (et les doit retraire), pour ce que vous les avez proposées, et que vous avez repondu à la demande ne tardés pas ces preudomes qui ci sont, se il vous esgarderont loyaument, et par droit jugement...* (Louis, 15: 597) — 'И тогда нужно сказать так: «Так как вы обратились в суд, требуя разбирательства по таким-то жалобам и таким-то защитам (и он должен их назвать), поскольку вы их уже изложили и ответили на жалобу, не задерживайте этих доблестных судей, которые здесь находятся, чтобы они рассмотрели ваше дело законным порядком и вынесли правильное решение»'.

В правовых текстах позиция придаточного, вводимого *comme*, нестабильна: оно может находиться в препозиции (примеры 33-34) или постпозиции (пример 32) по отношению к главному (в отличие от современного языка, где придаточные с *comme* всегда в препозиции). Придаточное включает объяснение какого-либо факта, содержащегося в главном предложении, но новую информацию несет все сложное предложение. В примере 34 содержатся три придаточных причины с союзами *comme*, *pour ce que* и *que*. Второе и третье придаточные разъясняют, уточняют, что было сделано в ходе судебного разбирательства. Это и является причиной того, почему не нужно задерживать спорами судей в делах, связанных с оспариванием наследства или

движимого имущества. В приведенном примере союз *pour se que* вводит не новую, а известную информацию. Однако данное значение для него только возможность, а не константа.

Очень распространенным простым союзом, способным эксплицитно выражать причинное отношение между предложениями и связывать их сочинительной связью, был союз *car*<sup>1</sup>. Он встречается в большинстве статей законов. В примерах 35-36 этот союз вводит предложение, в котором объясняется причина известного факта: в примере 35 в качестве такого факта выступает жалоба на оскорбление или побои, а в примере 36 — нападение по причине ненависти или с целью ограбления:

35) *Sire, (fet li autres) je ne vüel pas à lui respondre, car je n'ay point de jour à sa plainte...* (Louis. 103: 491) — ‘Господин (говорит другой), я не хочу отвечать на его жалобу, потому что мне не дали времени, чтобы это сделать’.

36) *...et s'il, en soi defendant, en met aucun a mort, on ne l'en doit riens demander; car il le fet pour la mort eschiver* (Beaum., 888: 450). — ‘...и если он, защищая себя, убьет кого-либо из них, не нужно проводить никакого расследования, потому что он это сделал, чтобы смерти избежать’.

Однако вышеупомянутый союз был многозначным, и значение причины, как в примерах 35-36, не единственно возможное. Чаще всего этот союз вводит пояснительный комментарий, объясняет, разъясняет, обосновывает, мотивирует или вводит отношения следствия (примеры 37-38):

37) *Li sages escrit que l'en ne doit condempner nul home por sopeçon; car melz est que l'en lest à punir les mesfeteurs, que il n'est que l'en condempne ceus qui n'ont riens mesfet* (Plet, XXIV: 277). — ‘Мудрец пишет, что не следует осуждать никого по подо-

---

<sup>1</sup> Д. Капен и Ж. Гликман в своем исследовании, посвященном употреблению *car* в императивных высказываниях, отмечают, что в иберо-романском регионе также наблюдается употребление причинного *car* в средневековых юридических текстах [Capin, Glikman, 2015: 16].

зрению, значит, лучше наказывать преступников, чем тех, кто никакого преступления не совершил’.

- 38) *...et se il le fesoit, il en perdrait sa justice: car la justice si n'est mie au vavassor* (Louis, 31: 399). — ‘...а если он это сделает, он потеряет свое право вершить правосудие: поскольку это право принадлежит не подвассалу (а барону)’.

А. Бертэн-Дельбэ в своей статье, посвященной функционированию причинных союзов в XII-XIII вв., отмечает, что сочинительно-подчинительный союз *car* позволяет услышать голос рассказчика [Bertin-Delbey, 1988: 9] (в нашем случае — законодателя). Таким образом, этот союз выполняет особую дискурсивную функцию.

Близкие значения может иметь выражение *pour quoi* (*pourquoi*, *por quoi*), также часто встречающееся в правовых текстах. Оно способно выражать причинное отношение (пример 39), но также может служить и для пояснения (пример 40):

- 39) *Et se elle ne li tenoit, cil li porroit oster par droit, pourquoi ce fust en sa defaute, que li manoirs fust empiriés...* (Louis, 16: 382) — ‘А если она не будет содержать его в хорошем состоянии, у нее его могут отнять по праву, потому что это было бы ее упущение, если бы поместье пришло в упадок’.

- 40) *Et se li larcins avoit esté fait en la terre à aucun vavasseur, pourquoi li vavasseur ait voüerie en sa terre, ses sires li devoit rendre, o les II sols VI deniers paians, que il auroit rendus au baron* (Louis, 41: 408). — ‘Но если кража была совершена во владениях некого подвассала, а значит, подвассал имеет свой суд на своей земле, его господин должен вернуть с 2 су 4 денье, которые он вернет барону’.

Сложные предложения с **придаточным следствия** описывают ситуацию, в которой причина называется в главной части, а в придаточной представлено вытекающее из нее следствие, результат. Следствие может выступать как отрицательное и как утвердительное. Оно всегда постпозитивно (примеры 41-43):

- 41) *Uns hons si dit que uns autre a ocis un sien coisin an murtre, isint qu'il le féri par derrière dou costel, si que ne vit pas le cop*

*venir; et de ce cop il mori...* (Plet, VI: 290) — ‘Так, некий человек говорит, что некто другой вероломно убил его кузена таким образом, что он его ударил сзади ножом, так что тот не увидел наносимого удара; и от этого удара он умер’.

- 42) *Traïsons si est que quant l'en ne moustre pas semblant de haine et l'en het mortelment si que, par la haine, l'en tue ou fet tuer; ou bat ou fet batre dusques a afoleure celui qu'il het par traïson* (Beaum., 826: 430). — ‘Вероломство (предательство) — это когда не показывают ненависть, но смертельно ненавидят, так что из ненависти убивают или заставляют убить, или бьют, или заставляют бить до синяков (ушибов) того, кого вероломно ненавидят’.
- 43) *En sa voie porroit len un home murtrir; se len le feroit, si qu'il en morust, sans menacier; et sans tanchier à lui, et sans li defier* (Louis, 25: 391). — ‘Виновны в убийстве, когда на дороге, без спора, без угроз и без ссоры, ранят человека, так что он от этого умер’.

Придаточные следствия могут в старофранцузский период вводиться просто союзом *que*, а если к нему добавляются коррелятивные элементы (*si, tant, tel*), свидетельствующие об отношениях следствия, они могут обозначать способ действия, следствие и интенсивность действия. В примерах 42-43 *si que* выражает именно простое следствие. В примере 41 структура фразового комплекса более сложная: за главным предложением следует придаточное образа действия, вводимое сложным союзом *issint que*. Придаточное второго порядка с союзом *si que* обозначает следствие, вытекающее из действия, выраженного первым придаточным предложением. Но в этом комплексе есть еще одно следствие, выраженное с помощью сочинительного союза *et* и обстоятельством, в котором повторяется существительное *cop*. Таким образом, итоговое следствие повторяет то, что уже было сказано в предыдущих предложениях. Однако эту избыточность можно считать оправданной, поскольку необходимо уточнить все обстоятельства происшедшего для того, чтобы правильно квалифицировать преступление, поскольку вероломное убийство — отягчающий факт, влияющий на определение наказания.

*Фразовые комплексы,  
включающие придаточное уступки*

Уступительные придаточные предложения, изучению которых было посвящено фундаментальное исследование О. Суте [Soutet, 1992], вводят факт, который мог бы являться препятствием для действия главного предложения. Они часто выражают противительные отношения между главным и придаточным [Басманова, Тарасова, 1986: 169; Реферовская, Васильева, 1983: 247; Ménard, 1976: 240]. Л. Теньер рассматривает уступительные придаточные как результат семантической инверсии придаточного причины, как противоположность причинного предложения [Теньер, 1988: 587]. Уступительные предложения во французском языке отличаются употреблением в них сослагательного наклонения. Н. М. Васильева говорит о том, что предложения с отношением уступки в старофранцузский период встречаются реже, чем остальные предложения обстоятельственной семантики, что система уступительных союзов была бедной до XIII века [Катагощина, Васильева, 1997: 170]. Однако это не соответствует той картине, которую мы наблюдаем в правовых текстах: в них уступительные отношения представлены довольно широко (о бессоюзных предложениях, выражающих уступку, см. п. 3.2.1).

Во главе уступительного придаточного предложения часто стоят наречия времени *ja, encore* или наречия интенсивности *tout, tant, bien*, формируя союзные выражения с глаголом *estre* в *présent* или *imparfait du subjonctif* (примеры 44-46):

- 44) *Encores fust ce que les voisins ne les veysent issir de la maison de celui home ou de cele feme, mais qu'il oyssent le cry après le larron, ou veysent le larron saisi de la robe qu'il avet emblée... et les voisins veillent jurer sur sains qui l'eussent veu celui larron geter la robe et fuir, si com est dit desus, le larron deit estre ataint sans bataille* (Ass., 246: 185). — 'Несмотря на то, что (хотя) было бы так, что соседи не видели, как он выходит из дома того мужчины или той женщины, но они слышали крики о воре или видели вора с похищенным... и соседи хотят по-

клясться на святых, что они видели, как этот вор бросил похищенное и побежал, как было сказано выше, вор должен быть осужден без поединка’.

- 45) *Toutes les amendes qui sont dites en cest livre de .V. s. par la coustume de Clermont ne sont a La Vile Nueve en Hes ne a Saci le Grant que de .XII. d. par le lonc usage qu’il en ont, tout soit ce qu’eles soient des membres de la contée* (Beaum., 882: 446). — ‘Все возмещения, о которых сказано в этой книге, в 5 су, по обычаю Клермона, составляют в Ла Нёвиль ан Эз или в Сасиле Гран 12 денье по длительному применению, которое они имели, хотя они являются частью графства’.
- 46) *Se la place est huée à aller, tu i es tenuz; et se non, non; jà soit ce que l’en demende que l’en doit clorre tel chose* (Plet, XLVIII: 321). — ‘Если это место предназначено для прохода, ты за это отвечаешь; если нет, нет; хотя потребуют, что нужно закрыть такую вещь (яму)’.

В примере 44 придаточное уступки выражает потенциальный факт, а в примерах 45-46 — реальный.

В примере 44 уступка вводится выражением *encores fust ce que*, за которым следует ряд придаточных предложений, в которых формулируются обстоятельства, которые могли бы помешать вынесению приговора, но которые с точки зрения закона таковыми не являются. Уже само наречие времени *encore* могло употребляться как уступительный союз *quoique* со значением ‘хотя’, по данным словаря старофранцузского языка [Greimas, 1992], а в этом примере оно является частью союзного выражения. Необходимым элементом таких составных союзов был указательный компонент *ce*, выступающий в качестве соотносительного с *que*. Это союзное выражение обозначает ограничительную уступку, подчеркивая, что выполнение одного действия не мешает тому, чтобы оказалось возможным и другое.

Словосочетание *ja soit (ce) que* широко использовалось в старофранцузском языке для выражения уступки. Ключевым элементом в нем было наречие времени *ja*, которое могло обозначать совпадение времени действия с временем сообщения о нем и соотноси-

лось с планом настоящего (*maintenant* ‘теперь’), прошедшего (*déjà* ‘уже’) и будущего (*aussitôt* ‘тотчас’) [Greimas, 1992: 321]. О. Суте, анализируя компонент *ja* в выражении *ja soit (ce) que*, приходит к выводу, что *ja*, не различая временной план, охватывает время в его целостности, и это позволяет возводить уступительное выражение *ja soit (ce) que* р к возможному исходному толкованию: «что р находится в каком-то моменте времени (в каком захочет говорящий)»<sup>1</sup> [Soutet, 2008: 129].

Помимо союзных выражений, использовались также сложные союзы, образованные на основе союза *que*, в состав которых могли входить предлоги и относительные местоимения: *sans ce que, qui que, quel que*:

47) *S'il avient que aucuns hom ou aucune feme vende sa maison, celui qui l'achete, **qui que** il soit, det douner à la cort I besan et I rabouin por la vente, par dreit et par l'assize* (Ass., 302: 224). — ‘Если случается, что какой-то мужчина или женщина продает дом, тот, кто его покупает, кто бы он не был, должен дать двору одну золотую византийскую монету и монету в три су за продажу, по закону и установлению’.

48) *...il ne sera pas pendu par droit, fors en une maniere que se aucuns du lignage l'appelle de la mort de celui et li meist sus, **sans ce que** cil l'eust feru ne navré...* (Louis, 27: 395) — ‘...он не будет повешен по закону, если только кто-нибудь из родственников умершего не обвинит его в смерти того и не вменит ему в вину, что он его убил без того, чтобы тот его ударил и ранил’.

В примере 47 уступка характеризует подлежащее. Она входит в состав относительного придаточного предложения и находится в постпозиции, так же как уступительное придаточное предло-

---

<sup>1</sup> “... *ja* embrasse la totalité du temps. Selon nous, c’est là que se situe l’origine extensionnelle présumée des tours concessifs en *ja* + subjonctif en général et de la locution *ja soit (ce) que* en particulier. On est donc fondé à supposer une glose originelle possible de *ja soit (ce) que* p du type “que p soit en quelque moment du temps (qu’on voudra)””.

жение с союзом *sans ce que* в примере 48, где уступка касается важных обстоятельств происшествия, позволяющих трактовать его как преднамеренное убийство или убийство, совершенное в целях самозащиты.

Сложные союзы *quel... que* и *qui... que* могли включать в свой состав существительное: *de quel forfait que hom oust fet* (Lois, 1: 1) — ‘какое бы преступление человек не совершил’; *en qui curt que ceo seit* (Lois, 24: 20-21) — ‘при чьем бы дворе это не было’: уступка здесь направлена на прямое дополнение и определение имени. Позиция таких придаточных не была четко фиксирована, они могли находиться в пре- и постпозиции, а уступительный союз *quel que* преимущественно употребляется перед глаголом *estre: per aventure quel que seit* (Lois, 19: 15) — ‘по случаю, каким бы он не был’. О. Суте в своих работах подчеркивает, что уступительное значение в таких союзах развивается на основе этимологического значения неопределенности (*valeur d'indéfinition*) [Soutet, 2008: 121-124; Soutet, 1992].

*Фразовые комплексы,  
включающие придаточные сравнения и образа действия*

Сравнительные придаточные и придаточные образа действия в правовых текстах вводятся либо одними и теми же союзами *comme, si comme*, либо сложными союзами, образованными на основе *comme* или *que: aussi comme, tel comme, si... que* (придаточные сравнения); *en tele maniere comme/que* (придаточные образа действия).

Придаточные **образа действия** довольно часто встречаются в правовых документах, но они однотипны и вводятся союзом *si comme*. В большинстве случаев они отсылают к тому, о чем говорилось ранее, в предыдущих статьях законов: *...si comme il est dit dessus* — ‘как сказано выше’; *...si comme nous avons dit dessus el titre de...* — ‘как мы сказали выше под заголовком’; *...si comme nous avons dit dessus par la coustume du país...* — ‘как мы сказали выше, согласно обычаю местности’.



Выражение *en tele maniere comme (que)* обычно употребляется в контексте, вводящем прямую или косвенную речь (пример 49):

49) ...*et li deist en telle maniere que li mort li eust donné commandement, et avoüerie, et atant porroit len jugeir une bataille d'aus d'eus...* (Louis, 27: 395) — ‘...и ему скажет таким образом, что умерший дал ему распоряжение и право на его защиту, и тогда можно назначить поединок между ними двумя’.

Но это выражение может вводить и придаточное, уточняющее манеру, способ, каким должно выполняться действие главного предложения (пример 50):

50) *Nepourquant l'en puet bien metre a mort autrui en tel maniere que l'en n'en pert ne vie ne membre ne le sien, en deux manieres: la premiere si est quant guerre est aouverte entre gentius hommes et aucuns ocist son anemi hors de trives et d'asseurement; la seconde maniere si est de tuer autrui seur soi defendant* (Beaum., 887: 449-450). — ‘Тем не менее можно предать смерти другого человека таким образом, что вследствие этого не потеряешь жизнь или часть своего тела, двумя способами: первый — это когда ведется война между благородными людьми и некто убивает своего врага не в период перемирия и передышки; второй способ — убить другого, защищая себя’.

В качестве союза, вводящего придаточное образа действия, может использоваться также наречие *comment*:

51) *Et toute justice doit tous ceus enquerre et apprendre, comment elle porra, et devra pugnir les maufeteurs, ne ne doit mie remeindre, que il ne soit pugniz, pour ce que li autres n'i pregnant exemple de leur mal fere...* (Louis, 16: 601) — ‘И любой судья должен их всех допросить и выяснить, как он сможет, и должен наказать преступников и не должен медлить, чтобы он был наказан, чтобы другие не взяли пример с их преступлений’.

В этом примере, как и в предыдущем, придаточное образа действия относится ко всему главному предложению, а придаточное, вводимое сложным союзом *pour ce que*, здесь выражает не причину,

но цель, намерение, и употребление глагола в субжонктив является показателем того, что природа придаточного изменилась.

Придаточные образа действия в старофранцузском языке часто не выделяют в отдельную группу и объединяют их с придаточными следствия [Катагощина, Васильева, 1997: 166-168; Bonnard, Régnier, 1991: 221-222], поскольку значение следствия может быть тесно связано с обстоятельственной характеристикой действия. Однако наши примеры показывают, что придаточные образа действия не обязательно выражают следствие, и в них может не прослеживаться контаминация двух значений.

Союз *si comme* также часто использовался в **сравнительных придаточных предложениях** для выражения аналогии:

52) *Se vilenie est dite devant juge, si comme la ou li prevos tient ses ples ou li baillis, entre gens de poosté l'amende est de .LX. s. et entre gentius gens l'amende est de .LX. lb.* (Beaum., 845: 434-435) — ‘Если оскорбления произнесены перед судьей, так же как там, где прево ведет судебное заседание или бальи, для простолюдинов штраф — 60 су и людей благородного происхождения — 60 ливров’.

Схожее значение имеет союз *aussi comme*, который выражает идентичность с фактом главного предложения:

53) *...et de tous autres cas il est demenés aussi comme uns hons de poosté seroit, excepté le fet de son cors...* (Beaum., 866: 441) — ‘...а во всех других случаях с ним обращаются так же, как обращались бы с простолюдином, исключая преступления, связанные с жизнью’.

Довольно часто в качестве коррелятивного элемента к союзу *comme* добавляется наречие/прилагательное *tel*, которое обозначает высокую степень качества объекта или действия главного предложения:

54) *Deit estre quite par le cheval sun pere, tel cum il out le jur de sa mort...* (Lois, 20: 17) — ‘(о пошлине вассала своему сеньору) Пошлина должна быть отдана конем своего отца, таким каким он (наследник) его получил в день смерти отца’.

Кроме того, употребление маркера *tel* свидетельствует об идентичности реальности главного и придаточного предложений.

Союз *si comme quant* вводит сравнение с определенным моментом времени (пример 55):

55) *Une autre maniere d'aliances ont esté fetes mout de fois par lesquelles maintes viles ont esté destruites et maint seigneur honi et desherité, si comme quant li communs d'aucune vile ou de plusieurs viles font aliances contre leur seigneur en aus tenant a force contre li...* (Beaum., 885: 447) — ‘Другие виды союзов были сделаны много раз, благодаря которым многие города были разрушены и многие сеньоры опозорены и лишены наследства, так же как когда горожане какого-либо города или многих городов создают союзы против своего сеньора, объединяясь насильно против него’.

Компаративное предложение может сочетаться с гипотетическим: таким образом формируется компаративно-гипотетическое предложение. В качестве союза, вводящего воображаемую, гипотетическую идентичность, используется *comme se*:

56) *...il en seroit autresi bien pendables, come s'il eust fet le fet* (Louis, 37: 403). — ‘...он за это также подлежит повешению, как если бы он выполнил это деяние (угрозы)’.

Гипотетичность сравнения подчеркивается и глаголом, стоящим в субжонктиве, а наречие *autresi* подтверждает эквивалентность действий главного и придаточного предложений. Это наречие входило в состав сложного союза *autresi com(e)*, который отмечал соответствие факта главного предложения обстоятельству, упомянутому в сравнительном придаточном предложении [Ménard, 1976: 225]. По-видимому, выражение *autresi come se* может рассматриваться как вариант *autresi com(e)*, противопоставляющий гипотетическое сравнение реальному.

В исследованном нами корпусе придаточные сравнения отражают идентичность, равенство, хотя они способны выражать и несходность, неодинаковость, устанавливая не только отношения равенства, но и более высокой или более низкой степени качества.

Кроме того, отметим, что какие бы оттенки сравнения или образа действия не обозначали придаточные предложения, они регулярно находятся в постпозиции к главному.

## Выводы

Исследование состава, семантики и структуры предложений в таком профессиональном дискурсе, как правовой, показывает, что в нем представлены все типы и виды предложений, границы между которыми часто сложно определить. Однако преобладают фразовые комплексы, в состав которых входят предложения, соединенные между собой разными видами синтаксической связи (комплексы смешанного характера).

В старофранцузских правовых текстах существовали особые маркеры смыслового единства нескольких предложений. К таким маркерам относятся сочинительные средства связи и коррелятивные элементы.

Сочинительные союзы, особенно *et*, *si*, *ne* широко использовались для объединения предложений в единый комплекс. Они применялись для соединения независимых предложений, придаточных предложений и связи главного с придаточным.

Сочинительные и подчинительные союзы отличались многозначностью, а вернее — широкозначностью, полифункциональностью [Поликарпов, 1987: 147]: они могли употребляться как союзы и как наречия (*si*, *mais*, *ainz*), использовались для выражения различных видов зависимости: так, *que* использовался как союз (местоимение), вводящий придаточные дополнительные, относительные, причинные, следствия, гипотетические, цели; *quand* — придаточные времени, условия, причины; *comme* — придаточные образа действия, сравнения, времени, причины.

В правовых текстах отражена развитая система подчинительных союзов, образовавшихся на основе *com* и *que*, выражающих различные нюансы темпоральных, причинно-следственных, уступительных и других отношений.

Бессоюзная связь, наблюдаемая в старофранцузских правовых документах, не примитивна в данный период и в этом типе дискурса. Без помощи союзов она способна передавать различные оттенки сочинения и подчинения, зависимость одной части предложения от другой.

Дискурсивным признаком текстов законов, очевидно, являются фразовые комплексы, содержащие условные придаточные предложения, поскольку именно в них реализуется логическая структура описания нормы права. Другие виды отношений, связывающие главное и придаточное(-ые) предложение(-я), позволяют максимально полно и детально описать все обстоятельства правового случая и их связь с реальными или потенциальными фактами, а также выявить грамматические структуры, типичные или предпочтительные для правового дискурса рассматриваемой эпохи.

# ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволил показать, что уже в старофранцузский период мы можем говорить о формировании не только терминологии права, но, шире, — языка права. Ранние правовые тексты строятся по определенным правилам, их структура и композиция вполне сложились. И хотя язык, которым написаны ранние французские правовые документы, отвечает общим правилам и подчиняется общим грамматическим законам старофранцузского языка, однако есть грамматические явления, которые меньше представлены в языке художественных произведений и обнаруживают свою специфику именно в правовых текстах. Так, в частности, сама структура фразы отличает язык правовой сферы от языка эпоса.

Отметим, что ранние письменные правовые источники, написанные на французском языке, носят гибридный характер, отличаются диалогичностью, в них отражен мир говорящего и мир адресата<sup>1</sup>, реализующийся через вставки прямой речи, в которых обозначаются субъект речи и адресат, а также через прямое обращение автора к адресату в текстах статей. Так, К. Ажеж считает, что человек диалогичен от природы, причем диалог следует понимать широко, «как общение в целом, как всякое языковое взаимодействие, осуществляемое лицом к лицу и составляющее глубинную характеристику человеческого вида» [Ажеж, 2003: 222]. В другой главе той же монографии К. Ажеж подчеркивает, что «Диалогическое взаимодействие не означает простого переноса информации. Прежде всего, дискурс как реальное воплощение языка служит для установления

---

<sup>1</sup> «Человеку в языке» и «языку в человеке», их единству и обоснованию статуса антропологической лингвистики посвящена монография [Антропологическая лингвистика, 2003].

некоего обмена, который требует иерархизации информации в соответствии с ее важностью и представляет собой нечто гораздо большее, чем обычная передача сообщений» [Ажеж, 2003: 247]. Это явление было рассмотрено при анализе конкретного языкового материала.

Определению диалога, данному К. Ажежем, отвечают ранние старофранцузские правовые тексты, в которых законодатель не отстранен от адресата речи, а нацелен на дискурсное взаимодействие и зачастую обращается к адресату напрямую, используя в т. ч. и вопросно-ответные единства, реализуя таким образом стратегию сотрудничества и обеспечивая совместное построение смысла и принятие норм и правил поведения. Оральность, следовательно, является отличительной чертой ранних правовых текстов, противопоставляющей их современным законодательным актам.

В свое время Р. А. Будагов, рассматривая проблему соотношения грамматического сочинения и грамматического подчинения, делает вывод о том, что следует различать два плана: исторический и жанровый. Исторически, продолжает он, сочинение предшествует подчинению, а в жанровом отношении, т. е. в отношении речевых стилей, сочинение характеризует речь устную, тогда как подчинение — речь письменную [Будагов, 1953: 215]. Можно согласиться, что исторически сочинение предшествует подчинению, однако материал правовых документов показывает, что говорить о примате сочинения над подчинением в старофранцузский период неправомерно до тех пор, пока в сферу рассмотрения не будут вовлечены разные типы текстов, в т. ч. отражающие профессиональный дискурс. Точно так же изучение жанровых норм и канонов художественных и нехудожественных произведений поможет понять специфику реализации сочинения и подчинения в том или ином языке, в тот или иной период его развития.

С другой стороны, парадокс состоит в том, что правовой дискурс в начале своего становления тесно связан с устной речью, он ориентирован на адресата, учитывает его при формулировании

статей закона. Поэтому этот вид нельзя исключать из списка текстов, которые служат базой для изучения средневековой устной речи.

Детальное исследование лингвистических маркеров гипотезы, диспозиции и санкции в древних правовых текстах на французском языке дает возможность выявить границы композиционных отрезков статьи закона, а также их композиционно-стилистические особенности, что позволяет лучше разобраться в специфике профессиональной речи и выявить формирующиеся тенденции. Кроме того, изучение синтаксиса ранних специальных текстов помогает уточнить, каким образом шел процесс становления синтаксиса общенационального французского языка, раскрыть истоки стилистической и жанровой специфики старофранцузских произведений, что, несомненно, обогащает наши представления о стратификации языков на ранних этапах их развития.



# СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

*Адмони, В. Г.* Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В. Г. Адмони. — Л.: Наука, 1988. — 239 с.

*Ажеж, К.* Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 304 с.

*Алефиренко, Н. Ф.* Лингвокогнитивная синергетика: истоки, принципы, сущность / Н. Ф. Алефиренко // *Studia linguistica cognitiva*. — Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. — С. 228-255.

*Андреева, К. А.* Когнитивные аспекты литературного нарратива / К. А. Андреева. — Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2004. — 196 с.

*Андреева, К. А.* Литературный нарратив: когнитивные аспекты текстовой семантики, грамматики, поэтики / К. А. Андреева. — Тюмень: Вектор Бук, 2004а. — 244 с.

*Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории: кол. монография* / под ред. Ю. М. Малиновича. — М.-Иркутск: ИЯ РАН : ИГЛУ, 2003. — 251 с.

*Апресян, Ю. Д.* Перформативы в грамматике и словаре / Ю. Д. Апресян // *Известия АН СССР*. — Сер. литературы и языка. — 1986. — Т. 45, № 3. — С. 208-223.

*Басманова, А. Г.* Синтаксис предложения французского языка / А. Г. Басманова, А. Н. Тарасова. — М.: Высшая школа, 1986. — 208 с.

*Белозерова, Н. Н.* Когнитивные модели дискурса / Н. Н. Белозерова, Л. Е. Чуфистова. — Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2013. — 256 с.

*Бенвенист, Э.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Э. Бенвенист: пер. с фр. — М.: Прогресс, 1974. — 447 с.

*Берман, Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Берман: пер. с англ. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — 592 с.

*Будагов, Р. А.* Очерки по языкознанию / Р. А. Будагов. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — 280 с.

*Булыгина, Т. В.* Концепт долга в поле долженствования / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // *Логический анализ языка. Культурные концепты*. — М.: Наука, 1991. — С. 14-21.

Булыгина, Т. В. Оценочные речевые акты извне и изнутри / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Язык речевых действий. — М.: Наука, 1994. — С. 49-59.

Бурсье, Э. Основы романского языкознания / Э. Бурсье. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. — 672 с.

Вестник Челябинского государственного университета. — Сер. Филология. Искусствоведение. — 2011. — Вып. 57, № 24 (239). — 325 с.

Вольф, Е. М. Португальская деловая проза и проблемы ее изучения / Е. М. Вольф, И. И. Челышева // Формирование романских литературных языков. — М.: Наука, 1984. — С. 196-285.

Гак, В. Г. Речевые рефлексы с речевыми словами / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Язык речевых действий. — М.: Наука, 1994. — С. 6-10.

Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. — М.: Добросвет, 2000. — 832 с.

Гиндин, С. И. Речевые действия и речевые произведения / С. И. Гиндин // Логический анализ языка. Язык речевых действий. — М.: Наука, 1994. — С. 59-63.

Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение / Е. И. Голованова. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. — 224 с.

Гумбольдт, В. фон О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт: пер. с нем. — М.: Прогресс, 2001. — 400 с.

Гусейнов, А. А. Этика / А. А. Гусейнов, Р. Г. Апресян. — М.: Гардарики, 2000. — 472 с.

Дейк, Т. А. ван Анализ новостей как дискурса // Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — М.: Прогресс, 1989. — С. 111-160.

Дейк, Т. А. ван Структура новостей в прессе // Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — М.: Прогресс, 1989а. — С. 228-267.

Дейк, Т. А. ван Эпизодические модели в обработке дискурса // Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — М.: Прогресс, 1989б. — С. 68-110.

Дейк, Т. А. ван Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике / Т. А. ван Дейк, В. Кинч. — Вып. XXIII. — Когнитивные аспекты языка. — М.: Прогресс, 1988. — С. 153-211.

*Джусти-Фичи, Ф.* Чужая речь (пересказывание) в балканославянских языках / Ф. Джусти-Фичи // Логический анализ языка. Язык речевых действий. — М.: Наука, 1994. — С. 11-17.

*Доза, А.* История французского языка / А. Доза. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. — 471 с.

*Дрожащих, Н. В.* Введение в динамическую синергетику языка / Н. В. Дрожащих. — Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2012. — 252 с.

*Елохова, Г. В.* Долг / Г. В. Елохова // Внутренний мир человека: Семантические константы: кол. монография. — Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2007. — С. 202-224.

*Залевская, А. А.* Проблема знания в различных ракурсах / А. А. Залевская // *Studia linguistica cognitiva*. — Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. — С. 14-64.

*Ивин, А. А.* Логика и теория аргументации / А. А. Ивин. — М.: Гардарики, 2007. — 220 с.

*Ильина, Т. П.* О роли различных форм речи в процессе языковых изменений / Т. П. Ильина // Человек. Язык. Время: материалы XVII конф. Школы-семинара им. Л. М. Скредлиной с междунар. участием (Москва, 16-18 сентября 2015 г.). — М.: МГПУ : Языки народов мира : ТЕЗАУРУС, 2015. — С. 168-170.

*Касевич, В. Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология / В. Б. Касевич. — М.: Глав. ред. восточной литературы изд-ва «Наука», 1988. — 309 с.

*Катагощина, Н. А.* История французского языка / Н. А. Катагощина, М. С. Гурычева, К. А. Аллендорф. — М.: Высшая школа, 1976. — 319 с.

*Катагощина, Н. А.* Курс истории французского языка / Н. А. Катагощина, Н. М. Васильева. — М.: Диана, 1997. — 421 с.

*Квадратура смысла:* Французская школа анализа дискурса. — М.: Прогресс, 1999. — 416 с.

*Кожемякина, В. А.* Язык французских грамот XIII века: основные особенности делового стиля французского языка на раннем этапе развития: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / В. А. Кожемякина. — М., 1983. — 24 с.

*Комарова, З. И.* Ядерные служебные слова в русском подъязыке информатики: квантитативно-квалитативное исследование / З. И. Комарова, С. В. Краев. — Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2008. — 303 с.

*Кобозева, И. М.* Семантика модальных предикатов долженствования / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // Логический анализ языка. Культурные концепты. — М.: Наука, 1991. — С. 169-175.

*Кравченко, А. В.* Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. — Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2004. — 206 с.

*Крейндлин, Г. Е.* О лексикографическом описании служебных слов русского языка / Г. Е. Крейндлин // Вопросы языкознания. — 1987. — № 1. — С. 106-120.

*Крейндлин, Г. Е.* Служебные строевые слова / Г. Е. Крейндлин // Семантика служебных слов. — Пермь: Пермский гос. ун-т, 1982. — С. 106-113.

*Кручинина, И. Н.* Сочинительная связь и эмфаза / И. Н. Кручинина // Язык: система и функционирование. — М.: Наука, 1988. — С. 135-144.

*Кулишова, Н. Д.* Языковая личность в аспекте психолингвистических характеристик (на материале письменных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н. Д. Кулишова. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2001. — 23 с.

*Кустова, Г. И.* Перформативные глаголы в неперформативных употреблениях / Г. И. Кустова, Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Язык речевых действий. — М.: Наука, 1994. — С. 30-37.

*Лаврентьев, А. М.* Влияние корпусных технологий на развитие диахронической лингвистики: пример Франции / А. М. Лаврентьев // Иностранные языки в школе. — 2014. — № 8. — С. 46-51 [Электронный ресурс]. — URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01071863>

*Лейчик, В. М.* Профессиональная и непрофессиональная лексика в профессиональных и непрофессиональных LSP / В. М. Лейчик // Вестник Челябинского государственного университета. — Сер. Филология. Искусствоведение. — 2011. — Вып. 57, № 24 (239). — С. 29-32.

*Логический анализ языка.* Язык речевых действий. — М.: Наука, 1994. — 188 с.

*Лотман, Ю. М.* Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. — СПб.: Искусство-СПБ, 2000г. — С. 150-390.

*Лотман, Ю. М.* Динамическая модель семиотической системы / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи / Ю. М. Лотман. — Т. 1. — Таллинн, 1992. — С. 90-101.

*Лотман, Ю. М.* Культура и взрыв / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. — СПб.: Искусство-СПБ, 2000в. — С. 12-148.

*Лотман, Ю. М.* Тезисы к семиотическому изучению культур / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. — СПб.: Искусство-СПБ, 2000а. — С. 504-525.

*Лотман, Ю. М.* Текст и функция / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. — СПб.: Искусство-СПБ, 2000б. — С. 434-442.

*Лыкова, Н. Н.* Генезис языка права (на материале французских и русских документов X-XV веков) / Н. Н. Лыкова. — Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2005. — 308 с.

*Лыкова, Н. Н.* Императивные высказывания в ранних французских правовых текстах / Н. Н. Лыкова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2017. — Т. 3, № 4. — С. 8-18.

*Лыкова, Н. Н.* О композиции древнего французского правового текста (на материале «Уложения святого Людовика») / Н. Н. Лыкова // Вестник Челябинского государственного университета. — Сер. Филология. Искусствоведение. — 2013. — Вып. 84, № 31 (322). — С. 54-57.

*Лыкова, Н. Н.* Проявления устной речи в ранних французских правовых документах / Н. Н. Лыкова // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: материалы XVIII Междунар. конф. Школы-семинара им. Л. М. Скрелиной (Москва, 13-16 сентября 2017 г.). — М.: МГПУ : Языки народов мира, 2017а. — С. 169-175.

*Лыкова, Н. Н.* Синтаксис ранних французских правовых документов / Н. Н. Лыкова // Человек. Язык. Время: материалы XVII конф. Школы-семинара им. Л. М. Скрелиной с междунар. участием (Москва, 16-18 сентября 2015 г.). — М.: МГПУ : Языки народов мира : ТЕЗАУРУС, 2015. — С. 236-241.

*Лыкова, Н. Н.* Функционирование побудительных высказываний (на материале французских текстов XIV-XV веков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Н. Н. Лыкова. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1990. — 189 с.

*Муромцев, С. А.* Рецепция римского права на Западе / С. А. Муромцев. — М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1886. — 155 с.

*Наумов, В. В.* Лингвистическая идентификация личности / В. В. Наумов. — М.: КомКнига, 2007. — 240 с.

*Нерознак, В. П.* Дискурс / В. П. Нерознак, И. И. Халеева // Эффективная коммуникация: история, теория, практика. — М.: Агентство «КРПА Олимп», 2005. — С. 833-835.

*Николаева, Т. М.* Сочинительные союзы *a, no, u:* история, сходства и различия / Т. М. Николаева // Славянские сочинительные союзы. — М.: Наука, 1997. — С. 3-24.

*Норман, Б. Ю.* Когнитивный синтаксис русского языка / Б. Ю. Норман. — М.: ФЛИНТА : Наука, 2013. — 254 с.

*Падучева, Е. В.* Вид и время перформативного глагола / Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Язык речевых действий. — М.: Наука, 1994. — С. 37-42.

*Поликарпов, А. А.* Полисемия: системно-квантитативные аспекты / А. А. Поликарпов // Квантитативная лингвистика. — Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та, 1987. — Вып. 774. — С. 135-154.

*Прокофьев, Г. С.* Право как информация / Г. С. Прокофьев // Эффективная коммуникация: история, теория, практика. — М.: Агентство «КРПА Олимп», 2005. — С. 822-825.

*Радугин, А. А.* Этика / А. А. Радугин. — М.: Центр, 2003. — 221 с.

*Реферовская, Е. А.* Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте / Е. А. Реферовская. — Л.: Наука, 1989. — 167 с.

*Реферовская, Е. А.* Теоретическая грамматика французского языка / Е. А. Реферовская, А. К. Васильева. — Ч. 2: Синтаксис простого и сложного предложений. — М.: Просвещение, 1983. — 334 с.

*Рыжова, Л. П.* Французская прагматика / Л. П. Рыжова. — М.: URSS, 2015. — 240 с.

*Рыжова, Л. П.* Французская «школа» анализа дискурса / Л. П. Рыжова // Тверской лингвистический меридиан. — Вып. 1. — Тверь: ТвГУ, 1998. — С. 84-92.

*Рыжова, Л. П.* Лингвистика дискурса: Французская школа / Л. П. Рыжова // Человек. Язык. Время: материалы XVII конф. Школы-семинара им. Л. М. Скредлиной с междунар. участием (Москва, 16-18 сентября 2015 г.). — М.: МГПУ : Языки народов мира : ТЕЗАУРУС, 2015. — С. 310-314.

*Сабанеева, М. К.* Историческая грамматика французского языка / М. К. Сабанеева, Г. М. Щерба. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. — 272 с.

*Саликова, О. В.* Субстантивные предложения в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 — Романские языки / О. В. Саликова. — М.: Моск. гос. областной ун-т, 2018. — 24 с.

*Санников, В. З.* Русские сочинительные конструкции: Семантика. Парадигматика. Синтаксис / В. З. Санников. — М.: Наука, 1989. — 267 с.

*Серебренникова, Е. Ф.* Человек говорящий и способы его представления личными местоимениями / Е. Ф. Серебренников // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. — М.-Иркутск: ИЯ РАН : ИГЛУ, 2003. — С. 57- 81.

*Сёрль, Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1986. — Вып. 17. — С. 170-195.

*Скрелина, Л. М.* Грамматическая синонимия / Л. М. Скрелина. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1987. — 84 с.

*Скрелина, Л. М.* Школа Гийома: психосистематика / Л. М. Скрелина. — М.: Высшая школа, 2009. — 367 с.

*Скрелина, Л. М.* История французского языка / Л. М. Скрелина, Л. А. Становая. — М.: Высшая школа, 2001. — 463 с.

*Становая, Л. А.* К вопросу о так называемом *sujet nul (null subject)* во французском языке / Л. А. Становая // Человек. Язык. Время: материалы XVII конф. Школы-семинара им. Л. М. Скрелиной с междунар. участием (Москва, 16-18 сентября 2015 г.). — М.: МГПУ : Языки народов мира : ТЕЗАУРУС, 2015. — С. 345-352.

*Степанов, Ю. С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века: сб. ст. / под ред. Ю. С. Степанова. — М.: РГГУ, 1995. — С. 35-73.

*Степанов, Ю. С.* Безличность и неопределенная референция / Ю. С. Степанов // Язык: система и функционирование. — М.: Наука, 1988. — С. 226-236.

*Теньер, Л.* Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. — М.: Прогресс, 1988. — 656 с.

*Томашпольский, В. И.* Старофранцузский язык / В. И. Томашпольский. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. — 235 с.

*Томсинов, В. А.* Значение римского права в общественной жизни Западной Европы XI-XIII вв. / В. А. Томсинов // Древнее право. — 1997. — № 1. — С. 112-119.

*Томсинов, В. А.* Рецепция римского права в Западной Европе в Средние века: постановка проблемы / В. А. Томсинов // Древнее право. — 1998. — № 1. — С. 169-175.

*Турбина, О. А.* К вопросу об универсальности глубинных синтаксических структур / О. А. Турбина // Человек. Язык. Время: материалы XVII конф. Школы-семинара им. Л. М. Скрелиной с междунар. участием (Москва, 16-18 сентября 2015 г.). — М.: МГПУ : Языки народов мира : ТЕЗАУРУС, 2015. — С. 380-384.

*Урысон, Е. В.* Опыт описания семантики союзов: лингвистические данные о деятельности сознания / Е. В. Урысон. — М.: Языки славянских культур, 2011. — 336 с.

*Урысон, Е. В.* Подсистема русских сочинительных союзов И, А, НО / Е. В. Урысон // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные техно-

логии: труды Междунар. конф. «ДИАЛОГ 2006». — Бекасово, 31 мая — 4 июня 2006 г. — С. 519-526.

*Успенский, Б. А.* Ego loquens: Язык и коммуникационное пространство / Б. А. Успенский. — М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 2007. — 320 с.

*Химик, В. В.* Категория субъективности и ее выражение в русском языке / В. В. Химик. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. — 184 с.

*Челышева, И. И.* Старофранцузский язык / И. И. Челышева // Языки мира: Романские языки. — М.: Academia, 2001. — С. 250-278.

*Челышева, И. И.* Языковая ситуация во Франции XV века / И. И. Челышева // Функциональная стратификация языка. — М.: Наука, 1985. — С. 201-218.

*Чернявская, В. Е.* Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия / В. Е. Чернявская. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 136 с.

*Шатуновский, И. Б.* Эпистемические глаголы: коммуникативная перспектива, презумпции, прагматика / И. Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Знание и мнение. — М.: Наука, 1988. — С. 18-22.

*Шишмарев, В. Ф.* Историческая морфология французского языка / В. Ф. Шишмарев. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — 268 с.

*Янко, Т. Е.* Описания мира и речевые действия / Т. Е. Янко // Логический анализ языка. Язык речевых действий. — М.: Наука, 1994. — С. 99-105.

*Antoine, G.* La coordination en français / G. Antoine. — Т. 1-2. — P.: D'Artrey, 1958-1962.

*Balon, L.* L'ancien français n'est déjà plus une langue à sujet nul — nouveau témoignage des textes légaux / L. Balon, P. Larrivée // Journal of French Studies. — 2016. — Vol. 26, № 2. — P. 221-237.

*Barbérís, J.-M.* Voix et oralité dans l'écrit: la représentation graphique de la parole populaire dans des textes chansonniers / J.-M. Barbérís // Cahiers de praxématique. № 49. 2007, document 8, mis en ligne le 01 janvier 2012, consulté le 30 septembre 2016 [En ligne] — URL: <http://praxematique.revues.org/944>

*Berrendonner, A.* La phrase et les articulations du discours / A. Berrendonner // Le français dans le monde. — Numéro spécial. Recherches et applications. — 1993. — P. 20-26.

*Bertin, A.* L'expression de la cause en ancien français / A. Bertin. — Genève: Droz, 1997. — 208 p.

*Bertin-Delbey, A.* Le système des conjonctions causales en ancien français / A. Bertin-Delbey // L'Information Grammaticale. — № 36, 1988. — P. 3-10 [En ligne] — URL: [http://www.persee.fr/doc/igram\\_0222-9838\\_1988\\_num\\_36\\_1\\_2060](http://www.persee.fr/doc/igram_0222-9838_1988_num_36_1_2060)



*Bertin-Delbey, A.* L'expression de la cause en ancien français (étude sémantico-syntaxique) / A. Bertin-Delbey // L'Information Grammaticale. — № 32, 1987. — P. 34-35 [En ligne] — URL: [http://www.persee.fr/doc/igram\\_0222-9838\\_1987\\_num\\_32\\_1\\_2103](http://www.persee.fr/doc/igram_0222-9838_1987_num_32_1_2103)

*Bertin, A.* Présentation: Les conjonctions en diachronie: parcours sémantiques / A. Bertin, H. Bat-Zeev Shyldkrot // *Linx*, 59 | 2008. — P. 7-13. Mis en ligne le 08 juillet 2011, consulté le 02 octobre 2016 [En ligne] — URL: <http://linx.revues.org/619>

*Bonnard, H.* Petite grammaire de l'ancien français / H. Bonnard, C. Régnier. — P.: Magnard, 1991. — 240 p.

*Brunot, F.* Précis de grammaire historique de la langue française / F. Brunot, Ch. Bruneau. — P.: Masson, 1949. — 642 p.

*Buridant, C.* Grammaire nouvelle de l'ancien français / C. Buridant. — P.: Sedes, 2000. — 800 p.

*Calvet, L.-J.* Injonction linguistique / L.-J. Calvet // Encyclopaedia Universalis [En ligne] — URL: <http://www.universalis.fr/encyclopedie/injonction-linguistique> (consulté le 1 février 2017).

*Capin, D.* De l'emploi interjectif des conjonctions: le cas de *CAR* introduisant l'impératif dans les textes médiévaux / D. Capin, J. Glikman // 129.199.228.10/diachro/Diachro7-resumes.pdf — Colloque international DIACHRO VII. Le français en diachronie (Université Sorbonne Nouvelle Paris 3 et École normale supérieure), 5-7 février 2015. — P. 15-16.

*Capin, D.* La disparition du sujet nul en ancien français: le cas des textes juridiques du Nord / D. Capin, P. Larrivée // 129.199.228.10/diachro/Diachro7-resumes.pdf — Colloque international DIACHRO VII. Le français en diachronie (Université Sorbonne Nouvelle Paris 3 et École normale supérieure), 5-7 février 2015. — P. 17-18.

*Cohen, M.* Histoire d'une langue: le français (des lointaines origines à nos jours) / M. Cohen. — P.: Éditions sociales, 1967. — 513 p.

*Collin, C.* La(es) représentations de l'absence dans l'injonction. Quelques exemples en anglais contemporain / C. Collin // Cahiers Forell - Formes et Représentations en Linguistique et Littérature-Archives (1993-2001). La représentation en linguistique et littérature. Publié en ligne le 15 octobre 2015 [En ligne] — URL: <http://09.edel.univ-poitiers.fr/lescahiersforell/index.php?id=370> Consulté le 1/02/2017.

*Cornu, G.* Linguistique juridique / G. Cornu. — P.: Montchrestien, 1990. — 423 p.

*Damourette, J.* Des mots à la pensée / J. Damourette, E. Pichon. — T. IV. — P.: d'Artrey, 1934. — 627 p.

*Dostie, G.* Deux marqueurs discursifs issus de verbes de perception: de *écouter/regarder* à *écoute/regarde* / G. Dostie // Cahiers de Lexicologie. — 1998. — № 73. — P. 85-106.

*Énonciation* et marques d'oralité dans l'évolution du français. Linx, 73. 2016, mis en ligne le 01 mars 2017, consulté le 28 octobre 2018 [En ligne] — URL: <http://journals.openedition.org/linx/1620>

*Foulet, L.* Petite syntaxe de l'ancien français. 3me éd.rev. / L. Foulet. — P.: Champion, 1998. — 393 p.

*Foyer, J.* Histoire de la justice / J. Foyer. — P.: P.U.F., 1996. — 128 p.

*Garrisson, F.* Histoire du droit et des institutions: Le pouvoir des temps féodaux à la Révolution / F. Garrisson. — P.: Montchrestien, 1977. — 391 p.

*Giry, A.* Manuel de diplomatique / A. Giry. — P.: Hachette, 1894. — XVI, 944 p.

*Gossen, C. Th.* La scripta des chartes picardes / C. Th. Gossen // Revue de linguistique romane. — 1962. — T. 26, № 103-104. — P. 285-299.

*Guillaume, G.* Temps et verbe. Théorie des aspects, des modes et des temps / G. Guillaume. — P.: Champion, 1929. — 134 p.

*Guillot, C.* Diachronie de l'oral représenté: délimitation et segmentation interne du dialogue (IXe-XVe siècle) / C. Guillot et al. // L'Histoire du français: nouvelles approches, nouveaux terrains, nouveaux traitements, Jan 2014, Cambridge, Royaume-Uni. 2016 [En ligne] — URL: <http://diachronie.org/colloques/colloque-cambridge-2014> (consulté le 2 février 2017).

*Guillot, C.* Écrit médiéval et traces d'oralité: l'exemple de l'adverbe or(e) / C. Guillot // La langue en contexte. Actes du colloque Représentation du sens linguistique IV, Société Néophilologique (Helsinki), 2009. — P. 267-281 [En ligne] — URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00654556> (consulté le 12 septembre 2017).

*Guillot, C.* Le discours direct au Moyen Âge: vers une définition et une méthodologie d'analyse / C. Guillot, A. Lavrentiev, B. Pincemin, S. Heiden // Lagorgette D.; Larrivée P. Représentations du sens linguistique. 5, Université de Savoie, pp. 17-41, 2013, Langages, 14, 782919732159. <halshs-00820262>

*Guillot, C.* L'oral représenté dans un corpus de français médiéval (9e-15e): approche contrastive et outillée de la variation diasystémique / C. Guillot, A. Lavrentiev, B. Pincemin // Kirsten Jeppesen Kragh; Jan Lindschouw. Les variations diasystémiques et leurs interdépendances dans les langues romanes.

Actes du Colloque DIA II à Copenhague (19-21 nov. 2012), Éditions de linguistique et de philologie, pp. 15-28, 2015, 9782372760027. <halshs-00760647v2>

*Guillot, C.* Oral représenté et diachronie: étude des incises en français médiéval / C. Guillot, S. Prévost, A. Lavrentiev // F. Neveu, P. Blumenthal, L. Hriba, A. Gerstenberg, J. Meinschaefer et S. Prévost. 4ème Congrès Mondial de Linguistique française, Jul 2014, Berlin, Allemagne. SHS Web of Conferences. — P. 259-276, 2014, Actes du 4ème Congrès Mondial de Linguistique française. <10.1051/shsconf/20140801284>. <halshs-01423628>

*Haßler, G.* Les conjonctions de causalité et leur grammaticalisation / G. Haßler // *Linx*, 59 | 2008, mis en ligne le 01 janvier 2012, consulté le 12 octobre 2018 [En ligne] — URL: <http://journals.openedition.org/linx/628>; DOI: 10.4000/linx.628

*Harris, M.* Aspects of subordination in English and other languages / M. Harris // *Bulletin of the John Rylands University Library of Manchester*, 69, 1, 1986. — P. 123-126.

*Imbert, J.* Histoire du droit privé / J. Imbert. — P.: P.U.F., 1972. — 128 p.

*Koch, P.* Pour une typologie conceptionnelle et médiale des plus anciens documents/monuments des langues romanes / P. Koch // Selig M. et al. Le passage à l'écrit des langues romanes. — Tübingen: Niemeyer, 1993. — P. 39-81.

*Koch, P.* Gesprochene Sprache und geschriebene Sprache. Langage parlé et langage écrit / P. Koch, W. Österreicher // Holtus G. et al. Lexikon der romanistischen Linguistik. — Tübingen: Niemeyer, 2001. — P. 584-627.

*Lodge, R. A.* Le français. Histoire d'un dialecte devenu langue / R. A. Lodge. — Éditions Fayard, 1997. — 382 p.

*Maingueneau, D.* École française d'analyse du discours / D. Maingueneau, P. Charaudeau // Dictionnaire d'analyse du discours. — P.: Seuil, 2002. — P. 201-202.

*Maingueneau, D.* L'énonciation en linguistique française / D. Maingueneau. — P.: Hachette, 1999. — 156 p.

*Marchello-Nizia, Ch.* Dire le vrai: adverbe SI en français médiéval. Essai de linguistique historique. Publications romanes et françaises. CLXVIII / Ch. Marchello-Nizia. — Genève: Droz, 1985. — 256 p.

*Marchello-Nizia, Ch.* Les plus anciens textes français (9e-mi 12e s.) et l'évolution de la syntaxe propositionnelle / Ch. Marchello-Nizia // 129.199.228.10/diachro/Diachro7-resumes.pdf — Colloque international DIACHRO VII. Le français en diachronie (Université Sorbonne Nouvelle Paris 3 et École normale supérieure), 5-7 février 2015. — P. 44-45.

*Marchello-Nizia, Ch.* Philologie numérique et syntaxe historique / Ch. Marchello-Nizia // Buchi E. et al. Actes du XXVIIe Congrès international de linguistique et de philologie romanes (Nancy, 15-20 juillet 2013). Allocutions d'ouverture, conférences plénières, tables rondes, conférences grand public. — Nancy: ATILF, 2015 [En ligne] — URL: <http://www.atilf.fr/cilpr2013/actes/section-0.html>

*Marmursztejn, E.* Introduction. *La fabrique de la norme: lieux et modes de fabrication des normes au Moyen Âge et à l'époque moderne, Actes des journées d'étude de Reims, 17 octobre 2008 et 4 décembre 2009.* Dir. Beaulande Véronique, Claustre Julie, Marmuzstein Elsa. — Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2012. — P. 7-14.

*Martin, F.* Indéfini, modalité et généricité dans la Déclaration des Droits de l'Homme / F. Martin // *Argumentation et Analyse du Discours*, 4, 2010, mis en ligne le 15 avril 2010. Consulté le 02 octobre 2016 [En ligne] — URL: <http://aad.revues.org/770>

*Ménard, Ph.* Syntaxe de l'ancien français / Ph. Ménard. — Bordeaux: Sobodi, 1976. — 320 p.

*Miličková, L.* La forme impérative et ses paraphrases / L. Miličková [En ligne] — URL: [https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/113650/1\\_EtudesRomanesDeBrno\\_21-1991-1\\_3.pdf?sequence=1](https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/113650/1_EtudesRomanesDeBrno_21-1991-1_3.pdf?sequence=1) (consulté le 21 mars 2017).

*Moignet, G.* Ancien français *si/se* / G. Moignet // Travaux de linguistique et de littérature. — 1977. — XV, 1. — P. 267-289.

*Morinière, M.* Comme en diachronie: bilan / M. Morinière, Th. Verjans // *Linx*, 58 | 2008. — P. 141-162. Mis en ligne le 16 février 2011, consulté le 02 octobre 2016 [En ligne] — URL: <http://linx.revues.org/337>; DOI: 10.4000/linx.337

*Oppermann, E.* Les emplois des infinitifs jussifs et prohibitifs en ancien français: une approche énonciative / E. Oppermann // Thélème. Revista Complutense de Estudios Franceses. 2003. Número Extraordinario. — P. 161-170.

*Oppermann, E.* Les emplois injonctifs du futur en français des origines au début du seizième siècle / E. Oppermann // L'Information Grammaticale. № 69. 1996. — P. 48-49 [En ligne] — URL: [http://www.persee.fr/doc/igram\\_0222-9838\\_1996\\_num\\_69\\_1\\_3009](http://www.persee.fr/doc/igram_0222-9838_1996_num_69_1_3009).

*Oppermann-Marsaux, E.* Les emplois des impératifs *regarde/regardez* (et de leurs variantes) du français médiéval au français préclassique: entre injonction et marqueur discursif / E. Oppermann-Marsaux // 129.199.228.10/diachro/

Diachro7-resumes.pdf — Colloque international DIACHRO VII. Le français en diachronie (Université Sorbonne Nouvelle Paris 3 et École normale supérieure), 5-7 février 2015. — P. 51-52.

*Peach, T.* Le droit romain en français au XVI-e siècle / T. Peach // Revue historique de droit français et étranger. — 1982. — P. 5-44.

*Ponchon, Th.* Le français médiéval à l'aube du deuxième millénaire. // L'Information Grammaticale. № 86, 2000 / Th. Ponchon. — P. 4-13 [En ligne]. — URL: [http://www.persee.fr/doc/igram\\_0222-9838\\_2000\\_num\\_86\\_1\\_2752](http://www.persee.fr/doc/igram_0222-9838_2000_num_86_1_2752); DOI: 10.3406/igram.2000.2752

*Queffélec, A.* Coordonnants actuels et coordonnant virtuel en ancien français / A. Queffélec // Revue québécoise de linguistique. — № 19 (1), 1990. — P. 57-75. — DOI:10.7202/602665ar 1990

*Robert, M.* Christiane Marchello-Nizia, Dire le vrai: l'adverbe "si" en français médiéval. Essai de linguistique historique, 1985 / M. Robert // Romania, t. 106 n°421, 1985. — P. 118-121 [En ligne] — URL: [https://www.persee.fr/doc/roma\\_0035-8029\\_1985\\_num\\_106\\_421\\_1742\\_t1\\_0118\\_0000\\_2](https://www.persee.fr/doc/roma_0035-8029_1985_num_106_421_1742_t1_0118_0000_2).

*Sneyders de Vogel, K.* Syntaxe historique du français / K. Sneyders de Vogel. — 2 me éd. — Groningue, La Haye: Wolters, 1927. — VIII, 443 p.

*Soutet, O.* La concession dans la phrase complexe en français: des origines au XVIe siècle / O. Soutet. — Genève, Droz, 1992. — 256 p.

*Soutet, O.* Des concessives extensionnelles aux concessives simples / O. Soutet // *Linx*, 59, 2008, mis en ligne le 01 janvier 2012, consulté le 02 octobre 2016 [En ligne] — URL: <http://linx.revues.org/629>; DOI: 10.4000/linx.629

*Zink, G.* Christiane Marchello-Nizia, Dire le vrai: l'adverbe "si" en français médiéval. Essai de linguistique historique. Publications romanes et françaises CLXVIII, Genève, Droz, 1985 / G. Zink // L'Information Grammaticale. — № 40, 1989. — P. 43 [En ligne] — URL: [http://www.persee.fr/doc/igram\\_0222-9838\\_1989\\_num\\_40\\_1\\_2023\\_t1\\_0043\\_0000\\_1](http://www.persee.fr/doc/igram_0222-9838_1989_num_40_1_2023_t1_0043_0000_1)

# СЛОВАРИ и принятые сокращения

*БЮС* — Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. — М.: ИНФРА-М, 2001. — 704 с.

*ЛЭС* — Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.

*Лыкова* — Лыкова, Н. Н. Словарь старофранцузской правовой лексики / Н. Н. Лыкова. — Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2011. — 156 с.

*Марузо* — Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. — 2-е изд., испр. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 440 с.

*ФЭС* — Философский энциклопедический словарь / под ред. С. С. Аверинцева. — М.: Советская энциклопедия, 1989. — 815 с.

*Шишмарев* — Словарь старофранцузского языка к книге для чтения по истории французского языка В. Шишмарева / сост. М. А. Бородина, М. В. Гордеева, В. Ф. Шишмарев. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. — 274 с.

*Dubois* — Dubois, J. Dictionnaire étymologique et historique du français / J. Dubois, H. Mitterrand, A. Dauzat. — P.: Larousse, 1995. — XXXII, 822 p.

*Godefroy* — Godefroy, F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX-e au XV-e siècle / F. Godefroy. — T. 1-10. — P.: Librairie des sciences et des arts.

*Greimas* — Greimas, A. J. Dictionnaire de l'ancien français. Le Moyen Âge / A. J. Greimas. — P.: Larousse, 1992. — XXII, 630 p.

*Picoche* — Picoche, J. Dictionnaire étymologique du français / J. Picoche. — P.: Dictionnaire LE ROBERT, 1983. — XII, 827 p.

*Robert* — Le Robert de poche / Dir. de D. Morvan. — P.: Dictionnaires LE ROBERT-SEJER, 2011. — X, 1074.

# ИСТОЧНИКИ и принятые сокращения

*Ass.* — Assises de Jérusalem ou Recueil des ouvrages de jurisprudence composés pendant le XIII-e siècle dans le royaume de Jérusalem et de Chypre. — T. 1: Assises de la Haute Cour / Publ. par M. le comte Beugnot. — P.: Imprimerie royale, 1841. — LXXXVII, 657 p.

*Beaum.* — Beaumanoir Ph. De. Coutumes de Beauvaisis / Texte critique publ. avec une introduction, un glossaire et une table analytique par Am. Salmon. — T. 1. — P.: Picard, 1899. — 512 p.

*Lois* — Lois de Guillaume le Conquérant en français et en latin / Publ. par J. E. Matzke. — P.: Picard, 1899. — LIV, 32 p.

*Louis* — Les Etablissements de Saint Louis // Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789 / Par MM. Jourdant, Decrusy, Isambert. — T. 2. (1270-1308) — P.: Plon, s. a. — P. 361-643.

*Plet* — Li Livres de Jostice et de Plet / Publ. par Rapetti. — P.: F. Didot, 1850. — LII, 451 p.

*Recueil* — Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789 / Par MM. Jourdant, Decrusy, Isambert. — T. 1. — P.: Plon, s. a. — P. 361-643.

Научное издание

ЛЫКОВА Надежда Николаевна

СИНТАКСИС  
СТАРОФРАНЦУЗСКОГО  
ПРАВОВОГО ДИСКУРСА

*Монография*

Редактор	<i>Ю. Ф. Евстигнеева</i>
Компьютерная верстка	<i>И. А. Штоль</i>
Компьютерный дизайн обложки	<i>Е. Г. Шмакова</i>
Печать цифровая	<i>А. В. Башкиров</i>
Печать офсетная	<i>В. В. Торопов, С. Г. Наумов</i>



Подписано в печать 29.12.2018. Тираж 102.  
Объем 10,23 усл. печ. л. Формат 60×84/16. Заказ 1095.

---

Издательство Тюменского государственного университета  
625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10  
Тел./факс: (3452) 59-74-68, 59-74-81  
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru